

ЭКОНОМИКА

УДК 331.104

Владимир Никифорович Белкин

Надежда Андреевна Белкина

Челябинский филиал Института экономики Уральского отделения РАН

Вероника Юрьевна Виноградова

Челябинский государственный университет

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ ПЕРСОНАЛА КАК ГЛАВНЫЙ ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

В статье освещаются вопросы и проблемы стимулирования инновационной активности персонала, социально-психологические барьеры на пути инновационного развития, повышения эффективности использования трудового потенциала персонала организаций. В качестве решения предложена авторская Система стимулирования инновационной активности персонала «Инновация» и показана эффективность ее использования на примере ОАО «Уралэлектромедь».

Ключевые слова: человеческий капитал, инновационная активность, стимулирование труда, трудовой потенциал персонала, Система «Инновация».

Необходимость перехода на инновационный путь развития осознана наукой, а в последние годы провозглашена государством как стратегическая задача страны. Особенно остро была поставлена эта задача в связи с выработкой стратегии развития России до 2020 года. Все большее число предприятий разных отраслей ориентируется на развитие инновационной активности. Однако до широкого практического воплощения этой задачи еще далеко, поскольку практически не рассматриваются главные, по нашему мнению, проблемы. Среди них: управление инновационной деятельностью в организациях, стимулирование инновационной активности персонала, экономические и социально-психологические барьеры на пути инновационного развития, повышения эффективности использования трудового потенциала персонала организации.

Опыт работы Челябинского филиала Института экономики Уральского отделения Российской академии наук в организациях позволяет сделать вполне обоснованный вывод: не будет инновационной экономики в России до тех пор, пока внешняя и внутренняя среда организаций существенно не изменится. Если большинство организаций может сравнительно благополучно существовать, не утруждая себя инновационной деятельностью, если персонал организаций не заинтересован в инновациях, в более полном использовании своего человеческого капитала, своих творческих и профессиональных качеств, следовательно, нет условий для перехода на новый путь развития.

Для того, чтобы персонал любой организации проявлял инициативу, делал инновационные предложения, необходимо создать такие условия, в которых системы мотивов труда персонала и системы стимулов труда организации совпадают, необходимо выявить резервы неиспользуемого трудового потенциала персонала и трансформировать его в че-

ловеческий капитал, тем самым, повышая эффективность его использования и получая от этого доход. Инновации, на наш взгляд, – это один из главных способов наиболее эффективного использования трудового потенциала персонала.

Наблюдения показывают, что в основе большинства действующих систем управления персоналом лежит, как правило, стиль управления, базирующийся на использовании негативных методов морального и материального воздействия: постоянная критика работников, предъявление претензий к качеству их труда, поиски и нахождение недостатков и т. п. Лавина негативной информации непрерывно идет сверху вниз. Недовольны работой своих подчиненных практически все руководители, а ими, в свою очередь, недовольны их руководители. Разного рода совещания, как правило, проходят в бурном обсуждении нескончаемых проблем и недостатков, поисках виновных и в их обвинении. Создается впечатление, что наши российские организации состоят только из плохих руководителей и таких же плохих подчиненных: никто не умеет и не хочет работать. Между тем, это не соответствует действительности. В любой организации есть коллективы, которые работают лучше других в тех же условиях. Есть руководители, которые умело и творчески руководят своими подразделениями. В каждом коллективе есть замечательные работники-новаторы, болеющие за свое дело. В каждой организации есть свои большие и маленькие достижения, свои трудовые традиции и династии и всегда есть свой положительный опыт работы.

Стимулируют работников, прежде всего, похвала, поощрение, поддержка, признание трудовых заслуг. Но поскольку недостатки в работе действительно имеются, так как часть работников относится к своим обязанностям не лучшим образом, наказание необходимо как метод морального воздействия, но только при таких условиях, которые стимулируют устранение этих недостатков и улучшают отношение к труду. Наказание играет положительную стимулирующую роль, как показывает опыт работы на предприятиях, в тех случаях, когда оно осуществляется на фоне регулярных поощрений.

Переход к инновационному развитию встречается с большими преградами. В одном отношении, это консервативность и антиинновационность сложившихся систем трудовых отношений в организациях, в другом – нет опыта перехода на инновационный путь развития, неизвестно как это делать.

Открытое акционерное общество «Уралэлектромедь» не стало исключением. В условиях глобализации экономики, приведшей к обострению конкуренции, разработка и внедрение инноваций стало главным условием сохранения предприятий на рынке. Однако, как показал опрос работников ОАО «Уралэлектромедь», более половины рабочих и руководителей считали, что на предприятии действует негласный принцип: инициатива наказуема. Это обстоятельство оказывает негативное влияние на инновационную активность работников, не позволяет поставить на службу ОАО накопленный интеллектуальный потенциал персонала. Для преодоления этого негативного явления в ОАО «Уралэлектромедь» была предложена Система «Инновация», разработанная нами и впервые внедренная в ОАО «Шадринский автоагрегатный завод» в 2008 году.

Анализ системы трудовых отношений в ОАО «Уралэлектромедь» показал большие резервы повышения инновационной активности персонала. Как и во многих других крупных российских предприятиях, в ОАО функционировала в основном система стимулирования рационализации и изобретательства, которая характеризуется слабой мотивирующей силой. Достаточно сказать, что за последние три года число рационализаторских предложений колебалось от 130 до 150 в год.

Система «Инновация» направлена на материальное и моральное поощрение работников за внесение инновационных предложений в области техники, технологии, организации производства, труда, управления, условий труда, экономии ресурсов и т. д. Для стимулирования труда в ОАО был образован Инновационный фонд, формально не входящий

в фонд зарплаты. Работа системы «Инновация» была формализована, каждый руководитель был обучен и четко знал свои действия, полномочия и ответственность.

Признание предложения инновацией, годной к внедрению, а также контроль за всей системой принятия, оценки и вознаграждения велись по вертикали снизу–вверх – от мастера к начальнику цеха, далее к директору по направлению и к директору ОАО. Оперативный контроль осуществлялся отделом труда и заработной платы ОАО. Вознаграждения назначались приказом директора ОАО по итогам месяца.

Важным свойством Системы «Инновация» является ее простота и оперативность поощрения. Новатор получает вознаграждение не через год, как это принято в системе БРИЗ, а по итогам за месяц. По своему содержанию Система «Инновация» выглядит как российский вариант «системы мелких улучшений», «системы бережливого производства», практикуемых в японской корпорации «Toyota».

В системе предусмотрено соревнование между рабочими, руководителями, специалистами, коллективами структурных подразделений ОАО по инновационной активности.

Система «Инновация» была принята и поддержана персоналом ОАО. Об этом свидетельствуют данные, приведенные в таблице 1.

Таблица 1

Динамика инновационных предложений в 2010 году

Период	Количество инновационных предложений
Январь	133
Февраль	218
Март	251
Апрель	166
Май	219
Июнь	412
Июль	415
Август	420
Сентябрь	387
Октябрь	412
Ноябрь	518
Декабрь	454
Итого за 2010 год:	4005

Как видно из таблицы 1, инновационная активность персонала нарастала с каждым месяцем: со 133 инноваций в январе до 518 в ноябре и 454 в декабре. Такое нарастание инновационной активности происходило на фоне изменений в сознании и поведении работников, вызванных действием Системы «Инновация».

Проведенные опросы работников ОАО показали существенное улучшение отношения персонала ОАО к инновационной деятельности. Так, 66,7 % руководителей первичного звена руководителей (мастера, начальники участков и т. д.) в конце 2009 года считали, что всякая инициатива в ОАО наказуема. Лишь 33,3% руководителей считали, что инициатива поощряется. Спустя год ответы существенно изменились: 90,4 % руководителей всех уровней управления заявили, что всякая инициатива поощряется и 9,6 % по-прежнему считают, что она наказуема. Год назад 50 % рабочих считали, что инициатива наказуема, а сейчас – 22,4 %. Соответственно считали, что инициатива поощряется 50,7 %, а сейчас

77,9 %. Год назад только 48 % рабочих считали себя способными к инновациям, а сейчас 64,9 %. Желающих заниматься инновациями было 35,5 %, а стало 62,5 %. Такие существенные изменения в сознание работников получены всего лишь за 1 год.

Затраты на поощрения новаторов составили всего 0,22 % годового фонда заработной платы. Средний размер вознаграждения за инновацию составил 1423 рубля. Как видно из этих данных, незначительные затраты на стимулирование инновационной активности персонала ОАО дали весьма существенный социально-психологический эффект. Он состоит не только в активизации инновационной активности персонала, но и в улучшении отношения к труду, укреплении дисциплины труда, улучшению общей психологической атмосферы в коллективах ОАО.

Что касается экономического эффекта, то в этом отношении нужно исходить из международного опыта внедрения систем бережливого производства. Согласно этому опыту за ряд лет издержки производства снижаются на 20–25 %.

Главной задачей работы была выработка системы оценки и стимулирования, которая поставила бы весь персонал в такое положение, чтобы ему было материально выгодно заниматься инновациями и невыгодно не заниматься ими. Иначе говоря, нужно было разработать двустороннюю систему стимулирования, в которой использовать свой трудовой потенциал стало бы выгодно. С помощью системы стимулирования труда и инновационной активности персонала можно преодолевать коренные недостатки широко распространенных на российских предприятиях систем стимулирования труда, вызывающих у значительной части работников демотивацию труда, оппортунистическое поведение и инновационную пассивность.

Характеризуя в целом Систему «Инновация», следует указать на следующие ее сильные стороны. Она коренным образом меняет социально – психологическую среду, в которой находятся работники. Предприятие дает четкий сигнал персоналу: инновационная активность всячески поощряется, лучшие новаторы вознаграждаются материально и морально. Героями дня становятся лучшие по инновационной активности структурные подразделения, руководители и рядовые работники. В этих условиях инициатива и новаторство уже не являются наказуемым делом. Инновационная активность руководителей открывает им путь к карьерному росту.

Одним из важнейших моментов новой Системы является то, что она преодолевает уравнильность в распределении зарплаты между творчески активными и пассивными руководителями и рядовыми работниками. Улучшение социально-психологической среды на предприятии повышает уровень корпоративной культуры, фирменного патриотизма, понижает уровень оппортунистического поведения персонала и демотивации труда. Наряду с этим развивается система экономической и социальной ответственности персонала. В результате таких преобразований в организации коренным образом меняется отношение к труду и к персоналу, к проявлению его творческих способностей, трудовой потенциал персонала в таких условиях используется наиболее эффективно. Таким образом, Система «Инновация» дает ответы на самые злободневные, острые вопросы производственной жизни ОАО «Уралэлектромедь» и других предприятий страны. Несомненно, широкое распространение данной системы поможет быстрее и успешнее перейти организациям РФ на инновационный путь развития и использовать как можно более эффективно главный ресурс любой организации – человеческий капитал.

УДК 331

Наталья Андреевна Родионова
Государственный университет управления

**НЕЛЕГАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ
КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Статья посвящена проблеме нелегальной миграции в России и возможным последствиям развития этого явления. Автор рассматривает миграцию как эффективный инструмент оздоровления экономики и предлагает меры по минимизации потерь государства от нелегальной миграции.

Ключевые слова: нелегальная эмиграция, экономическое развитие.

Нелегальная миграция как сложное явление оказывает воздействие на различные составляющие общественной жизни. В данной статье автор условно разделяет проблемы, напрямую или косвенно связанные с нелегальной миграцией, на социальные и экономические, тогда как в большинстве исследований они рассматриваются комплексно, поскольку находятся в тесной зависимости и в равной степени подчинены процессам, происходящим в обществе, оказывая на него заметное влияние. Мы разделили социально-экономические проблемы на условные составляющие с целью конкретизации и более точечного и детального изучения каждой из проблем, выделив проблемы социального и экономического толка. К социальным проблемам, связанным с нелегальной миграцией, мы отнесли криминализацию общества, нарушение прав человека, межнациональные конфликты и ксенофобию, размывание национальной культуры, санитарно-эпидемиологические проблемы. К экономическим проблемам, связанным с нелегальной миграцией, мы отнесли теневую занятость, укрывательство доходов, развитие коррупции в структурах власти, погрешности экономических показателей при планировании.

По мнению автора, миграция – это один из рычагов стабильного экономического развития России, где, по прогнозам Росстата, доля трудоспособного населения к 2020 году сократится с 63 до 55 %. При этом форма сосуществования коренного населения и мигрантов должна быть откорректирована с учетом потребностей государства и влияния миграции на конкретные социально-экономические составляющие. Если принимать во внимание мнение отдельных экспертов, что нелегальная миграция может быть благом с той точки зрения, что работодатели не соблюдают условия труда и берут на себя меньшее бремя ответственности, то при этом мы имеем дело с нарушением международного права на государственном уровне. Подобная возможность может нести определенную выгоду для экономики, однако при этом будут страдать другие общественные сферы и имидж государства в целом. Неоднозначная экспертная оценка дает основания для более детального изучения доли влияния нелегальной миграции на конкретные проблемы социально-экономического характера.

Миграция способна оказать влияние на различные сферы государства, в том числе и на экономическую безопасность. Экономическая безопасность страны является одной из важнейших составляющих общенациональной безопасности. Низкий уровень защищенности экономики делает страну уязвимой с политической, правовой, военной точки зрения. Неспособность государства защитить интересы экономики ведет в конечном итоге к политической недееспособности страны. Под термином «экономическая

безопасность» мы понимаем состояние экономики, обеспечивающее достаточный уровень социального политического и оборонного существования и прогрессивного развития Российской Федерации, неуязвимость и независимость ее экономических интересов по отношению к возможным и внутренним угрозам и взаимодействиям. Миграция как явление социально-экономического характера оказывает непосредственное влияние на экономическую безопасность. При этом уровень экономической безопасности, ощущающий на себе влияние миграционных процессов, зависит от характера конкретного миграционного потока. Если рассматривать экономическую безопасность на национальном уровне, то по совокупности параметров наибольшую угрозу представляет именно нелегальная миграция. При этом с точки зрения влияния нелегальной миграции на экономическую безопасность существуют две группы угроз: преднамеренные угрозы – целенаправленная нелегальная трудовая занятость мигрантов; непреднамеренные угрозы – эффект их деятельности и социальных структур, приводящий к социально опасным деяниям мигрантов [3. С. 72].

Развитие нелегальной формы миграции способствует усилению коррумпированности в государственных органах власти, сопряженных с миграционным контролем, деформирует существующий рынок труда, влияет на погрешности экономического планирования и прогнозирования, а также формирует благоприятную почву для развития теневой экономики.

Сегодня миграция оказывает существенное влияние на трансформацию рынка труда. В российской экономике складываются конкретные сферы приложения мигрантского труда, происходит деформация рынка труда под влиянием миграционных процессов, снижается стоимость рабочей силы и спрос на качественные продукты труда. 40–50 % рабочих мест, которые заняты мигрантами сегодня, уже стали мигрантскими, то есть «зарезервированными» под них [4. С. 179].

Сегодня к мигрантским сферам занятости относятся строительство, сфера услуг, торговля, сельское хозяйство – с поправкой, что существенная доля нелегальных мигрантов заняты в криминальных структурах. Развитая структура неформальной занятости провоцирует понижающее влияние мигрантов на уровень оплаты труда в отраслях их преимущественной занятости, поскольку оплата труда нелегальных мигрантов зачастую в несколько раз ниже уровня оплаты труда работников данной сферы и специализации.

Помимо деформации рынка труда, влияние нелегальной миграции на экономику принимающего государства проявляется в потерях от развития каналов теневой экономики, недополучения в бюджет налоговых отчислений.

Данные Центрального банка свидетельствуют о неуклонном и существенном росте личных денежных переводов из России в страны СНГ – если в 2003 г. их уровень составлял 1,3 млрд долларов США, то в 2010 году объем денежных трансграничных переводов в страны СНГ превысил 15 млрд долларов США, суммарный объем личных трансграничных переводов составил более 19 млрд долларов [2]. За счет денежных переводов из России многие страны СНГ подпитывают свои экономики. Так, по данным Всемирного банка, денежные переводы мигрантов составляют 45 % ВВП Таджикистана и 38 % ВВП Молдавии. При этом, согласно данным ООН, более 40 % от мирового объема переводов мигрантов осуществляется по неофициальным каналам.

Масштабные потери государственного бюджета приходятся на налоги и выплаты, которые нелегальные мигранты и «неформальные» работодатели не выплачивают в силу своего неофициального статуса. Средняя ежемесячная заработная плата, приходящаяся на одного мигранта в России (при условии переработок), составляет порядка 10 тысяч рублей в месяц [5]. Как уже было отмечено выше, не существует однозначной оценки количественной представленности нелегальных мигрантов в России. В данной работе автор принимает в качестве отправной оценки усредненный экспертный показатель в 5

млн человек. Ставка налога на доход физических лиц, являющихся резидентами иностранного государства, составляет 30 % в первые полгода, потом ставка снижается до 13 %. Таким образом, ежегодные потери бюджета от невыплаты нелегальными мигрантами НДФЛ составляют от 10 до 15 млрд рублей.

Отдельная статья экономических потерь – это расходы государства на борьбу с нелегальной миграцией. Количество иностранных граждан, выдворенных с территории Российской Федерации, составило за 2010 год 29 199 человек. В соответствии с Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» административное выдворение и депортация иностранного гражданина оплачивается депортируемым. Однако на практике административное выдворение незаконных мигрантов осуществляется зачастую за счет государственных средств – при отсутствии финансовых возможностей у депортируемого.

Еще одна сфера активного присутствия нелегальных мигрантов – это криминальная сфера. Так, в 2010 г. сотрудниками территориальных органов ФМС России направлено 3 680 материалов, для возбуждения уголовного дела по факту служебного подлога, по факту незаконного пересечения государственной границы РФ, по факту подделки, изготовления или сбыта поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков. По данным статьям возбуждено 2 355 уголовных дел и привлечено 710 лиц к уголовной ответственности. За 2010 год направлено 62 691 представление о закрытии въезда на территорию Российской Федерации иностранным гражданам. Количество иностранных граждан, выдворенных с территории Российской Федерации, составило за 2010 год 29 199 человек. Для сравнения: в 2009 г. количество депортированных иностранных граждан и лиц без гражданства было в 2, 4 раза меньше.

За 2010 год выявлено 246 767 иностранных граждан и лиц без гражданства, незаконно находящихся на территории Российской Федерации [3]. Учитывая, что по оценкам ФМС на 2010 год в России пребывало порядка 4 миллионов нелегальных мигрантов, самим фактом своего пребывания в стране совершающих правонарушение, то общая картина административных правонарушений и уголовных преступлений существенно меняется с учетом нелегальной миграции.

Статистика вовлечения иностранцев в криминальную деятельность, не связанную с процессом миграционного перемещения, варьируется по регионам. Если московская прокуратура обнаруживает данные о том, что число преступлений, совершенных иностранными гражданами в 2010 году, составило 6,32 % от общего числа преступлений в столице, то по России эта цифра в 2009 году составляет в среднем 3,6 % от общего числа зарегистрированных преступлений, а в 2010 г., по данным МВД России, иностранными гражданами и лицами без гражданства совершено 48 992 преступлений, что составляет всего 3,4 % от общероссийского показателя от числа расследованных преступлений. Однако особенно негативным трендом миграционной преступности является тенденция к увеличению доли преступлений, совершенных мигрантами, пропорционально тяжести преступлений. В 2010 году, по данным ГУВД Москвы, ими было совершено каждое второе изнасилование, каждый четвертый грабёж и каждое шестое покушение на убийство. Нелегальные мигранты, не имея возможности к адаптации, проживающие сегрегированно, не ощущают себя частью общества, в котором живут. Они не чувствуют в полной мере ответственности за свои деяния, нередко это происходит по причине недостаточной информированности.

Помимо вовлечения иностранных граждан, нелегально пребывающих в России, в традиционные преступления, нелегальная миграция фактом своего существования оказывает прямое влияние на коррумпированность органов государственной власти, сопряженных со сферой миграции. Наличие коррупционных рисков в миграционной службе подтверждается обращениями граждан. В среднем в год в территориальные органы

Федеральной миграционной службы поступает в среднем 20 тысяч обращений, свидетельствующих о недобросовестной работе органов власти. Это официальная статистика, которая позволяет предположить, что «на местах» взяточничество имеет место быть в укрупненном масштабе.

Еще одно направление деятельности, напрямую связанное с нелегальной миграцией и коррупцией в органах власти, – это организация фирм, которые готовят поддельные документы для нелегалов, а также занимаются получением официальных разрешений в обход обозначенных законом инстанций.

Другое нелегальное бизнес-поле, тесно связанное с подделкой документов, – это торговля людьми, которая, как и трудовая эксплуатация нелегалов, представляет собой оборотную сторону нелегальной миграции, где мигрант выступает и объектом, и субъектом преступления одновременно, с одной стороны, нелегально оказываясь в стране и занимаясь нелегальной трудовой деятельностью, а с другой стороны, это зачастую происходит против его воли, и в этом случае речь идет о грубом нарушении прав человека.

Помимо вовлеченности в неформальное экономическое поле и влияния на криминальную обстановку, нелегальная миграция способна оказать влияние на санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и уровень ксенофобских настроений в обществе.

Россия всегда была многонациональной страной; многонациональность, мультикультурность, многоконфессиональность – это исторически сложившиеся факторы её формирования. Такое гармоничное соседство культур и национальностей в одной стране стало возможным благодаря достаточно эффективной национальной политике. Однако в последнее десятилетие наблюдается резкий рост ксенофобских настроений, сопровождаемый последующим ростом числа межнациональных конфликтов. Под ксенофобией мы понимаем отличительную черту менталитета общества, которая проявляется в негативном отношении к социальным общностям или отдельным людям, воспринимаемым в качестве чужих и поэтому эмоционально неприемлемых, враждебных. Ксенофобия проявляется в таких формах, как мигрантофобия, этнофобия, формирует почву для развития национализма.

Межэтнические конфликты на почве социокультурных различий возникают, как правило, вследствие форсированной, принудительной языковой ассимиляции, разрушения культуры и норм религиозного или цивилизационного свойства. Это делает реальной перспективу дезинтеграции этноса как социокультурной общности, вызывает защитные реакции. При перемещении населения в регионы с отличной этнокультурной, языковой, религиозной средой, что чаще всего происходит при миграции из одной страны в другую, такая ситуация складывается неизбежным образом. При отсутствии политики адаптации мигрантов, государственного содействия интеграции в новую языковую среду, ситуация усугубляется.

Нелегальная миграция оказывает особое влияние на развитие этнофобских настроений. Если судить по общему портрету нелегального мигранта в России, то это лицо, лишенное любых прав, имеющее ограниченные возможности для взаимодействия с коренным населением и культурно-языковой адаптации. Почти половина членов мигрантского сообщества стараются избегать общественных мест. Создаются искусственные условия для сегрегации мигранта. Нарушение миграционного законодательства автоматически лишает мигранта возможности рассчитывать на какую-либо поддержку в вопросах адаптации к новой культурной среде. Это побуждает мигранта искать защиты у национальных этнических сообществ, использовать механизмы этнической солидарности. В России за последние 20 лет сформировались устойчивые национальные диаспоры армян, таджиков, азербайджанцев, китайцев, которые способствуют нелегальной миграции в России по отлаженным каналам и поддерживают своих соотечественников. При актив-

ной поддержке диаспоры у мигранта отсутствует необходимость адаптироваться к новой языковой среде, к ее культурным особенностям, в результате чего формируется закрытое сообщество внутри социума, которое априори воспринимается враждебно коренным населением, тем самым создавая благоприятную почву для роста числа конфликтов.

Нелегальная миграция как явление, слабо контролируемое, может послужить катализатором и для нарушения санитарно-гигиенического уклада, принятого в обществе. При осуществлении легальной трудовой деятельности в рамках квоты, выделенной государством, одним из обязательных условий при приеме на работу является прохождение медицинской комиссии. Подобная медицинская практика проверки мигрантов при въезде в страну с целью трудоустройства важна с точки зрения соблюдения санитарно-эпидемиологических норм для обеспечения безопасности трудовой деятельности. При условии, что 20 % трудовых мигрантов, по данным официальной статистики, задействованы в секторе торговли, 18 % трудятся в сельскохозяйственной отрасли, то фактор влияния состояния здоровья трудовых мигрантов на состояние здоровья принимающего населения очевиден. В 2009 году медкомиссии выявили у потенциальных иностранных работников 1,4 тыс. случаев сифилиса, 634 – туберкулеза и 157 – ВИЧ-инфекции. Потенциальный трудовой мигрант, у которого обнаружены вышеуказанные заболевания, не допускается к трудовой деятельности на территории Российской Федерации. В случае, если заболевание обнаружено после начала трудовой деятельности, мигрант подлежит депортации.

Мигрант, въехавший на территорию РФ незаконным образом, не проходит медицинского освидетельствования. Нелегальные мигранты представляют собой особую группу риска. Среди нелегальных мигрантов, живущих в Москве, которых удалось обследовать столичным органам здравоохранения, случаи инфицирования вирусом СПИДа фиксируются в 15 раз чаще, чем у коренных москвичей [1].

Отмечая особенности негативного влияния нелегальной миграции на константы стабильного и развитого общества, мы хотели бы рассмотреть возможные способы нейтрализации негативного влияния миграции на экономическую стабильность общества, то есть способы борьбы с нелегальной миграцией. Проанализировав возможные методы борьбы с нелегальной миграцией с экономической точки зрения, можно свести их к следующей формулировке – для эффективной борьбы с нелегальной миграцией нужно максимально снизить издержки легализации статуса трудовых мигрантов, при этом увеличив издержки их нелегального статуса. Опыт западных стран в сочетании с российскими реалиями показывает, что эффективными могут стать следующие меры по воздействию на нелегальную миграцию.

1. Миграционная амнистия.

Миграционная амнистия – это процесс легализации статуса нелегальных мигрантов. В течение определенного периода в стране начинают действовать облегченные условия получения статуса легального трудового мигранта. При подаче заявления нелегал несет минимальные потери и приобретает законные основания для трудовой деятельности. По окончании этого срока происходит ужесточение мер за незаконное пребывание в стране и нелегальную трудовую деятельность. Положительный опыт миграционного амнистирования имеют такие страны, как США, Италия и Испания, которая впервые успешно реализовала эту меру. В 2005 году в некоторых российских городах была предпринята попытка амнистии нелегалов, однако эксперимент не удался в силу его краткосрочности – она длилась 2 недели – и низкой степенью информированности работодателей и мигрантов. В 2008 году Управление Федеральной миграционной службы по городу Москве повторило попытку миграционной амнистии, однако она также не возымела должного результата.

В связи с этим амнистия в условиях российских реалий должна носить разовый характер, чтобы не стать явлением постоянным и повсеместным. Она должна объявляться за-

благовременно и ее должна предварять PR-кампания, информирующая о возможностях и последующих санкциях. Отсюда вытекает следующая важная мера в борьбе с нелегальной миграцией как явлением.

2. Повышение информированности потенциальных и фактических мигрантов об актуальном миграционном законодательстве и возможных последствиях нелегального статуса.

Зачастую потенциальные мигранты не знают о возможных последствиях незаконного пребывания в стране, а те, кто уже нарушили законодательство и осознают это, также зачастую преувеличивают возможные последствия и просто боятся раскрыть свой статус органам власти. Это создает своеобразный замкнутый круг. Повышение информированности населения о мерах законодательного регулирования вопросов миграции, разъяснительные работы в мигрантской среде помогли бы снизить издержки от преследования нелегальных мигрантов.

3. Уравнивание режимов налогообложения иностранных граждан и граждан Российской Федерации.

На сегодняшний день стандартная налоговая ставка на доходы физических лиц, являющихся резидентами Российской Федерации составляет 13 %, тогда как нерезиденты, которые пребывают в стране менее 180 дней, обязаны платить 30 % своего дохода. Стоит оговориться, что дополнительные 17 %, которые они выплачивают, возвратятся в случае пребывания в стране более 180 дней. Однако на практике это работает плохо, поскольку большинство трудовых мигрантов получают регистрацию на 3 месяца и приезжают повторно.

4. Расширение квот на использование труда иностранных граждан.

Квоты на иностранных работников формируются заблаговременно на календарный год с учетом заявлений работодателей. Межведомственной комиссии по вопросам привлечения и использования иностранных работников в 2010 году была выделена квота на 2011 год на Москву в размере 199 954 разрешений на работу. Планируемая доля иностранных граждан в численности занятых в экономике города должна составлять при этом не более 3,1 %. Учитывая, что по экспертным оценкам доля мигрантов в населении Москвы составляет от 10 % до 20 % населения, а отдельные эксперты указывают, что эта цифра приближается к 3 миллионам, то поиск нелегальных источников дохода и занятости становится очевидным решением в такой ситуации.

5. Усиление контроля над работодателями, повышение ответственности за незаконное использование рабочей силы и введение льгот за добросовестное соблюдение законодательства при использовании иностранной рабочей силы.

В 2007 году в Кодекс административных правонарушений были внесены поправки, увеличивающие сумму штрафа в случае незаконного привлечения иностранной рабочей силы без получения соответствующего разрешения. На данный момент сумма штрафа составляет от двух тысяч до пяти тысяч рублей; для должностных лиц – от двадцати пяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц – от двухсот пятидесяти тысяч до восьмисот тысяч рублей либо административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток. Однако работодателю часто выгоднее заплатить разовый штраф, чем потратить 6000 рублей на разрешение на привлечение на работу иностранной рабочей силы и уплатить 3000 рублей за каждого нанимаемого работника. Отметим, что легальная форма занятости работников накладывает на работодателя определенные обязательства по соблюдению Трудового кодекса РФ, тогда как выплата заработной платы в размере меньшей, чем устанавливает ТК, является повсеместной практикой.

Вышеуказанные меры свидетельствуют о существенных пробелах в правовом и политическом институтах управления миграционными процессами и сводятся к совершенствованию законодательно-административной базы. В завершении статьи автору еще раз хо-

телось бы отметить, что грамотное использование иностранной рабочей силы может стать объективным благом для страны с отрицательным воспроизводством и растущими нуждами, надо только найти ресурсы на управление этим подчас стихийным процессом.

Список литературы

1. Динамика трансграничных денежных операций по данным Центробанка России за 2009 год [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cbr.ru/statistics/CrossBorder/CrossBorder_2009.pdf?pid=svs&sid=TGO_obz.
2. Крамской, В. В. Организационно-экономические проблемы нейтрализации нелегальной трудовой миграции [Текст] : дис. канд. эконом. наук 08.00.05. – М., 2006.
3. Отчет по итогам деятельности ФМС в 2010 году, по данным ведомственной статистической отчетности (форма 1-РД) и Центрального банка данных по учету иностранных граждан и лиц без гражданства, временно пребывающих или постоянно проживающих в Российской Федерации.
4. Проблема незаконной миграции в России. Реалии и поиск решений [Текст]. – М. : Гендальф, 2004.
5. Тюрюканова, Е. Дешевый труд – миф или реальность? [Электронный ресурс] / Е. Тюрюканова. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0315/tema05.php>.

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

Лилия Минзуферовна Алеева

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

**ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ХРИСТА
В ОБРАЗАХ МЫШКИНА («ИДИОТ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО)
И ИЕШУА («МАСТЕР И МАРГАРИТА» М. А. БУЛГАКОВА)**

В статье рассматривается воплощение идеального в характерологическом комплексе Христа на примере романов Ф. М. Достоевского «Идиот» и М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». В Мышкине и Иешуа авторы стремились воплотить именно «комплекс Христа»: ребёнок (детскость, наивность, простота, ясность), болезнь как указание на особенность героя, его непохожесть на других, безгреховный идеал жизни, проповедь добра, истины. Лев Мышкин и Иешуа становятся проекцией образа Христа.

Ключевые слова: идеал, идеальное, Добро, Красота, Истина, Христос, комплекс Христа, безгреховный идеал жизни, детскость, грех, праведник, совершенство, страдание.

Творчество Ф. М. Достоевского и М. А. Булгакова имеет много схожих моментов. Параллели устанавливаются на уровне поднимаемых в произведениях проблем, жанровом своеобразии, трактовке художественных образов. Оба писателя наследуют в своем творчестве, в частности, в «Идиоте» и «Мастере и Маргарите», традиции, прежде всего Н. В. Гоголя (особенно ярко у М. А. Булгакова – традиция изображения нечистой силы), Сервантеса, Гете, маркиза де Сада и других представителей мировой литературы.

Много схожего в «Мастере и Маргарите» Булгакова, в «Братьях Карамазовых» (например, с одиннадцатой главой «Мастера» «Раздвоение Ивана»), «Бесах» Достоевского. Однако нас интересуют параллели булгаковского романа именно с «Идиотом». Оба писателя без конца экспериментировали при написании своих произведений «над героями и выразителями этих идей» [17. С. 127]. Художники не раз возвращались к своим идеям, повторяя наиболее важные и значимые для них идеи, образы, сюжеты. Достоевский оставил восемь вариантов плана романа «Идиот». Известно о существовании восьми редакций «Мастера и Маргариты» Булгакова.

Александр Зеркалов в работе «Этика Михаила Булгакова» пишет о переносе «на страницы <...> романа идеального героя “Идиота” Достоевского» [8. С. 224]. Иешуа, по мнению исследователя, предстает как некое продолжение образа князя Мышкина. Правда, Иешуа – «не копия трогательного героя Достоевского» [8. С. 234], – пишет А. Зеркалов. В этих образах есть много схожих черт, однако есть и существенные различия. Оба писателя берутся за решение проблемы идеального, совершенного в своих романах, оба писателя дают прекрасные образы, в которых «фрагментарно» [8. С. 210] присутствует образ Иисуса Христа, Богочеловека, совершенного существа, идеального человека. В обоих романах герои следуют заповедям Христа.

Мы попытаемся обозначить общие и различительные черты князя Мышкина и Иешуа, их схожесть с Христом, а также проанализируем разрешение проблемы идеального М. А. Булгаковым и Ф. М. Достоевским через эти образы в романах «Мастер и Маргарита» и «Идиот».

«Идиота» и «Мастера и Маргариту» объединяет тема утраты веры в Бога. Это есть ключевая позиция осознания самими писателями масштаба трагедийной расщепленности идеала. Мышкин пытается понять людей, говорит о Боге, Добре. Мастер также старается донести до человека мысли о существовании Бога и Добра. С проповедью вечного и повсеместного Добра выступает в романе Булгакова Иешуа Га-Ноцри. Князя Мышкина, Иешуа, Мастера объединяет и выделяет среди других своеобразное понимание мира. Они как пришельцы в чужом мире, непохожем на их мир. Этот новый мир они не в силах изменить. Однако герои возносятся над всеми, оказываются сильнее, ничто не смогло их сломить. Некоторые герои видят в князе Мышкине и Иешуа необычных людей, часто называют философами, а Иешуа ещё и великим врачом. «Сознайся, – тихо по-гречески спросил Пилат, – ты великий врач?» [2. С. 27]. Ипполит говорит о Мышкине: «Он или медик, или в самом деле необыкновенного ума и может очень многое угадывать» [5. Т. 8. С. 323]. Таким образом, Мышкин и Иешуа – оба врачеватели.

Однако в порочном обществе они оказываются в ситуации полного непонимания окружающими. Мышкин не стыдясь рассказывает о своём происхождении, говорит о том, что он болен, был болен. Очень часто князь ведёт себя как дитя. Врач Шнейдер называл его «совершенным ребёнком, вполне ребенок» [5. Т. 8. С. 63]. Мышкин не соглашается: «он, конечно, не прав, потому что какой же я маленький?» [5. Т. 8. С. 63]. «Совершенным ребёнком» его называют Лизавета Прокофьевна и многие другие герои.

Светлые моменты жизни, ощущение счастья, радости, гармонии художник связывает с представлениями о детях. В произведениях Достоевского не случайно так много детских смертей. Дети гибнут спокойно, зная заранее о своей смерти и не воспринимая ее как что-то страшное, безысходное. Дети сравниваются Достоевским с «птицами небесными»: «Они, как птички, бились крылышками в ее окна и кричали ей каждое утро: “Мы тебя любим, Мари”» [5. Т. 8. С. 63].

Многие принимают Мышкина за дурачка (так говорит о нём лакей). Епанчин считает, что князь «немного слишком простоват иногда» [5. С. Т. 8. С. 45]. Рогожину кажется, что Мышкин «не в себе» [5. Т. 8. С. 304]. Он, по мнению многих, «смешной» (Аглая), «больной» (Епанчина), «большой плут» (Александра), «сумасшедший» (Настасья Филипповна). Белоконская говорит: князь «и хорош, и дурён; ... больше дурён» [5. Т. 8. С. 459]; «добрый и смешной». Философа в нем видят Епанчин и Аделаида. Мышкин соглашается с этой оценкой.

Большинство же считают Мышкина «идиотом», «полным идиотом», «жалким идиотом» (Аглая, Настасья Филипповна, Лизавета Прокофьевна, Ганя), «чудаком» (Епанчины), юродивым. Об этом герои говорят либо только между собой, либо прямо в глаза. «Это очень хорошо, что вы вежливы, и я замечаю, что вы вовсе не такой... чудак, каким вас изволили отрекомендовать» [5. Т. 8. С. 46], – говорит Лизавета Прокофьевна Епанчина. Мышкин по-разному реагирует на подобные высказывания, зачастую не соглашается с тем, что его называют идиотом: «Я должен вам заметить, Гаврила Ардалионович, – сказал вдруг князь, – что я прежде действительно был так нездоров, что и в самом деле был почти идиот; но теперь я давно уже выздоровел, и потому мне несколько неприятно, когда меня называют идиотом в глаза» [5. Т. 8. С. 75].

Иешуа внешне похож на князя Мышкина. Он также не делает тайны из своего происхождения, что, в свою очередь, лишает в какой-то степени Понтия Пилата возможности смело даровать ему жизнь. Он не принимает его спасительных советов, почти приказов. «У меня нет постоянного жилища, <...> я путешествую из города в город» [2. С. 22]. Родных у него нет: «Нет никого. Я одинок в мире» [2. С. 22]. Он знает грамоту и языки – арамейский, греческий, латинский. Поэтому и Иешуа принимают за сумасшедшего и юродивого: «Разве я похож на слабоумного?» [2. С. 28] – спрашивает Иешуа Пилата. Иешуа Га-Ноцри называют «разбойником, «сумасшедшим» («Га-Ноцри <...> явно сумас-

шедший человек», – говорит о нем Пилат [2. С. 36]), «бродягой», «бродячим философом», («философом» называет его Понтий Пилат), «душевнобольным» («Бродячий философ оказался душевнобольным» [2. С. 30]), «безумным преступником», «преступником», «обвиняемым», «лгуном». Обвинения в адрес Иешуа и Мышкина сыплются со всех сторон. Общим, объединяющим, произведения Ф. Достоевского и М. Булгакова оказывается, таким образом, и мотив сумасшествия, используемый писателями для описания страданий героев, «отличающихся необычным поведением, подвергшихся психическому давлению» [3. С. 36]. Страдает Мышкин, страдает Иешуа, пострадал Христос. В произведениях очень много сцен душевных катастроф, особенно в романе «Идиот». За сумасшедших принимают Мышкина, Настасью Филипповну, Иешуа и других. Но это лишь внешнее сумасшествие, не внутреннее. Болеет этим недугом общество, непонимающее людей, человека. Исходя из того, что с греческого «идиот» переводится как «частный человек», «особенный, своеобразный», В.Мильдон считает возможным называть Мышкина новым человеком, другим (но не в значении «чужой»), частным, который «не хочет жить по *общему* распорядку» [10. С. 355]. В этом князь схож с Раскольниковым («Преступление и наказание»). Оба героя думают и действуют исходя из своих законов понимания мира. Именно с этих позиций исследователь истолковывает слово «идиот»: «не соответствующий общепринятым нормам, частный человек, и потому другой» [10. С. 356]. Критик С. Аскольдов в качестве главных черт князя называет «исключительную искренность, правдивость и мягкость», детскую наивность, чрезвычайную общительность и характеризует его как полубольного, но единственное проявление болезни, по мнению С. Аскольдова, – эпилепсия, другого ничего – нет. Напротив, «в умственном отношении Мышкин даже выше других, но интересы его не имеют никакой сосредоточенности» [1. С. 25].

В христианской и буддийской традициях мотив сумасшествия разработан в контексте мотива юродства. Юродивый является носителем божественного начала, его поведение отличается от общепринятого. В литературе подобные герои представлены в творчестве М. Сервантеса, В. Гюго, Ф. Достоевского.

Герои Достоевского и Булгакова выделяются из толпы своей необычностью, уникальной особенностью. Мастер – творец, гениальный писатель, Мышкин – человек с тонкой душой, чуткий ко всему, полный сострадания, каллиграф и также – художник. Он – художник-портретист и художник-пейзажист. Портретиста в князе видит Е. Г. Новикова [12]: он рисует лица, дает портретные ряды, в тончайших деталях передает душевные переживания человека. Ведь не случайно он читает в портрете Настасьи Филипповны страдание: «Удивительное лицо! – ответил князь, – и я уверен, что судьба ее не из обыкновенных. Лицо веселое, а она ведь ужасно страдала, а?» [5. Т. 8. С. 31–32]. Мышкин также хорошо описывает природу. Живописно дано им, например, описание водопада.

На современном материале Достоевский и Булгаков подняли вечные проблемы Жизни и Смерти, Добра и Зла, Истины и других нравственных ценностей, Совести, проблему Человека, его нравственного совершенствования, ответственности за свои поступки и мысли. Романы также повествуют о трагической истории пришествия Христа, особенно ярко эта тема представлена и раскрыта в «Мастере и Маргарите». И тот, и другой писатель остро ощущают трагическое расщепление идеала – и не только в окружающих их людях и в целом в социуме, но и в собственном сознании. Именно поэтому трагизм романов так высок.

В романе «Мастер и Маргарита» есть эпизод дискуссии о том, существовал ли реально Иисус Христос, эту дискуссию ведут Михаил Берлиоз и Иван Бездомный. Однако, помимо комического эффекта (особенно в ситуации, когда в разговор вмешивается Воланд), этот эпизод имеет большое значение для понимания самой концепции воплощения идеального в романе. Спор о существовании Христа становится спором о Добре, Красоте и Истине, провозгласителем которых становится Дьявол. Здесь сходится

воедино и расщепленное понимание идеала в сознании «советского народа», и всеобщее «отпадение» от Высшей Идеи. То, что на уровне художественного мира справедливость здесь восстанавливает «часть той силы, что вечно хочет зла», – демонстрация авторской позиции, признания самого факта растворения зла в жизни, и более того – согласия со злом, внутреннего признания его правоты на суд над «заблудшими людьми». Достоевский в образе князя Мышкина запечатлел трагедию человека, пытающегося сохранить цельное и христианоцентричное сознание в мире, где все эти идеалы потерпели крах и отступили в тень. Но при этом сам автор удерживает идеальное перед своим мысленным взором. Булгаков демонстрирует смерть идеала – память о нем еще жива, но в сознании самого автора присутствует горечь утраты идеала. Отсюда и острота сатирических страниц романа – своеобразного мщения за смерть идеального не только в практике человеческой жизни, но даже и в сознании самого автора, готового отдать «право на идеал» «дьяволиаде».

В рассматриваемых нами произведениях Ф. Достоевского и М. Булгакова уход героев в иной мир дается как достижение желаемого, как продолжение жизни в других обстоятельствах, в иных пространствах. Но если Мышкин через припадок эпилепсии воссоединяется с Богом, то Мастер и Маргарита, наконец, обретают долгожданный «покой», пространство вне рая, земли и ада. Болезнь и «покой» спасают героев от злых сил, злого, враждебного мира. Этот покой далек от понимания будущего социального рая, который становился темой размышлений у Достоевского. Это именно *альтернатива* идеальному, суррогат, замена идеального в мире, безнадежно утратившем это самое идеальное.

Мастер и Маргарита получают легкую и быструю смерть после долгих и тяжелых жизненных страданий. Кроме этого, они получают в качестве вознаграждения вечный покой.

Покой Е. Яблоков считает «атрибутом движения», который способен дать только Воланд, а это значит – «вывести из времени, поставить на грань бытия и небытия, отнять память и предать забвению» [20. С. 268]. Подробно проблему награждения Мастера «покоем», а не «светом» рассматривает в своём исследовании В. А. Славина [13].

Проблема «покоя» и «света» ставится в «Идиоте» и в «Мастере и Маргарите». Мастер и Мышкин отдаляются на время от людей, от общества, попадая в тесный круг близких им людей. Мышкин, приехав в Петербург из Швейцарии от профессора Шнейдера, вновь вынужден вернуться, покинуть Россию. Мастер уходит для творчества, для написания своего гениального романа, а затем получает заслуженный им покой и удаляется в него вместе с Маргаритой. Своеобразный покой получает и князь Мышкин. Возвращение болезни – это освобождение от общества, которое не готово принять положительно прекрасного человека, мессию, которое пока не может исправиться от пороков, стать на путь истинный, нравственно очиститься. В этом обществе нет места чистой душе, непорочному человеку. Т. Колесникова рассматривает эпилептический припадок князя Мышкина как переход из «мрака» в «свет», как смену этапа низвержения в пространство низа, «где запечатлен образ Мертвого Христа вне воскресения, в бездну богооставленности», этапом «воссоединения с божественным» [9. С. 177]. Эпилептический припадок следует рассматривать как момент просветления героя, достижения им состояния высшего спокойствия, гармонии, умиротворения, постижения тайн «высшего бытия», сближения с Богом, божественным. Герои М. Булгакова, напротив, получают все это в состоянии «покоя», получив его в награду, лишившись «света». Таким образом, у Достоевского и Булгакова различное понимание «света», обусловленное эволюцией и даже мутацией представлений об идеальном. Рогожин, Настасья Филипповна, Аглая проходят путь от «света» к «мраку», поддаваясь влиянию страстей, теряя связь с Богом, просветленностью. Они идут в бездну, в пропасть, в «мрак». Мышкин этот «мрак» навсегда покидает. Мастер и Маргарита уходят в покой, противопоставленный свету, а значит, в мрак. Но мрак этот им желанен и близок, ведь они люди иной эпохи, чем Настасья Филипповна и другие герои романа «Идиот».

Важнейшие проблемы Добра и Зла, ведущие начало из «древних пластов» [19. С. 105] русской культуры, поднимаются Достоевским и Булгаковым, но не находят разрешения в их творчестве. Эту ситуацию точно оценивает М. В. Хорева: «культурная рефлексия XX века закономерно выделяет в творчестве Достоевского проблему зла как одну из наиболее актуальных для XX века» [18. С. 128]. В XX веке перед человеком очень часто стоял выбор между плохим и очень плохим. Это так называемая ситуация дьявольского выбора. Если в «Идиоте» есть борьба Добра и Зла, то в «Мастере и Маргарите» нет противостояния этих противоположных сил. У Булгакова Бог и дьявол «не противостоят, а дополняют друг друга» [15. С. 129]. Достоевский верил в возможность перехода зла в Добро «путем внутренней катастрофы» [14. С. 25]. У него отрицательные герои получаются ярче положительных – в этом сходятся многие литературоведы. У Булгакова происходит переход «количественного в качественное» – зло так напитало мир собой, что стало «перетекать в добро».

Ситуация противостояния добра и зла в романах чрезвычайно важна для раскрытия нашей темы. Здесь важно, что у Достоевского остается именно противостояние злого и доброго в рамках человеческого сердца, когда один и тот же человек мучается совестью, несет в сердце идеал Добра, Красоты, Истины, но погружен в мир зла и греха в силу своей слабости, недалекости, отпадения от Бога. Спасение где-то рядом, Достоевский не собирается протягивать своим героям руку помощи – как и в христианской идее, они сами должны сделать свой выбор, и не всегда этот выбор однозначно приемлем для автора. В этом и заключается суть его полифонизма как художественного метода. Но, с точки зрения воплощения идеального в романе, перед нами сложнейшая художественная конструкция, когда герою предстоит разгадать, где зло, а где добро, сделать свободный выбор и пойти в сторону света. При этом свет однозначно связан с верой, вневременным идеалом. Этот идеал, по крайней мере, не умерщвлен и не уничтожен, хотя уже подвергнут «адской ревизии».

У Булгакова же и добро, и зло имеют человеческую природу. Эти явления, по мнению писателя, не могут быть предопределёнными свыше, так как они издавна присутствуют в мире и в жизни отдельного человека. Если в романе заложена мысль о том, что очень трудно уничтожить общественное зло, поэтому нужно начинать с искоренения личного зла, частного, то эта мысль имеет именно индивидуалистическую окраску. «Не чувственное начало в человеке есть зло, а *весь* человек зол, если воля его зла» [16. С. 271], – считал Рудольф Бультман.

Иешуа знает об ожидающих его страшных муках, истязаниях и неминуемой смерти, потому что Добро в этом мире пока способно вызывать только зло, смерть, отрицание, разрушение. Ему жалко не себя, а тех, кто творит зло, кому чуждо Добро, но он верит свято, что настанет день, когда истина и Добро победят и восторжествуют. Поэтому Иешуа неустанно проповедует Добро и всех называет «добрыми людьми». Иешуа верит в добрых людей, в доброе, проповедует добро, верит, что человека изменит разговор («доброе слово»): «Если бы с ним поговорить, – вдруг мечтательно сказал арестант, – я уверен, что он резко изменился бы» [2. С. 29]. Мышкин Достоевского добрым человеком называет генерала Епанчина. «Благодарю вас, генерал, вы поступили со мной как чрезвычайно добрый человек, тем более что я даже и не просил; я не из гордости это говорю; я действительно не знал, куда голову приклонить» [5. Т. 8. С. 31].

Мышкин также верит в торжество добра и отсутствие зла. Однако общество ни XIX (изображенное в «Идиоте»), ни XX веков («Мастер и Маргарита»), и вообще люди с момента зарождения жизни на земле ещё не готовы к принятию Христа, Добра, не способны к высшему, совершенству, к Всемирному, Вселенскому Добру. И пока оно способно лишь приносить зло, беды, смуту, крах и падение. Возможно, это одна из важнейших точек пересечения аксиологических оснований двух романов. Вопрос о втором прише-

ствии, тема Страшного Суда, мир без Бога и в ожидании Бога – все это вечные комплексы мотивов и идей в культуре. Однако сопоставление романов Достоевского и Булгакова показывает, что за 70 лет, разделяющих два этих шедевра, сам характер этого ожидания резко изменился. В истории князя Мышкина показана неготовность к испытанию добром, невозможность «социализации добра», включения его в повседневную практику, при том, что многие даже второстепенные герои романа ощущают, что становятся нравственнее рядом с Мышкиным, находят в своих сердцах спрятанное идеальное. В истории Иешуа, «опрокинутой» на московскую жизнь конца 30-х годов XX века, на первое место выходит именно тема полной индивидуализации добра. Теперь добро – это не внешнедоступный, цельный и неделимый идеал, но «личные правила поведения» человека, которые не могут разбудить в других сердцах идеальное, уже убитое навсегда. Вместо идеального (единства Добра, Красоты и Истины) люди находят в своих душах мстительность, эгоизм, отчаяние, озлобленность. Отсюда и воздействие Иешуа на окружающих: Пилат убивает Иуду и гордится своим поступком, Левий готов стать убийцей, он полубезумен, его записи сумбурны и невняты. Несомненно, все это воспринимается читателем в том свете, как подано автором, а именно – положительно. Мысленно читатель оказывается солидарен и с жестоким убийством предателя, и с полубезумными словами Левия. Но и в московских главах мы видим то же воздействие: становится ведьмой Маргарита, слабеет и фактически сдается мастер. Мир одинаково беспощаден к людям, потерявшим и забывшим Бога. И в этом отношении в художественном мире Булгакова ершалаимские главы принципиально, концептуально связаны с московскими.

Ни Мышкин, ни Иешуа не верят в то, что люди, «добрые люди» могут их убить. Мышкину всегда хочется заглянуть в глаза окружающих их людей, это ему необходимо. А глаза Рогожина сопровождают его всегда. Иешуа также пытается заглянуть в глаза всех (сцена казни, глаза Дисмаса).

В литературоведении установилась традиция сблизать образы князя Мышкина и Иешуа Га-Ноцри. Оба героя рассматривались с точки зрения соответствия или несоответствия образу евангельского Христа. Мнения исследователей разделились: одни считают, что Достоевскому и Булгакову удалось приблизить своих героев к Христу, дать их как совершенные, идеальные образцы, с чертами характера библейского образа. Другие исследователи отрицают схожесть князя Мышкина и Иешуа с Христом Евангелия и обвиняют авторов романов «Идиот» и «Мастер и Маргарита» в неудачной попытке трактовать христианский образ. Третьи видят в князе и бродячем философе попытку представить на суд публике современного Христа. Некоторые исследователи отмечают в образах преобладание чисто человеческих качеств. Очень много установлено историко-литературных параллелей. Достоевский и Булгаков воплотили в образах свои представления об идеалах, совершенстве, ценностях. Схожие черты имеются и между другими героями романов. По нашему мнению, князь Мышкин, несомненно, несет в своей душе «внезаходимый идеал», а Иешуа признает только понятие «человеческого добра», выражающегося в простых и ясных человеческих отношениях.

Е. А. Яблоков склонен считать Мышкина «князем-Христом», а Мастера – имеющим к Христу «самое прямое отношение <...> и в каком-то смысле отождествляется с ним как невинная жертва, хотя и не выполняет возможного на него предназначения, ассоциируясь также с евангельским Петром (если не Иудой)» [21. С. 242–243]. Здесь важна также тема предательства собственного литературного детища в последнем романе Булгакова. Ведь Мастер отказывается от дальнейшего творчества: «Я возненавидел этот роман, и я боюсь. Я болен. Мне страшно» [2. С. 144].

По мнению другого исследователя, Б. Гройса, следование Булгакова Достоевскому заметно и в представлении читателю главного героя как «идиота». Впрочем, здесь уже ощутимо влияние идей Ф. Ницше, и присутствие ницшеанских идей между Достоевским

и Булгаковым становится своеобразным водоразделом: Булгаков не может «черпать из Достоевского», «забыв о Ницше». Так, Б. Гройс считает, что Булгаков, заимствуя идеи Ницше, изображает «своего Христа» «идиотом», акцентируя внимание на «смешении в нем возвышенного, большого и детского» [4. С. 121–122]. Критика неоднократно отмечала влияние Достоевского на Ницше в понимании им образа Христа. Образ Христа в «Антихристе» формировался под воздействием Достоевского. Об этом пишет К. Свасьян в комментариях к указанному произведению [11. С. 799–804]. И. И. Евлампиев считает, что Ницше также называет Христа «идиотом» в положительном смысле, «в качестве прямой отсылки к роману Достоевского, где выведен “земной Христос”, “идиот” Мышкин» [7. С. 115].

Оба романа роднят последние сцены, в которых герои, как и прежде, всех прощают. Князь Мышкин пытается успокоить Рогожина, впавшего в горячку. Нежно и тихо дотрагивается до его волос, щек, пытаясь успокоить. Понтий Пилат страдает от сильной головной боли. Иешуа угадывает головную боль Пилата. Только Иешуа избавит от боли, только Иешуа снимает эту боль. Он предсказывает Пилату освобождение от боли, всё знает, как ясновидящий: «Но мучения твои сейчас кончатся, голова пройдёт» [2. С. 26]. Можно привести в параллель сюжетный поворот в «Идиоте», когда Мышкин исцеляет Мари и пытается пояснить Гане ужасную ошибку. В некотором смысле и Мышкин, и Иешуа – целители, однако это, скорее, метафорическое обозначение их воздействия на окружающих.

Мышкин простил и Ганю, его пощечину. Иешуа также всех прощает. Булгаков дает ужаснейшее описание последних минут жизни Иешуа, облепленного страшными насекомыми, сосущими кровь. Но, несмотря на это, «Он сказал, ... что благодарит и не винит за то, что у него отняли жизнь... Он все время пытался заглянуть в глаза то одному, то другому из окружающих и все время улыбался какой-то растерянной улыбкой» [2. С. 296–297].

О смерти размышляет в романе «Идиот» князь Мышкин. Он – как внимательный наблюдатель, тонкий психолог – различает границы смерти и жизни. Казнь ему приходилось видеть во Франции: «Человека кладут, и падает этакий широкий нож... Приготовление тяжелы. Вот когда объявляют приговор, снаряжают, вяжут, на эшафот взводят, вот тут ужасно!» [5. Т. 8. С. 19, 20, 21].

Мышкин рассказывает о казни так, словно сам прошел через это, Иешуа же проходит через допрос и оказывается казненным. Оба героя способны оценить последние минуты, секунды жизни, почувствовать жизнь. Иешуа, проповедующий Добро, получает смерть. Его Добро оборачивается для него, безопасного, простого, нравственно чистого человека, злом. То же самое и в «Идиоте». Мышкин не умирает, но вынужден навсегда оставить общество.

Герои демонстрируют редчайшую способность постижения того, что происходит в чужих, неродственных душах. Оба наделены удивительной наблюдательностью и тонкой интуицией, доброжелательным отношением ко всем. Мышкин не осуждает людей, напротив, пытается вылечить души ближних. Булгаков – так же, как Достоевский, – думал о цене слезинки ребёнка. Так Маргарита прекращает погром в квартире литератора, затравившего Мастера, увидев испуганного ребенка.

Иешуа Га-Ноцри, так же, как и князь Мышкин, – светлый образ, «сама воплощенная Истина братства» [6. С. 21]. Он проповедует: «Рухнет храм старой веры и создастся новый храм истины» [2. С. 26].

Создавая роман, Булгаков ставил целью создать героя, «верящего в людей абсолютно, идеально, нелепо до такой степени, чтобы любовь к людям вызывала не тишину, а беду и смуту, как было с князем Мышкиным» [8. С. 225]. Иешуа, как видим из романа, сопутствуют смута, беда, подозрения, мучения, допросы, страдания и смерть. Ни Мышкин, ни Иешуа не исправили людей, однако оба остались твердыми в своих помыслах, со своими убеждениями, пронизательностью.

Возраст и внешние данные сближают Мышкина и Иешуа с Христом. Более того, они следуют его учению, заповедям. Однако прямолинейно говорить о воплощении в Иешуа и Мышкине образа Христа нам кажется недостаточно обоснованным. Но важно, что и тот, и другой персонаж есть воплощение идеального. Это целая концепция – мировоззренческая, всесторонне обдуманная и осмысленная писателями. В этих героях авторы стремились воплотить именно «комплекс Христа»: ребенок (детскость, наивность, простота, ясность), болезнь как указание на особенность героя, его непохожесть на других (это так называемая объявленность героев сумасшедшими), безгреховный идеал жизни, проповедь добра, истины (царства истины).

О героях М. Булгакова и Ф. Достоевского правильнее было бы говорить, что они то приближаются к идеалу Христа, то отдаляются от него. Это несомненное следствие расщепления идеала. Достоевский и Булгаков как бы количественно распределяют идеал среди своих героев, создают характеры поступков. Обращенность к Христу есть общий типологический принцип, охватывающий героев. Путь от греха к праведности, от тьмы к свету осуществляется героями Федора Достоевского и Михаила Булгакова (это касается всех героев романов «Идиот» и «Мастер и Маргарита»). Лев Мышкин и Иешуа Га-Ноцри становятся проекцией образа Христа. Болезненное состояние князя и проповедь добра Иешуа приближает их к идеалу, к Христу.

Список литературы

1. Аскольдов, С. А. Психология характеров у Достоевского [Текст] / С. А. Аскольдов // Достоевский. Статьи и материалы / под ред. А. С. Долинина. Сб. второй. – Л. : Мысль, 1924. – 590 с.
2. Булгаков, М. А. Собрание сочинений в 5 т. Т. 5. Мастер и Маргарита. Письма [Текст] / М. А. Булгаков ; редкол. : Г. Гоц, А. Караганов, В. Лакшин и др.; подгот. текстов Л. Яновской, В. Гудковой, Е. Земской; комм. Г. Лескиса, В. Гудковой, Е. Земской. – М. : Художественная литература, 1990. – 734 с.
3. Ву Конг Хо. Восприятие романа «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова во Вьетнаме: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Ву Конг Хо. – М., 2005.
4. Гройс, Б. Ницшеанские темы и мотивы в советской культуре 30-х годов [Текст] / Б. Гройс // Бахтинский сборник. – М. : Прометей, 1991. – Вып. 2. – С. 121–122.
5. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972–1990.
6. Драгомирицкая, Н. В. О типе повествования в романе «Мастер и Маргарита» [Текст] / Н. В. Драгомирицкая // Творчество Михаила Булгакова в литературно-художественном контексте: тезисы докладов всесоюзной научной конференции / Самарский гос. пед. ин-т им. В. В. Куйбышева. – Самара : СГПИ, 1991. – 77 с.
7. Евлампиев, И. И. Достоевский и Ницше: На пути к новой метафизике человека [Текст] / И. И. Евлампиев // Вопросы философии. – 2002. – № 2. – С. 102–118.
8. Зеркалов, А. Этика Михаила Булгакова [Текст] / Александр Зеркалов. – М. : Текст, 2004. – 239 с.
9. Колесникова, Т. А. Поэтические компоненты структуры образа главного героя в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Колесникова. – Барнаул, 2003. – 226 с.
10. Мильдон, В. Раскольников и Мышкин (к художественной идеологии Достоевского) [Текст] / В. Мильдон // Вопросы литературы. – 2003. – № 5–6. – С. 344–357.
11. Ницше, Ф. Сочинения : в 2 т. [Текст] / Ф. Ницше. – М. : Мысль, 1996.
12. Новикова, Е. Г. Аделаида и князь Мышкин: Самоопределение художника в романе «Идиот» [Текст] / Е. Г. Новикова // Достоевский и мировая культура : альманах № 18.

Общество Достоевского. Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в С.-Петербурге : «Серебряный век». – СПб. : Классика плюс, 2003. – С. 47–60.

13. Славина, В. А. Проблема идеального в русской литературе, критике, публицистике первой половины XX века [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук / В. А. Славина. – М. : ПроСофт, 2006. – 328 с.

14. Соколов, Б. В. Расшифрованный Достоевский. Тайны романов о Христе. Преступление и наказание. Идиот. Бесы. Братья Карамазовы [Текст] / Б. В. Соколов. – М. : Яуза. Эксмо, 2007. – 512 с.

15. Ухова, Е. В. Философско-этические идеи в творчестве М. А. Булгакова [Текст] : дис. ... канд. филос. наук / Е. В. Ухова. – М., 1999. – 152 с.

16. Флуссер, Д. Загадка Христа. Две эпохальные работы об Иисусе [Текст] / Давид Флуссер ; [пер. с нем. С. В. Тищенко], Рудольф Бультман ; [пер. с нем. А. Б. Григорьева]. – М. : Эксмо, 2009. – 464 с.

17. Хоминская, В. М. Проблема художественного творчества в эстетике Ф. М. Достоевского [Текст] : дис. ... канд. филос. наук / В. М. Хоминская. – М., 1977.

18. Хорева, М. В. Нравственно-философская проблематика творчества Ф. М. Достоевского в картине мира XX века [Текст] : дис. канд. ... культурологии / В. М. Хорева. – Ярославль, 1999.

19. Чепурнова, Н. А. Нравственный идеал русской культуры [Текст] : дис. ... канд. филос. наук / Н. А. Чепурнова. – Н. Новгород, 2005.

20. Яблоков, Е. А. Проза Михаила Булгакова: Структура художественного мира : дис. д-ра филол. наук / Е. А. Яблоков. – М., 1997.

21. Яблоков, Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова [Текст] / Е. А. Яблоков. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 424 с.

УДК 004.738.5

Денис Григорьевич Загороднов
Челябинский государственный университет

ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ СОВРЕМЕННОГО НОВОСТНОГО ИНТЕРНЕТ-ЗАГОЛОВКА

Внимание к составлению привлекательного, коммуникативно насыщенного заголовка исходит как от профессиональных журналистов-практиков, так и от начинающих корреспондентов без специального образования. В данной статье мы предлагаем определить общие и отличительные качества заголовков, написанных ими. Результатом могут служить дальнейшие составления рекомендаций для факультативных занятий начинающих специалистов, а также определение уровня соответствия учебных программ знаниям абитуриентов.

Ключевые слова: заголовок, классификации заголовков, типы заголовков, М. И. Шостак.

Заголовок – основа для любой публикации, независимо от того, размещен ли материал в Интернете, либо на газетной полосе.

Нам было интересно, насколько в видовом диапазоне расходятся заголовки, написанные профессиональными журналистами, и заголовки журналистов начинающих, факти-

Общество Достоевского. Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в С.-Петербурге : «Серебряный век». – СПб. : Классика плюс, 2003. – С. 47–60.

13. Славина, В. А. Проблема идеального в русской литературе, критике, публицистике первой половины XX века [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук / В. А. Славина. – М. : ПроСофт, 2006. – 328 с.

14. Соколов, Б. В. Расшифрованный Достоевский. Тайны романов о Христе. Преступление и наказание. Идиот. Бесы. Братья Карамазовы [Текст] / Б. В. Соколов. – М. : Яуза. Эксмо, 2007. – 512 с.

15. Ухова, Е. В. Философско-этические идеи в творчестве М. А. Булгакова [Текст] : дис. ... канд. филос. наук / Е. В. Ухова. – М., 1999. – 152 с.

16. Флуссер, Д. Загадка Христа. Две эпохальные работы об Иисусе [Текст] / Давид Флуссер ; [пер. с нем. С. В. Тищенко], Рудольф Бультман ; [пер. с нем. А. Б. Григорьева]. – М. : Эксмо, 2009. – 464 с.

17. Хоминская, В. М. Проблема художественного творчества в эстетике Ф. М. Достоевского [Текст] : дис. ... канд. филос. наук / В. М. Хоминская. – М., 1977.

18. Хорева, М. В. Нравственно-философская проблематика творчества Ф. М. Достоевского в картине мира XX века [Текст] : дис. канд. ... культурологии / В. М. Хорева. – Ярославль, 1999.

19. Чепурнова, Н. А. Нравственный идеал русской культуры [Текст] : дис. ... канд. филос. наук / Н. А. Чепурнова. – Н. Новгород, 2005.

20. Яблоков, Е. А. Проза Михаила Булгакова: Структура художественного мира : дис. д-ра филол. наук / Е. А. Яблоков. – М., 1997.

21. Яблоков, Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова [Текст] / Е. А. Яблоков. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 424 с.

УДК 004.738.5

Денис Григорьевич Загороднов
Челябинский государственный университет

ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ СОВРЕМЕННОГО НОВОСТНОГО ИНТЕРНЕТ-ЗАГОЛОВКА

Внимание к составлению привлекательного, коммуникативно насыщенного заголовка исходит как от профессиональных журналистов-практиков, так и от начинающих корреспондентов без специального образования. В данной статье мы предлагаем определить общие и отличительные качества заголовков, написанных ими. Результатом могут служить дальнейшие составления рекомендаций для факультативных занятий начинающих специалистов, а также определение уровня соответствия учебных программ знаниям абитуриентов.

Ключевые слова: заголовок, классификации заголовков, типы заголовков, М. И. Шостак.

Заголовок – основа для любой публикации, независимо от того, размещен ли материал в Интернете, либо на газетной полосе.

Нам было интересно, насколько в видовом диапазоне расходятся заголовки, написанные профессиональными журналистами, и заголовки журналистов начинающих, факти-

чески не имеющих опыта штатных корреспондентов, однако мотивированных обучаться профессии и, возможно, обладающих базовыми, абстрактно-самообразовательными знаниями по профессии.

У старшеклассников г. Челябинска была возможность взглянуть на жизнь журналиста собственными глазами, а общение с преподавателями и студентами дало эффективную обратную связь. Об этом свидетельствуют результаты очередной олимпиады факультета журналистики ЧелГУ. Вот что было написано в газете «Университетская набережная», выпускаемой ЧелГУ: «На удивление, беседа получилась теплой и почти семейной – старшие и младшие, перемешанные в аудитории, в свободном режиме общались, ожидая вердикта. В глазах большинства ребят была видна та самая небольшая искорка, которая позволяет не просто творить и достигать цели, но и делать все это на высшем уровне» (http://un.csu.ru/gazeta/288/4654_1.html).

Для этапа, на котором участникам нужно было составить интересный, привлекательный заголовок к предложенным новостным текстам, мы отобрали несколько новостных сообщений из нашей эмпирической базы с сайта www.chelyabinsk.ru. При этом заголовки, изначально присутствующие в новостях, мы сознательно исключили из текстов.

Несмотря на свой юный возраст (некоторые ребята семиклассники), у подавляющего большинства участников уже имелся небольшой опыт в журналистике. В основном, это опыт добровольной работы в школьных стенгазетах, на школьных сайтах. Редкие из присутствующих претендентов могли озвучить более существенные достижения, как то работа в молодежных изданиях, или в прочих малотиражных СМИ даже в качестве внештатных корреспондентов. Однако и существующая у ребят практическая деятельность в качестве журналистов сама по себе говорит о стремлении познать эту профессию более основательно.

Прежде чем мы раздали новостные тексты (всего каждому участнику досталось по 2 новостных сообщения, на каждое из которых можно было предложить 1–2 варианта заголовка) мы озвучили наиболее общие рекомендации по созданию заголовков, сформулированные М. И. Шостак¹:

I. Заголовок-хроника. Имеет вид минимальной формы суммирующего лида. Его задача – сообщить о самом главном событии материала. Представляет собой небольшое предложение и практически полностью передает суть статьи.

II. Заголовок-резюме. Он встречается как в новостных сообщениях, так и в полноценных аналитических материалах, интервью, обзорах. Фиксирование ситуации как рядовой происходит здесь за счет наличия неопределенно-личных и безличных словесных форм. Такой заголовок предоставляет журналисту включить косвенный комментарий от себя. Отображаются заголовки данного типа в повествовательной, объективной, а подчас и умеренно ироничной форме.

М. И. Шостак прибавляет к данному типу несколько подтипов: прямое резюме, резюме с подчеркнутым комментарием, игровое резюме, резюме-парадокс и резюме с иронической оговоркой.

III. Заголовок-бегущая строка – вместо заголовка имеется ввиду подзаголовок, или лид – то есть самый зачин материала, плавно переходящий в текст.

IV. Заголовок-цитата – свойственна как для статей-интервью, так и новостным заголовкам с вычлененными из текста комментариями экспертов с места событий.

V. Заголовки-интриги – недосказанность и неоднозначность присутствуют в них и тем самым создают интригу, зажигая интерес среди читателей.

VI. Заголовки-«ужастики» – основаны, как правило, на криминальных происшествиях, повлекших ущерб жизни людей. Применимы чаще в «желтой» прессе, но встречаемы и в периодических изданиях с многолетней надежной репутацией.

Кроме того, мы напомнили ребятам о том, что кричащие, сенсационные заголовки не

сочетающиеся с тематикой новостного сообщения, либо же идущие вразрез со смыслом новости в целом, способны вызвать негативную реакцию у читателей, эффект определенного «обманутого ожидания» и последующее недоверие к распространяющему подобные тексты ресурсу. Также мы предостерегли юных журналистов от написания длинных и законченных по смыслу заголовков, так как они передают большее содержание всей новости, делая полноценное прочтение текста утомительным и по сути – бессмысленным.

Пришедшие старшеклассники чуть ли не в один голос заверяли, что знают, как писать заголовки правильно и имеют четкое представление о том, как сконструировать такой заголовок, который будет интересен подавляющему большинству читателей и провоцирует их к прочтению текста новости полностью. Несмотря на это, за отводимые 10–13 минут 6 человек успели написать лишь по одному заголовку к одной из двух предлагаемых новостей.

Для нашего исследования основным объектом являются заголовки. В виду этого, мы не будем делать деления вроде соотношений количества заголовков на человека, или установление прочих зависимостей в ракурсе журналист (школьник) ↔ заголовок. Для нас значимым будет общее количество заголовков и их вид.

Всего приняли участие 26 человек, ими было написано 68 заголовков. Изначально нами было приготовлено 9 новостных текстов, в авторской редакции (www.chelyabinsk.ru), из них убраны заголовки. Каждый из ребят получал 2 разных текста новости, таким образом, чтобы сидящие за одной партой не имели одинаковых текстов.

Ограниченность новостного материала была избрана нами осознанно, в том числе и для того, чтобы увидеть диапазон взглядов непрофессиональных журналистов на методике составления заголовка к схожим новостным текстам.

Ранее мы подробно описывали основные классификации заголовков, сочетающие в себе набор параметров, значимых при конструировании заголовков на сегодняшний день². Именно по этим классификациям мы и провели сравнительный анализ заголовков, предложенных журналистами-профессионалами (с сайта www.chelyabinsk.ru) и заголовков, составленных начинающими журналистами, в том числе школьниками без опыта работы в СМИ.

Обработанные результаты позволяют с достаточной точностью говорить об общих и отличительных особенностях заголовков школьников и опытных корреспондентов в каждой группе из классификаций. Результаты, если допустить утверждение о некоей идеальности заголовков профессионалов, их максимальной привлекательности для аудитории, могут указать на существующие недостатки журналистского знания (пусть даже и на уровне самообразовательных навыков) среди школьников и задать преподавателям хороший стимул в изменении вариативных частей программ в направлении более интенсивного изучения материала, неизвестного школьникам.

Итак, мы определили 6 классификаций заголовков по различным основаниям. В каждой классификации имеется от 3 до 6 групп или категорий. Рассмотрим каждую из групп более внимательно.

Классификация I (по целевой направленности заголовка) включает 6 категорий: побудительные, предупреждающие, запрещающие, повествовательно-информативные, заголовки-гимны и заголовки-загадки.

По большинству групп из данной классификации разница в количестве профессиональных заголовков и непрофессиональных не велика. Она составляет от 1 % до 6 %. Так, в группе побудительных заголовков – 24 единицы (35 %) среди профессиональных и 20 единиц (35 %) у непрофессиональных, а в повествовательно-информативных – 29 % против 27 % непрофессиональных. Из общей массы выделяется группа запрещающих заголовков. Если среди заголовков, написанных опытными журналистами, их нет, то в

заголовках, сочиненных начинающими корреспондентами таковых 1 %. Также заметно отделяются и заголовки-гимны. Профессионалы здесь вообще не прибегают к этому виду, а школьники пишут сразу 9 % от общего объема заголовков в классификации. Это следующие заголовки: «Жители Челябинска могут спать спокойно! Старейший рынок Челябинска будет работать!», «Наша милиция нас бережет», «Орган снова с нами», «Это не сумку украли – стартует Международное ралли» и другие.

В классификации, основанием для которой был уровень экспрессивности заголовка в целом, первая категория показала разницу в 9 % с большей долей в пользу заголовков от журналистов-профессионалов: 40 % и 31 % соответственно. В отличие от предыдущей категории, условно названной громогласной, вторая группа – акцентивная – выявила еще большее процентно-количественное расхождение. Вновь количественными лидерами обозначились заголовки опытных журналистов. Разница достигла 15 % (10 заголовков). Иными словами, 50 % против 35 %. Но большую неожиданность вызвала группа нейтральных или неэкспрессивных заголовков. Здесь заметно вперед вышли заголовки школьников – целых 34 % (23 заголовка). У профессионалов здесь в разы более скромные результаты – всего 10 % (7 штук). Назовем некоторые заголовки школьников, причисленные нами к группе неэкспрессивных: «Предложение продажи отклонено», «Собственник или команда», «Машины разных стран проверят южноуральские дороги», «Авторалли стартует в Саткинском районе» и прочие.

Классификация по степени полноты раскрытия темы (содержания) продемонстрировала весьма пропорциональные результаты в каждой из групп заголовков от профессионалов: 35 %, 35 % и 30 % в информативно полноценных, относительно информативных и дезинформативных заголовках соответственно.

Заголовки школьников дали более нестабильные групповые показатели. Так, группа относительно-информативных заголовков достигла 82 % от общего объема по классификации, а информативно-полноценной и дезинформативной группам досталось 5 % и 13 % соответственно. Это говорит о том, что начинающие журналисты стремятся вынести в заголовок некую обобщенную суть, смысл содержания, либо интересный эпизод из всего текста, но уходят от полного, относительно исчерпывающего заголовка, равно как не стремятся конструировать дезинформативные заголовки, отдаленные от общего тематического содержания и смысловой направленности текста.

Классификация по наличию в заголовках параметров срочности значительных отличий между профессиональными и непрофессиональными заголовками не выявила. Среди профессиональных все 100 % (68 заголовков) относимы к группе континуумно-независимых. Несколько иные результаты вышли у заголовков, написанных участниками олимпиады. Группа с максимальным количеством заголовков здесь та же (континуумно-независимая – 94 %), а в дополнение к ней выдвигается так же группа долгосрочных заголовков (6 % или 4 заголовка).

Все 4 заголовка относятся к одному и тому же материалу, но написаны разными авторами: «Обновись к весне», «60 за 28» (стрелка от 60 – 60 % скидка, от 28 – количество дней в феврале указанного в новости года), «А ты успел купить?», «Весенние распродажи в бутике UNO».

Следующая классификация по наличию в заголовках упоминаний о личностях, показала следующее: практически в каждой аналогичной группе имеются существенные количественные отклонения между заголовками профессиональных журналистов и начинающих. Такая численная отличительность варьируется от 19 % до 29 % от общего количества заголовков в классификации (всего 68 заголовков). Перечислим все категории текущей классификации и назовем численные (процентные) показатели, в каждой из числовых пар, выставляя данные по профессиональным заголовкам на первую позицию, а результаты подсчетов по заголовкам школьников – на вторую, замыкающую. Итак,

первая группа – безличные заголовки (в них не содержится данных ни о личностях, ни о группах лиц) 40 % (27 заголовках) и 65 % (44 заголовка); условно назывные – 10 % (7 заголовков) и 33 % (22 заголовка); коллективные заголовки – 20 % (14 заголовков) и 1 % (1 заголовок); индивидуальные заголовки – 30 % (20 заголовков) и 1 % (1 заголовок).

В то время, как среди заголовков профессиональных журналистов безличные заголовки составляют менее половины от общего числа (40 %), а половина распределяется между коллективными и индивидуальными заголовками (20 % и 30 % соответственно), участники олимпиады напротив – уделяют внимание личностям и группам всего на 2 % (по одному проценту на каждую группу). Здесь можно усмотреть стремление начинающих журналистов освятить скорее общий колорит темы, сюжетную направленность материала. Привлечение внимания читателей через цитату публичного человека либо какие-то его нестандартные действия, отраженные в заголовке, возможно, рассматриваются ими как уход, отстранение от темы, более значительного по их мнению содержания. Однако даже банальная оговорка публичного человека, непредсказуемый поступок, либо деяние могут затмить пресную и чрезмерно формальную тему, заинтересовать и развлечь читателя.

Наконец, заключительная классификация – по присутствию в заголовке числовых ориентиров. Анализ групп в данной классификации показал почти полную идентичность во взглядах на конструирование заголовка с числительными у профессионалов и начинающих.

Все заголовки профессионалов относимы к группе бесчисленных, или попросту не содержащих чисел. Начинающие журналисты солидарны здесь с профессионалами на 94 %. Именно столько заголовков, написанных ими, можно отнести к категории бесчисленных. Оставшиеся 6 % (4 заголовка) распределились в группах численно насыщенной (содержащие несколько чисел, либо числовых пар) 1 % = 1 заголовок и численно снабженной: 5 % (3 заголовка).

Примечания

¹ Шостак М. И. Сочиняем заголовки // Журналист. М., 1998. № 3. С. 61–64.

² Загороднов Д. Г. Возможная классификация новостных заголовков в Интернете на примере новостного регионального ресурса // Российские СМИ и журналистика в новой реальности: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию журналистского образования на Урале, Екатеринбург, 14–15 апреля 2011 г. [Электронный ресурс] / Мин-во образования и науки РФ, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, Фак. журналистики. Екатеринбург : [б. и.], 2011. 473 с. Режим доступа: <http://elar.usu.ru/handle/1234.56789/3477>.

³ Загороднов Д. Г. Классификации новостных заголовков в Интернете в масштабах провинциального мегаполиса // Вестник ЧелГУ. Филология. Искусствоведение. 2011. Выпуск 52, № 10 (225). С. 48–52.

⁴ http://un.csu.ru/gazeta/288/4654_1.html.

УДК 398

Татьяна Викторовна Савельева

Миасский филиал Челябинского государственного университета

ФОЛЬКЛОР В ГАЛАКТИКЕ МАКЛЮЭНА

Информационная цивилизация – галактика Маклюэна – рождает новые формы фольклора и новые формы бытования устного народного творчества, которые одни исследователи признают и изучают, другие отвергают, являясь сторонниками тезиса об

первая группа – безличные заголовки (в них не содержится данных ни о личностях, ни о группах лиц) 40 % (27 заголовках) и 65 % (44 заголовка); условно назывные – 10 % (7 заголовков) и 33 % (22 заголовка); коллективные заголовки – 20 % (14 заголовков) и 1 % (1 заголовок); индивидуальные заголовки – 30 % (20 заголовков) и 1 % (1 заголовок).

В то время, как среди заголовков профессиональных журналистов безличные заголовки составляют менее половины от общего числа (40 %), а половина распределяется между коллективными и индивидуальными заголовками (20 % и 30 % соответственно), участники олимпиады напротив – уделяют внимание личностям и группам всего на 2 % (по одному проценту на каждую группу). Здесь можно усмотреть стремление начинающих журналистов освятить скорее общий колорит темы, сюжетную направленность материала. Привлечение внимания читателей через цитату публичного человека либо какие-то его нестандартные действия, отраженные в заголовке, возможно, рассматриваются ими как уход, отстранение от темы, более значительного по их мнению содержания. Однако даже банальная оговорка публичного человека, непредсказуемый поступок, либо деяние могут затмить пресную и чрезмерно формальную тему, заинтересовать и развлечь читателя.

Наконец, заключительная классификация – по присутствию в заголовке числовых ориентиров. Анализ групп в данной классификации показал почти полную идентичность во взглядах на конструирование заголовка с числительными у профессионалов и начинающих.

Все заголовки профессионалов относимы к группе бесчисленных, или попросту не содержащих чисел. Начинающие журналисты солидарны здесь с профессионалами на 94 %. Именно столько заголовков, написанных ими, можно отнести к категории бесчисленных. Оставшиеся 6 % (4 заголовка) распределились в группах численно насыщенной (содержащие несколько чисел, либо числовых пар) 1 % = 1 заголовок и численно снабженной: 5 % (3 заголовка).

Примечания

¹ Шостак М. И. Сочиняем заголовки // Журналист. М., 1998. № 3. С. 61–64.

² Загороднов Д. Г. Возможная классификация новостных заголовков в Интернете на примере новостного регионального ресурса // Российские СМИ и журналистика в новой реальности: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию журналистского образования на Урале, Екатеринбург, 14–15 апреля 2011 г. [Электронный ресурс] / Мин-во образования и науки РФ, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, Фак. журналистики. Екатеринбург : [б. и.], 2011. 473 с. Режим доступа: <http://elar.usu.ru/handle/1234.56789/3477>.

³ Загороднов Д. Г. Классификации новостных заголовков в Интернете в масштабах провинциального мегаполиса // Вестник ЧелГУ. Филология. Искусствоведение. 2011. Выпуск 52, № 10 (225). С. 48–52.

⁴ http://un.csu.ru/gazeta/288/4654_1.html.

УДК 398

Татьяна Викторовна Савельева

Миасский филиал Челябинского государственного университета

ФОЛЬКЛОР В ГАЛАКТИКЕ МАКЛЮЭНА

Информационная цивилизация – галактика Маклюэна – рождает новые формы фольклора и новые формы бытования устного народного творчества, которые одни исследователи признают и изучают, другие отвергают, являясь сторонниками тезиса об

умирании фольклора в современном обществе. В статье рассматриваются основные тематические группы традиционного устного народного творчества, представленные в сети, а также интернет-фольклор.

Ключевые слова: устное народное творчество, фольклор, галактика Маклюэна, пост-фольклор, интернет-фольклор.

Слова канадского философа и культуролога Маршалла Маклюэна о том, что вначале мы формируем технологии, а потом они формируют нас, как нельзя более актуальны в сегодняшней фольклористике.

Фольклор традиционно понимается как устное народное творчество, Словесный фольклор – искусство слова, передаваемое из уст в уста. Изобретение алфавита переключило человечество в письменную, книжную эпоху. С появлением книг фольклор стал существовать, бытовать, передаваться не только в устной форме, но и на бумаге. В конце XX века произошёл новый переворот – информационный. Появление электронных ресурсов и носителей внесло свой вклад в бытование фольклора и породило противоречие: с одной стороны, возвращение к архаичным формам культуры, повышенный интерес к архаике, архетипам, с другой – расширение информационных возможностей, использование технических средств виртуальной реальности. А. Пелипенко в статье «Дуалистическая революция» пишет: «Современному человеку никуда не уйти и от подсознательного опыта непредставимо долгих тысячелетий архаики с его установками на эмпатическую связь с природой, на экзистенциальную слитность с коллективом, синкретизм и ритуальность» [1].

Сегодня фольклор в Интернете можно анализировать в двух аспектах: интернет-фольклор, то есть фольклорные тексты, появление которых связано с Интернетом, компьютерами, работой сисадминов и т. д., и традиционный фольклор, который бытует во «всемирной паутине».

Рассмотрим вначале второй вариант – традиционный фольклор, представленный в Интернете. Есть множество сетевых ресурсов, на примере которых можно проследить подобное бытование. Предметом нашего изучения стала социальная сеть «ВКонтакте» как наиболее популярная в нашем Южно-Уральском регионе и в молодежной среде.

Поисковая система сайта при введении слова «фольклор» в разделе «группы» находит 2657 групп. Но при внимательном рассмотрении этих групп оказывается, что не все соответствуют заданной теме. 936 из найденных нами групп действительно относятся к бытованию различных видов и форм фольклора, остальные же раскрывают совершенно другие темы, чаще всего связанные с мистикой во всех видах искусства. Например, сериал «Сверхъестественное», различные фильмы ужасов, фан-группы современных певцов и даже клуб любителей кошек.

Группы «ВКонтакте», связанные с традиционным фольклором, можно разделить на тематические направления. Музыкальный фольклор (ансамбли, студии песни и танца и др.) составляет около 500 групп, например: «Казачьи песни, музыка, танцы» [2], «Ансамбль народной духовной музыки “Светилен”» [3]. Групп, относящихся к словесному фольклору, значительно меньше. Мы нашли 124 группы, например: «Пословицы и поговорки» [4]. Однако это число нельзя назвать постоянным, группы появляются и исчезают каждый день.

Среди анализируемых нами групп встречаются как созданные любителями, признающими свое дилетантство, основанные лишь на личном интересе к народной культуре, так и профессионалами. К таким относится Ольга Ключникова, доцент РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (г. Москва), аспирант кафедры славянской филологии, научный сотрудник ИМЛИ РАН Елена Чернышова (г. Москва).

Среди подобных групп многие представляют официальные объединения или учреждения и выполняют не столько коммуникативную, сколько информативную функцию: Фольклорно-информационный портал ФОЛКИНФО, Российский фольклорный союз. Российский фольклорный союз был основан в 1989 году. Сегодня активно действующие филиалы РФС присутствуют в 65 субъектах Российской Федерации, включая обе столицы и многие крупные города нашей страны. Союз занимается изучением, освоением, поддержкой и распространением традиционной народной культуры во всем многообразии её проявлений. Эта всероссийская организация объединяет фольклористов-теоретиков и практиков, а также коллективы: ансамбли, группы студии, клубы, работающие на поле НТК (народной традиционной культуры). Одно из направлений деятельности Союза – восстановление искусственно разрушенного процесса преемственности НТК, введение её элементов в современный социокультурный процесс. Коллективы собирают, осваивают, популяризируют, передают более молодым поколениям различные формы народного искусства, быта и жизни (традиционные праздники, семейно-бытовые обряды, музыка, пение, танцы, боевые искусства, ремесло). В этой организации состоят и работают самые высокие профессионалы в области фольклористики, занимающиеся организацией и проведением семинаров, фестивалей, реконструкцией праздников, фольклорными экспедициями.

Наиболее интересными с точки зрения исследователя выглядят публикации в группах фольклорных текстов, особенно не публиковавшихся ранее или опубликованных в малом количестве экземпляров, следовательно, труднодоступных. Вторым интересным моментом представляются темы обсуждений, например, «новые, приоритетные темы исследования в фольклористике» (группа «Русский фольклор: заметки фольклориста» [5]). Среди новых тем лингвофольклористики названы, например, «языковые механизмы образования традиционных фольклорных смыслов слова в современных жанрах фольклора», «типология локальных систем традиционной музыкальной культуры», «взаимосвязь между структурой исполнительских коллективов (этнографических певческих групп) и структурой музыкально-фольклорных текстов», «теория самоорганизации в исследованиях музыкально-фольклорных традиций», «фольклорное “двуязычие”».

Благодаря различным «фольклорным группам» ВКонтакте исследователю сегодня доступны и научные, научно-публицистические статьи, посвященные изучению устного народного творчества, например: В. Бондаренко «Политика государства в области сохранения традиционной культуры», Е. Б. Резниченко (Москва). «Поморская свадебная причеть: из истории изучения», А. С. Ярешко (Саратов) «Фольклористика Поволжья: итоги и перспективы» и др. Всего «поисковик» ВКонтакте выдал нам 668 тем, относящихся к фольклору. Например, «Исламские корни русского фольклора» [6], «Через фольклор к православию» [7], «Офисный фольклор» [8], можно найти список институтов, где изучается фольклор, кафедр, а также перечень ссылок на официальные сайты традиционного фольклора.

Есть немало групп, ориентированных на местный фольклор различных географических областей. Если не делать выборку по национальностям, то таких групп насчитывается 263, например: «Музыкальный фольклор адыгов (черкесов)» [9], «Армянский фольклор» [10], «Фольклор Южного (горнозаводского) Урала» [11]. Последняя из названных групп создана для размещения и публикации фольклорно-этнографического материала, а также с целью собирания информации об имеющихся частных коллекциях и государственных архивных фондах. Группа содержит старинные фотографии Южного Урала, фотографии с традиционными костюмами и карту этого края. Группа не очень большая: в ней всего 110 участников (на 30.03.2011). Для сравнения – в группе «БЕЛОРЫБИЦА – русский и балканский фольклор, world music» [12] 2842 участника. Среди аудиозаписей группы есть колыбельные, плясовые, свадебные, рекрутские песни. Много заметок

об истории и традициях русского костюма. В администрации группы – культурологи, филологи, искусствоведы. Группа может служить незаменимым источником сведений, материалов для изучения южноуральского фольклора, например, ссылки на этнолингвистический словарь услышанных и записанных слов в Челябинской области [13] и др.

Таким образом, проанализировав «фольклорные группы» в сети ВКонтакте, можно определить главные цели их создания: презентационная, информационная, переход к официальным фольклорным сайтам, предоставление доступа к научно-исследовательским работам и полевым материалам, опубликованным в печати. Основные плюсы фольклорных Интернет-ресурсов для возможного использования их в научной и методической работе: обновляемость и уровень полноты ресурса, возможность знакомства не только с текстовыми, но и с аудио-, видео- и фото-фиксациями фольклора, наличие поисковой системы, обеспечивающей быстрый доступ к информации.

Теперь обратимся ко второй части заявленной дуальности «фольклор в галактике Маклюэна». Сегодня в филологии существует два устоявшихся термина для обозначения данного явления: интернет-фольклор и сетевой фольклор. Несмотря на изначально письменный, а не устный характер, ему присущи многие свойства традиционного фольклора: коллективность, анонимность, вариативность. Интернет-культура в фольклорных формах представляет одну из самых ярких и своеобразных субкультур современности, по сути, синтезирует в себе все представленные варианты развития современной культуры и вызывает огромный интерес исследователей, несмотря на то что ортодоксальная фольклористика долгое время относилась к данному явлению высокомерно, считая его маргинальным. Однако сегодня уже традиционной стала научная конференция Folk-art-net, которая Интернет рассматривает как новую среду для существования постфольклора, выпущены сборники научных статей, полностью посвященные исследованию фольклора в Интернете [14; 15]. Часть исследований интернет-фольклора сосредоточена на осмыслении форм коммуникации в сети, которые, безусловно, относятся к фольклорному типу: авторы являются одновременно и исполнителями, и зрителями (слушателями, читателями). Тексты в Интернете многие исследователи называют устно-письменными, определяют как спонтанную речь. «Интернет-фольклор реагирует на события дня в режиме полной идентичности потребностям массового сознания и при подаче материала использует не только язык условностей народно-мифологического уровня, но и актуализирует самовоспроизводство суеверий, мифологем прошлого» [1].

У интернет-фольклора уже сложилась достаточно устойчивая жанровая система, как соотносящаяся с жанрами традиционного фольклора (анекдоты, пословицы и поговорки, приметы, сказки, слухи, толки и иные жанры несказочной прозы), так и включающая совершенно новые жанры («народный перевод», «переписка в яндекс-пробках» и т. д.).

Приведем пример того, как традиционный жанр приметы бытует в фольклоре: «Если вы собираетесь позвонить и рядом с вами громко каркает ворон, отложите звонок на потом: сейчас вам не обрадуются», «Увидеть в Интернете три одинаковые ссылки – к неожиданной удаче», «Не ругайте компьютер – отомстит». Что касается создания новых ритуалов, то в Сети можно найти множество сайтов, где пользователям предложат сыграть свадьбу, помолиться, поучаствовать в виртуальных похоронах и др. Новые пословицы тоже представляют определенный интерес для фольклористов и как отражение ментальности, и как способ создания комического: «Немецкая национальная пословица: “Морген гутен не бывает”», «В России чаша терпения измеряется стаканами».

Основной особенностью интернет-фольклора является интертекстуальность, проявляющаяся в компиляции как прямых цитат, так и аллюзий на известные фольклорные, литературные тексты, еще в большей степени – на кинофильмы. Пример подобной компиляции в анекдоте: «Нео встречает Близнецов и спрашивает у первого: “Ты кто?” – “Я брат”. Поворачивается ко второму: “А ты кто?” – “А я брат-2”».

На сетевой фольклор влияют также такие особенности Интернета, как мультимедийность, опосредованность общения, интерактивность. Попадая в Сеть, в иную среду, он получает и новые характеристики, которые, однако, не отменяют его сущности и позволяют его исследователям рассматривать его в качестве технологически нового явления, но непосредственно связанного с архаичной традицией.

Список литературы

1. Философско-антропологические основания интернет-фольклора как формы коммуникации [Электронный ресурс]. – http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_04_2008/3036-filosofsko-antropologicheskie.html.
2. <http://vkontakte.ru/club1234941>.
3. <http://vkontakte.ru/club2105181>.
4. <http://vkontakte.ru/club6079710>.
5. <http://vkontakte.ru/club9114613>.
6. <http://vkontakte.ru/club4093265>.
7. <http://vkontakte.ru/club21959100>.
8. <http://vkontakte.ru/club7158366>.
9. <http://vkontakte.ru/club12555252>.
10. <http://vkontakte.ru/club2536383>.
11. http://vkontakte.ru/topic-4539516_24301828.
12. http://vkontakte.ru/topic-13366851_23636013.
13. Этнолингвистический словарь услышанных и записанных слов в Челябинской области (Старинные слова, прибаски, притчи, песни, пословицы и поговорки) [Текст] / сост. Н. А. Баскакова. – Челябинск : Изд-во ИИУМЦ “Образование”, 2002. – 66 с.
14. Интернет и фольклор [Текст] : сб. статей. – М. : ГРЦРФ, 2009.
15. Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции – к виртуальности [Текст] : сб. статей. – М. : ГРЦРФ, 2007.

УДК 316.776

Елена Александровна Селютина

Челябинская государственная академия культуры и искусств

ПРОЦЕСС ВЕРИФИКАЦИИ ТРЕНДОВ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ: ПРИЕМ АПЕЛЛЯЦИИ К АВТОРИТЕТУ

В современной культурной ситуации сложилась система перекрестных ссылок на позиции, предлагаемые массовой культурой как авторитетные, которые вводят новые тренды в базовую картину мира современного человека. Логический прием «апелляция к авторитету» является наиболее актуальным для этого, т. к., выполняя художественную, маркетинговую и иные функции, апелляция к авторитету закрепляет готовую систему ценностей массовой культуры, верифицирует новые элементы в ней, лишая человека необходимости критически рассматривать мир, предпринимать аналитические усилия для выработки индивидуального взгляда на мир. В качестве иллюстрации приема в статье анализируются образцы «глянцевой» журналистики.

Ключевые слова: апелляция к авторитету, массовая культура, культура повседневности, верификация трендов, «глянцевая» журналистика.

На сетевой фольклор влияют также такие особенности Интернета, как мультимедийность, опосредованность общения, интерактивность. Попадая в Сеть, в иную среду, он получает и новые характеристики, которые, однако, не отменяют его сущности и позволяют его исследователям рассматривать его в качестве технологически нового явления, но непосредственно связанного с архаичной традицией.

Список литературы

1. Философско-антропологические основания интернет-фольклора как формы коммуникации [Электронный ресурс]. – http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_04_2008/3036-filosofsko-antropologicheskie.html.
2. <http://vkontakte.ru/club1234941>.
3. <http://vkontakte.ru/club2105181>.
4. <http://vkontakte.ru/club6079710>.
5. <http://vkontakte.ru/club9114613>.
6. <http://vkontakte.ru/club4093265>.
7. <http://vkontakte.ru/club21959100>.
8. <http://vkontakte.ru/club7158366>.
9. <http://vkontakte.ru/club12555252>.
10. <http://vkontakte.ru/club2536383>.
11. http://vkontakte.ru/topic-4539516_24301828.
12. http://vkontakte.ru/topic-13366851_23636013.
13. Этнолингвистический словарь услышанных и записанных слов в Челябинской области (Старинные слова, прибаски, притчи, песни, пословицы и поговорки) [Текст] / сост. Н. А. Баскакова. – Челябинск : Изд-во ИИУМЦ “Образование”, 2002. – 66 с.
14. Интернет и фольклор [Текст] : сб. статей. – М. : ГРЦРФ, 2009.
15. Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции – к виртуальности [Текст] : сб. статей. – М. : ГРЦРФ, 2007.

УДК 316.776

Елена Александровна Селютина

Челябинская государственная академия культуры и искусств

ПРОЦЕСС ВЕРИФИКАЦИИ ТРЕНДОВ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ: ПРИЕМ АПЕЛЛЯЦИИ К АВТОРИТЕТУ

В современной культурной ситуации сложилась система перекрестных ссылок на позиции, предлагаемые массовой культурой как авторитетные, которые вводят новые тренды в базовую картину мира современного человека. Логический прием «апелляция к авторитету» является наиболее актуальным для этого, т. к., выполняя художественную, маркетинговую и иные функции, апелляция к авторитету закрепляет готовую систему ценностей массовой культуры, верифицирует новые элементы в ней, лишая человека необходимости критически рассматривать мир, предпринимать аналитические усилия для выработки индивидуального взгляда на мир. В качестве иллюстрации приема в статье анализируются образцы «глянцевой» журналистики.

Ключевые слова: апелляция к авторитету, массовая культура, культура повседневности, верификация трендов, «глянцевая» журналистика.

Понятие «массовая культура» на сегодняшний день столь часто употребляется, что вокруг него образовалось достаточно объемное поле дискуссий, связанных с вопросами, которые ставит культура такого типа перед личностью, формально-смысловыми признаками массовой культуры и т. п. И мы должны признать, что этот термин уже достаточно мифологизирован, повсеместно употребляясь не в качестве научной категории, а скорее как ко всему подходящее словосочетание.

Несмотря на то, что многие исследователи употребляют этот термин в контексте рассуждений о деструктивном, регрессивном характере популярной культуры [4, 10, 17], для нас это понятие лишено негативных коннотаций, а его тотальная употребимость говорит об удачно схваченном явлении и процессе, который невозможно не замечать. Поэтому мы можем считать верным суждение А. Б. Гофмана, который пишет, что «массовая культура» появляется тогда, когда наступает распад содержательной части культуры, в кризисные для общества моменты [8]. Мы считаем, что массовая культура становится предельно актуальной в те исторические периоды, когда наступает политическая, культурная и т. п. стагнация, а координаты общепринятого заданы с известной точностью: определены культовые персоны, приоритетные направления для дискуссий и т. д.

На наш взгляд, так происходит потому, что в современной культурной ситуации сложилась интересная система перекрестных ссылок на позиции, предлагаемые массовой культурой как авторитетные, призванные закрепить каждое новое суждение в базовой картине мира, предлагаемой массовой культурой. Мы полагаем, что именно логический прием «апелляция к авторитету» является на сегодняшний день наиболее актуальным для формирования ценностной цепочки во всех сферах и видах современной культуры, и в силу этого становится существенным аргументом для выстраивания иерархической картины мира современного человека.

Кроме того, этот прием очень показателен для иллюстрации нивелирования привычных терминов «высокая культура», «низкая культура» в повседневной практике гуманитарной коммуникации, т. к. многие объекты для апелляции в ценностном отношении весьма подвижны и, вообще, спорны, и эта подвижность не осознается потребителем как культурная проблема именно потому, что система апелляций к авторитету существенно снижает потребность в критическом осмыслении явлений окружающего мира.

Именно поэтому в поле массовой культуры оказываются не столько откровенные маргиналии культуры, сколько множество вариаций культуры высокой, которые порой сложно развести по этажам искусства. Здесь можно привести в пример неоднозначную реакцию общества на работы художника Д. Херста, в частности, его маринованную акулу «Физическая невозможность смерти в сознании живущего», которая в 2004 году была продана на аукционе за 12 млн долларов.

И прием апелляции к авторитету, как мы покажем ниже, как раз демонстрирует, что в системе современной культуры складывается сверхпластичное отношение к новым объектам, оценка которых зависит от системы аргументации при вводе их в поле культуры.

Поясним, что мы имеем в виду, применяя термин «апелляция к авторитету» к предмету нашего исследования.

Традиционно апелляция к авторитету входит в комплекс аргументов – «фрагментов высказывания, содержащих обоснование мысли, приемлемость которой представляется сомнительной» [5]. И тогда, по словам лингвиста А. А. Волкова, «обосновать – значит свести сомнительную или спорную для аудитории мысль к приемлемой. Приемлемой может быть мысль, которую аудитория находит истинной или правдоподобной, правильной с точки зрения той или иной нормы, предпочтительной с точки зрения своих (а не риторика – отправителя речи) ценностей, целей или интересов» [5].

Если иметь в виду апелляцию к какому-либо личному / событийному и т. п. авторитету, то потребитель информации получает возможность задействовать собственный опыт,

подключиться к общезначимому полю смыслов. Апелляция предполагает, что происходит «обращение к определенной предметно-смысловой области, которую аудитория рассматривает как отдельный и значимый источник внешнего или внутреннего опыта. <...> Определение инстанции оказывается продуктом, по крайней мере, внутреннего диалога, то есть обсуждения истории аргументативной ситуации. При этом инстанция (в персональном или безличном образе) предстает в качестве арбитра спора. Когда ритор стремится обосновать свою мысль убедительным для аудитории образом, он обращается к тому или иному источнику посылки, которая представляется приемлемой, и предполагает, что такое обращение приведет к согласию аудитории с предложением. Это значит, что для аудитории существенна апелляция к некоей смысловой области, которая и предстает как источник ценностного суждения» [5].

По мнению философа А. А. Ивина, таким авторитетом может выступать не только некая персона и комплекс ее суждений, но и традиция, к которой принято обращаться, чтобы суждение стало правдоподобным: «Традиция представляет собой анонимную, стихийно сложившуюся систему образцов, норм, правил и т. п., которой руководствуется в своём поведении достаточно обширная и устойчивая группа людей. Такое влияние традиции на эффективность аргументации связано с тем, что она закрепляет те наиболее общие допущения, в которые нужно верить, чтобы аргумент казался правдоподобным, создаёт ту предварительную установку, без которой он утрачивает свою силу» [9].

Апелляцию к авторитету можно рассматривать, в том числе, и как удачный коммуникативный ход, который «оказывается достаточно действенным: ссылка на авторитет автоматически укрепляет позицию оратора в глазах реципиентов, сводит огонь возможной критики к минимуму, а также посредством ярких выражений и языковых образов усиливает выразительную силу выступления в целом и является своеобразным приемом языковой экономии» [6]. Т. е. коммуникация становится максимально психологически комфортной, т. к. ее субъекты сообщают друг другу, что имеют схожий культурный опыт, схожие «горизонты ожидания».

Поэтому мы полагаем, что исследование массовой культуры с точки зрения перманентного процесса апелляции к авторитету позволяет подтвердить мысль о замкнутости массовой культуры на самой себе. Участникам процесса не обязательно производить что-то новое, когда легко можно аргументировать свою вторичность (которая таковой в этом поле суждений считаться не будет) ссылкой на традицию. В этом смысле современная культура может быть представлена как цепочка аргументаций, комментариев и интерпретаций ранее созданного культурой. Причем это в равной степени относится как к «низу», так и «верху» культуры.

На наш взгляд, тотальность приема «апелляция к авторитету» может быть следствием утверждения постмодернизма как одной из ведущих художественных стратегий современности на протяжении уже полувека. Если вспомнить, что постмодернизм представляет собой особое мировидение, в основе которого представление о тотальной вторичности всего, что есть в культуре [25], становится понятно: очень многие стороны и смыслы высокого искусства до обращения к ним культуры массовой уходили от нашего внимания, и та игра с формами и смыслами, которую массовая культура ведет, действительно вскрывает потенциальные возможности арт-объектов, как это произошло с известнейшим Центром Жоржа Помпиду, показывающим свои «внутренности». Т. е. обращение к авторитету в ситуации постмодернистского искусства становится художественным приемом. И вполне вероятно, что массовая культура в целом по этому пути пошла не случайно, постепенно создавая подвижную систему новых авторитетов в культуре в ситуации, когда идеал отсутствует, и поэтому на его место может прийти кто / что угодно.

Поэтому для массовой культуры идти по пути постмодернистского искусства – значит приобщаться к сфере высокого, принимая на себя его репутацию и возможность

считаться элитарным. Быть ироничным в современной массовой культуре модно, что тоже можно считать эксплуатированием постмодернистских приемов. В этом смысле мы можем привести пример апелляции к недавним популярнейшим фигурам массовой культуры, которые с течением времени стали классиками культуры вообще в творчестве арт-группы «Синие носы» - одной из самых известных и востребованных в мире российских арт-объединений. На фотографии два человека – участники арт-группы Александр Шабуров и Вячеслав Мизин переходят по зебре сельскую дорогу, затерянную в полях. Их действие явно напоминает обложку альбома группы «Битлз» «Abbey Road» (1969). Но если этот жест группы «Битлз» в современной культуре воспринимается как символический – это один из последних альбомов группы, естественно, образ дороги сообщает дополнительные смыслы фотографии, - то «Синие носы» явно смеются над подобным восприятием – их фигуры нарочито «расхлябаны», но при этом соотносят себя с «Битлз» – значимыми фигурами современной поп-музыки, и оказывается, что они «тоже так могут».

Узнаваемость изображения обложки альбома «Abbey Road» позволила обратиться к ней и создателям сериала «Симпсоны», который рассказывает о жизни типичной американской семьи в маленьком городке. На одной из реклам сериала члены семейства Симпсоны Гомер, Мардж, Барт и Лиза переходят дорогу там же, где это сделали «битлы» и в таких же костюмах. Соответственно, потребитель массового искусства может испытать особую радость узнавания от иронической интерпретации предлагаемого образа.

В теории моды явления, ставшие стилеобразующими, определяющими, принято называть трендами. И в индустрии моды существуют люди, занимающиеся прогнозированием модных трендов, (trend forecaster, trend spotter, trend hunter, англ.) [18]. Культуролог Малькольм Гладвелл попытался понять и проиллюстрировать появление модных трендов, в том числе и через литературную моду. Его теория получила название «биография идей». Среди интересующих его тем – факторы, которые делают малоизвестную книгу бестселлером, а также механизм порождения и функционирования слухов. По мнению Гладвелла, новые тенденции распространяются по аналогии с вирусами и подчиняются законам эпидемии. В связи с этим он выделил три закономерности: закон меньшинства – в распространении социальных эпидемий большую роль играют отдельные личности (лидеры моды, авторитеты, музы); закон «заражения» – маленькие вещи создают большое влияние; закон силы среды – человек чувствителен к окружающей обстановке гораздо больше, чем кажется» [29. С. 37]. Но, на наш взгляд, тренды и тренд-сеттеры – не обязательно носители новых суждений. Как раз скорее они могут считаться способными интерпретаторами уже закрепленных в общественном сознании образов.

Проиллюстрируем нашу мысль на примере некоторых образцов «глянцевого» журналистики и покажем, как работает прием «апелляция к авторитету» в процессе верификации новых трендов.

Способов создать перекрестное поле апелляций достаточно много. Один из возможных – аналитическая статья, выстраивающая историю нового модного явления, определяющая его место в ряду смежных явлений (своеобразная синхрония и диахрония тренда).

Например, в журнале *Vogue* (2011, № 8) в статье «Прелести парадокса» автор утверждает мысль о том, что быть модным – значит следовать тенденциям, пришедшим еще из 1990-х годов: «Украшать будничные наряды блестками и драгоценностями – мода, вернувшаяся к нам из девяностых» [16. С. 46]. О. Михайловская полагает, что противоречивость новых трендов дает потребителю внутреннюю свободу в обращении с модой, несмотря на явную ссылку к модному претексту: «Однако кое-что это все-таки напоминает. Разумеется, девяностые. Именно тогда нам разрешили спутать все карты. И мода раз за разом возвращается к тому десятилетию игры без правил, когда военные ботинки надевали с бриллиантовыми колье, а минимализм разрушал все сословные предрассудки, уравнивая всех в правах. <...> Но даже одержимые этой идеей, мы вовсе не должны

отказывать себе в необходимом – в желании себя украсить» [16. С. 48]. В ходе такой апелляции к авторитету уже удавшейся в прошлом коммерческой стратегии минимализма, появляется вынужденная легенда для обоснования процесса потребления, который обретает смысловые потенции, включая читателя в процесс анализа эволюции взглядов на человеческую телесность и способы ее репрезентации.

Или, в другом номере журнала, более раннем, тот же автор сообщает о том, что в моде тенденции 1940-х, 1960-х, 1980-х: «Как я и предполагала, увлечение семидесятыми пройдет вместе с последними теплыми деньками, и им на смену придут шестидесятые. Но не только. Еще военные сороковые и восьмидесятые, которые в последние сезоны берут реванш за долгие годы несправедливого к себе отношения. Однако все это многократно повторенное ретро не заставило бы меня восхищаться грядущим сезоном, если бы дизайнеры не сумели по-новому взглянуть на давно и хорошо знакомую картинку» [15. С. 40]. Путем простой логической операции мы можем сложить рекомендации критика и получить результат, что в моде абсолютно все, что создавалось в течение второй половины XX века.

То, что попытки модных журналов выстроить некую смысловую цепочку из апелляций к авторитетным суждениям своих же колумнистов далеко не всегда состоятельны, замечает героиня популярного романа (безусловно, массового) Х. Филдинг Бриджит Джонс, ведущая дневник: «11.30. Коричневый – черный цвет сезона! Только что просмотрела «Мари Клер». 11.35. Вообще-то, коричневый должен быть серым цветом сезона; ведь серый – черный прошлого сезона, вот. 11.40. Хотя это оч. крупное несчастье, поскольку кол-во коричневых вещей в шкафу – 0; правда, деньги, не исключено, появятся примерно так же, как неожиданное освобождение» [23].

Более сложный вариант аналитического прогноза представляют собой публикации, размещающие моду и фотографию в поле общекультурных тенденций, складывающихся не одно десятилетие. Для аргументации ценностной значимости работ практиков повседневности, их творения сравниваются с мастерством известнейших живописцев, театральных художников и художников по костюму. Естественно, авторитетной позицией здесь активно выступает русский Серебряный век и модернизм вообще, что вполне характерно для ситуации постмодернизма.

Например, в журнале *Vogue* (2009, № 3), особенности модного макияжа – «русского» – представляются через призму визуальных образов русского балета начала XX века: «На голове [модели] – стриженный парик из жестких волос. Правая и левая стороны лица закрашены плотным слоем жирной черной краски. <...> Черный кутюрный комбинезон *Maison Martin Margiela* тоже пришелся как нельзя кстати: в нем Ирис – вылитая Кикимора из балета «Русские сказки» 1917 года с участием Вацлава Нижинского» [24. С. 182].

Или в июньском издании того же журнала за 2011 год, который презентовали как «номер об искусстве», выстроена целая подборка предельно узнаваемых образов, показывающих взаимодействие мира моды и высокого искусства. Материал структурирован таким образом, что создается ощущение постоянного апеллирования к признанным, «культовым», самым тиражируемым вариантам элитарной художественной практики. Например, в номере представлены образы, явно созданные по мотивам картин Малевича и Гончаровой, ранних советских киноплакатов (вроде афиши к фильму Г. Берендта «Шесть девушек ищут пристанища», являющейся хрестоматийным примером киноплаката 1920-х годов), обложка для *Vogue* 1939 года, которую сделал С. Дали, обложка 1980 года авторства Х. Миро, фотографии моделей на фоне картин Джексона Поллока, Д. Кондо, скульптур М. Аникушина и т. п. [2]. Естественно, включение модной фотографии, костюма и т. п. в более объемный мир культуры вообще сразу ломает привычную иерархию образов искусства. Журналисты подобных изданий ставят в один ряд явления очень разноплановые, презентуемые через стратегию визуальности, самую актуальную

на сегодняшний день, тем самым повышая рейтинг модных явлений в ряду самых значимых свершений «всех времен и народов». Апелляция к авторитету искусства позволяет выстроить параллель «мода – искусство» и позволить участвующему в потреблении предметов одежды, обуви, аксессуаров ощущать себя больше чем простым покупателем: он приобретает целый текст о моде, представленный в свернутом виде.

Не случайно модная индустрия активно работает над созданием культовых образцов продукции (it-bag, it-shoes и т. п.), иметь которые не просто престижно: они позволяют войти в ряд авторитетных персон, которые эту вещь уже имеют. Тем самым создается апелляция к авторитету традиции. Например, таким статусом, четко обоснованным глянцевыми журналами, обладают сумка Chanel 2.55, сумки бренда Hermes под названием Birkin и Kelly (названные в честь известных актрис) и т. д. Возможно, именно по названным причинам во всем мире популярны вещи с историей – винтажные вещи (т. е. вещи новые, но по какой-то причине не вошедшие в круг потребления в тот момент, когда были созданы; винтаж считается своеобразной альтернативой гламуру): они позволяют ощутить связь поколений, не ошибиться в выборе действительно значимых в мире массовой культуры объектов, т. к. время доказало устойчивый интерес к ним.

Сам порядок презентации явлений повседневности существенно изменился в последнее время. Примером могут служить выставки, которые устраивает московский Пушкинский музей – «Шанель. По законам искусства» (27 сентября – 21 ноября 2007 г.), «Диор: под знаком искусства» (28 апреля – 24 июля 2011 г.), или Музей Метрополитен в Нью-Йорке – «Александр Маккуин: Дикая красота» (5 мая – 31 июля 2011 г.). Выставки, посвященные дизайнерам, проходящие в стенах музеев с вековой историей, традиционно представляющих объекты «высокого» искусства, можно считать апелляцией к авторитетной позиции, т. к. музей автоматически отдает часть своей репутации процессу утверждения новейших тенденций.

Многие значимые объекты искусства или их авторов, современный человек закрепляет в своей картине мира вовсе не путем прочтения научных изданий, а скорее, в результате перемещения их в мир популярной культуры. Т. е. они становятся актуальными, легко узнаваемыми, массовыми, но при этом остаются достаточно престижными, чтобы знать их было престижно. Например, в журнале «Men's Health» читаем в разделе «Элементарно: Досуг»: «Сальвадор Дали: ретроспектива (Москва, ГМИИ им. Пушкина): Дали – это такая фигура, что, например, можно и не знать, кто автор русской картины «Над вечным покоем», а вот не знать ничего об испанце Дали – нельзя. Его любят и знают скорее благодаря раскрученности и вечной модности, но это ведь не повод пропустить его ретроспективу, каких наша страна еще не видела» [28. С. 54]. Т. е. сообщение участнику коммуникации несет в себе мысль о том, что не знать Дали – это не быть модным, а также показывает действие авторитета большинства – «ВСЕ знают».

Или в другом разделе журнала комментарием к статье о том, что современным искусством может заниматься каждый, т. к. инсталляцией может быть даже собственный старый холодильник, служат слова популярного галериста Марата Гельмана, который, в общем, эту мысль подтверждает, выступая авторитетной персоной: «У современного искусства нет главного смысла. <...> Не менее важно то, что в мире массмаркета и глобализации современное искусство фактически оказалось последней областью, в которой ценится индивидуальность» [13. С. 26].

Эту же мысль могут проиллюстрировать разделы глянцевых журналов, посвященные биографиям «самых знаменитых женщин / мужчин века»: «Валентина Серова: Как никто другой» [19], «Вера, Набоков, любовь» [11], «Берта Моризо: Жизнь в красках» [12], или популярность журналов типа «Караван истории» и «Биография». Этим людям необходимо знать, чтобы иметь в своем арсенале достаточное количество сведений, определяющих собеседников как модных / немодных, своих / не своих.

Или мы можем здесь привести в пример достаточное количество исторических фильмов и сериалов, которые интерпретируют мировую историю через биографию сильной личности и особенности ее частной жизни, и которые становятся источником сведений по новейшей и древней истории. Это, например, успешно продвигаемы на рынке телепродукции сериалы «Борджиа», «Тюдоры», «Вольф Мессинг: Видевший сквозь время» и т. п.

В сниженном виде эту мысль демонстрируют авторы рекламы спутникового ресивера «Триколор ТВ» – «Подключай Триколор!»: подключение смогло дать подросткам возможность узнать, что такое Серебряный век и посмеяться над молодым человеком, который этой информацией не обладал [22].

Еще один способ реализации приема апелляции к авторитету представляют собой различные креолизованные тексты, которые составляют значимую часть любого современного средства массовой коммуникации, будь то журнал или Интернет-сайт. Ученые говорят о том, что тенденцию к креолизации переживают на сегодняшний день все сферы человеческой деятельности [1, 3, 14, 20, 21]. В данном случае мы имеем дело не с описательными, аналитическими конструкциями, как было показано выше, а со способом экономии речевых усилий: в креолизованном тексте иконический знак заменяет вербализацию. Но по сути смысл приема остается тем же: картинка и текст при ней не просто являются источником информации, но должны восприниматься как руководство к действию, т. к. рекомендация, которую содержит текстовый фрагмент, подкреплена ссылкой на авторитет *celebritys* (известных личностей, англ.) или авторитет значимых образов культуры. Визуализация позволяет свести к минимуму и аналитические усилия, т. к. предлагает законченный образ, следуя которому человек обязательно окажется в поле модных тенденций, а это существенно облегчит процесс коммуникации среди подходящей аудитории.

Например, в журнале *Vogue* (2011, № 6) раздел «Выбор *Vogue*» организован следующим образом: большая часть страницы представляет собой фотографию модели в дизайнерских новинках компании Prada – на ткани принт из большого количества бананов (слева), справа расположен коллаж из более мелких фотографических фрагментов, среди которых на первом месте стоит картина Педро Диего Альварадо «Бананы» (2000), далее идет фотография итальянского стилиста Джованни Батталья (которая уже сделала выбор в пользу предлагаемых образов), затем фотография с модного показа другой марки (*Z Spoke by Zac Posen*), и фотографии возможных аксессуаров в виде бананов различных торговых марок. Изображения сопровождаются текстом: «Бананово-лимонный: Самые рискованные модницы, напевая танго Вертинского, наденут блузку с бананами вместе с оранжевой юбкой в цветочек или ярко-зеленую майку – с юбкой с красными обезьянами. Аксессуары – черные, белые или бежевые» [7. С. 60].

Выстраивается апелляция цепочка: если вы последуете рекомендациям журнала, то соприкоснетесь с авторитетными образами высокого искусства (искаженная цитата песни А. Вертинского «В бананово-лимонном Сингапуре» – одной из самых известных у этого автора; картина современного художника, но не картина «Банан» Энди Уорхолла – самая стереотипно напрашивающаяся, поэтому можно увидеть здесь попытку уйти от шаблона), значимыми тенденциями «высокой моды», станете такими же культовыми знатоками моды, как известный стилист, и покажете свое ироническое восприятие мира через китчевые аксессуары в виде бананов.

Более просто организованы страницы такого рода в женском журнале *Cosmopolitan*. Здесь уже нет традиционной для *Vogue* апелляции к высокой культуре и создания параллели «мода=искусство», а в качестве авторитетных персон выступают звезды шоу-бизнеса. Естественно, что предполагаемая аудитория журналов сильно различается, именно поэтому философия изданий предлагает различные варианты продвижения товаров и услуг. Например, в журнале *Cosmopolitan* есть раздел «*Cosmo girl* выбирает», где

перечисляются предпочтительные варианты выбора для той, что считает себя «девушкой в стиле Cosmo» (среди вариантов выбора: активное голосование на сайте журнала за косметические продукты, которые получают премию «Cosmopolitan Beauty Awards», покупка бойфренду нового белья японских дизайнеров JeanPants, заказ полезных снеков, вроде яблок и сухофруктов, в офис, просмотр картин Джеймса Харта Дайка, который создал серию картин про будни британских полицейских) [26. С. 60]. Или в разделе «Cosmo Shopping: Звездный стиль» показано, как можно стать копией понравившейся тебе знаменитости с помощью выбора вещей определенных марок. Страница организована с подавляющим преобладанием картинок: слева помещен образец для подражания, справа – обычная девушка в очень похожем наряде марок, чьи адреса перечислены в конце журнала. В этом же разделе другая его часть организована несколько иначе: слева фотография известной персоны, справа – три колонки подобных образов, снова с перечислением марок одежды, созданных по принципу финансовой градации: «без потерь», «разумно», «побалуй себя» [27. С. 48].

Подобным же образом организованы страницы мужских журналов, с той лишь разницей, что налицо гендерная ориентированность в выборе авторитетных позиций [28].

Таким образом, мы можем говорить, что апелляция к авторитету в современной массовой культуре является одним из самых востребованных приемов – художественным, маркетинговым, логическим и т. п. Этот прием оказывает огромное влияние на современного человека, который потребляет различные объекты поп-культуры. Главный, на наш взгляд, результат его использования – воспитание сверхтолерантной к сфере повседневности личности, т. к. подвижность системы авторитетов и апелляций к ним размывают четкое представление о том, что действительно ценно и морально одобряемо в общегуманитарном смысле, делая приемлемым практически любой тренд, правильно и аргументированно введенный в сферу массовой коммуникации. Апелляция к авторитету закрепляет готовую систему ценностей массовой культуры, верифицирует новые элементы в ней, лишая человека необходимости критически рассматривать мир, предпринимать аналитические усилия для выработки индивидуального взгляда на мир.

Список литературы

1. Анисимова, Е. Е. Креолизованные тексты XXI века? Взаимодействие вербального и паралингвистического в тексте [Текст] / Е. Е. Анисимова. – Воронеж : ЦЧКИ, 1999.
2. Арт+ Мода= Vogue // Vogue. – 2011. – № 6. – С. 145–151.
3. Бедринская, И. Вербальные и невербальные внутренние корпоративные коммуникации [Текст] / И. Бедринская // Медиа-альманах. – 2006. – № 1. – С. 66–71.
4. Валевич, Е. С. Всеобщее как критерий противопоставления толпы и индивидуальности [Текст] / Е. С. Валевич // Гуманитарные исследования : ежегодник. Вып. 12. Межвузовский сборник научных трудов. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2007. – С. 15–16.
5. Волков, А. А. Виды риторических аргументов [Электронный ресурс] / А. А. Волков // Слово: православный образовательный портал. – http://www.portal-slovo.ru/philology/37420.php?ELEMENT_ID=37420.
6. Воронович, А. С. Апелляция к авторитету как коммуникативный ход публичной речи политического и религиозного дискурса [Электронный ресурс] / А. С. Воронович // Сборник интересных статей : Филология, педагогика, экономика, философия, социальные науки. – <http://c-articles.ru/apellyaciya-k-avtoritetu/2>.
7. Выбор Vogue [Текст] // Vogue. – 2011. – № 6. – С. 60.
8. Гофман, А. Б. Мода и люди: новая теория моды и модного поведения [Текст] / А. Б. Гофман. – СПб. : Питер, 2004. – 208 с.

9. Ивин, А. А. Аргументация и логика: контекстуальная аргументация [Текст] / А. А. Ивин // Ивин, А. А. Логика : учебник для студентов вузов. – М. : Гардарики, 2007. – 240 с. – То же: <http://www.verigi.ru/?book=2&chapter=81>.
10. Колесник, М. В. Поиск равновесия в условиях неопределенности [Текст] / М. В. Колесник // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия : Психология. – 2008. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 69.
11. Коровушкина, Е. Берта Мориза: Жизнь в красках [Текст] / Е. Коровушкина // Cosmopolitan. – 2011. – № 7. – С. 282–284.
12. Коровушкина, Е. Вера, Набоков, любовь [Текст] / Е. Коровушкина // Cosmopolitan. – 2011. – № 8. – С. 234–236.
13. Крузенштерн, Е. Обратная связь / Спам [Текст] / Е. Крузенштерн // Men's Health. – 2011. – № 8. – С. 26.
14. Кшенина, Н. Креолизованные рекламные тексты. Типы отношений между вербальными и визуальными компонентами [Текст] / Н. Кшенина // Медиа-альманах. – 2006. – № 2. – С. 64–70.
15. Михайловская, О. Осень – хорошо [Текст] / О. Михайловская // Vogue. – 2011. – № 7. – С. 40–46.
16. Михайловская, О. Прелести парадокса [Текст] / О. Михайловская // Vogue. – 2011. – № 8. – С. 46.
17. Почепцов, Г. Г. Паблик рилейшнз, или как успешно управлять общественным мнением [Текст] / Г. Г. Почепцов. – М. : Центр, 2004. – 336 с.
18. Секачева, О. Заглядывая в будущее. Прогнозисты трендов: предсказатели или диктаторы? [Текст] / О. Секачева // Теория моды. – 2006. – Осень (№ 1). – С. 27–37.
19. Сидоров, Р. Валентина Серова: Как никто другой [Текст] / Р. Сидоров // Cosmopolitan. – 2011. – № 5. – С. 378–380.
20. Скогорева, О. Сакральное и табу в креолизованных текстах СМИ [Текст] / О. Скогорева // Медиа-альманах. – 2007. – № 1. – С. 54–58.
21. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты: и их коммуникативная функция [Текст] / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М. : Наука, 1990. – С. 39–67.
22. Триколор ТВ снова в эфире [Электронный ресурс]. – <http://www1.tricolor.tv/news-full.aspx?id=468>.
23. Филдинг, Х. Бриджит Джонс : Грани разумного [Электронный ресурс] / Х. Филдинг. – http://lib.ru/INPROZ/FILDING_H/grani.txt.
24. Честновицкая, С. Россия, которую не потеряли [Текст] / С. Честновицкая // Vogue. – 2009. – № 3. – С. 182–193.
25. Эпштейн, М. Постмодерн в русской литературе [Текст] / М. Эпштейн. – М. : Высшая школа, 2005. – 495 с.
26. Cosmo Shopping: Звездный стиль // Cosmopolitan. – 2011. – № 5. – С. 60.
27. Cosmo Shopping: Звездный стиль // Cosmopolitan. – 2011. – № 9. – С. 48.
28. Guide to Style.08.2011 // Men's Health. – 2011. – № 8. – С. 134–149.
29. Gladwell, M. The Tipping Point. London, 2001. Цит. по: Секачева, О. Заглядывая в будущее. Прогнозисты трендов: предсказатели или диктаторы? [Текст] / О. Секачева // Теория моды. – 2006. Осень (№ 1). – С. 27–37.

УДК 821.161.1

Ольга Владимировна Федунина

Российский государственный гуманитарный университет

**СИСТЕМА СНОВ В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»:
СКВОЗНЫЕ МОТИВЫ**

Статья посвящена анализу снов персонажей в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия». При этом все онирические формы в романе рассматриваются как элементы единой системы. Акцент делается на сквозных мотивах, объединяющих сны друг с другом, а также с условно-реальным миром произведения.

Ключевые слова: М. А. Булгаков; «Белая гвардия»; сон; сквозные мотивы; мотив смерти; граница; художественная реальность.

В романе М. А. Булгакова «Белая гвардия» мы сталкиваемся с такой особенностью художественной системы, как наличие нескольких литературных сновидений, тесно связанных между собой. Естественно, каждое из них имеет свою структуру, свои типологические особенности и выполняет определенные функции в произведении. Но для понимания романа как целого, особенностей созданного в нем художественного мира необходимо рассматривать сны как элементы единой системы.

В научной традиции уже предпринимались попытки выявить связи между некоторыми снами, изображенными в этом романе, причем затрагивалась и проблема взаимоотношений между сферами сна и яви. К примеру, Е. А. Яблоков рассматривает «фабульные связи», возникающие между снами, в частности, в «Белой гвардии» (сон Турбина о рае – сон Василисы – сон часового), и приходит к выводу о близости сна, театра и смерти в мире, созданном Булгаковым. По мнению исследователя, все «объективно» совершившееся приобретает характер «некоего страшного сна или страшного театра, в котором все – видимость и лишь смерть настоящая» [16. С. 166]. Л. Ф. Кацис также отмечает «театральность» снов, изображенных в «Белой гвардии» [7. С. 231]. Об отсутствии границы между сном и явью, об их постоянном смещении и перетекании друг в друга пишет и В. В. Химич, подчеркивая, что у Булгакова сон «в том и другом случае нацелен методом на фиксацию именно отпадения действительности от всякого здравого смысла: фантастической путаницы реального – ирреального, сознательного – бессознательного» [13. С. 121]. Возникает, однако, вопрос, везде ли в романе сохраняется такой характер художественной реальности или в какой-то момент он меняется. Приблизиться к ответу поможет исследование сквозных мотивов, объединяющих сны в «Белой гвардии».

Связь между снами, изображенными в романе, проявляется даже на уровне стиля. Булгаков наделяет сны своих персонажей характеристиками, за счет которых происходит их «одушевление» или «овеществление». Эта особенность языковой структуры уже отмечалась Н. А. Кожевниковой в статье «Словоупотребление в романе М. Булгакова „Белая гвардия“»: в этом романе «отвлеченное, непредставимое овеществляется. Психические и физические состояния опредмечиваются» [8. С. 119]. Ср. с отмеченной Г. Бахматовой «материализацией ощущений» героев в «Петербурге» А. Белого [2. С. 128–129].

Так, «оживает» сон Турбина о рае: «Вещий сон *гремит, катится* (здесь и далее курсив мой. – О. Ф.) к постели Алексея Турбина» [3. С. 229]. Такими же свойствами обладает сон Николки: «...и кошмар *уселся лапками на груди*» [3. С. 324]. Приобретает способ-

ность действовать, как живое существо, мгла во сне Елены: «Смутная мгла *раступилась и пропустила* к Елене поручика Шервинского» [3. С. 427].

В отличие от рассмотренных выше случаев, сны Алексея Турбина и Петьки Щеглова из последней главы романа, скорее, опредмечиваются. Сон Алексея Турбина «*висел над ним, как размытая картина*» [3. С. 422]; Петьке же Щеглову «сон привиделся <...> простой и радостный, как *солнечный шар*» [3. С. 427].

К сожалению, рассматривать здесь все мотивы, общие для сновидений, изображенных в «Белой гвардии», не представляется возможным. Поэтому остановимся на одном из центральных мотивов в романе, а именно на мотиве *смерти как переходе границ*. Такой выбор объясняется тем, что это чрезвычайно важно для характеристики художественной реальности.

На первый взгляд, мотив смерти наиболее отчетливо прослеживается в вещем сне Алексея Турбина и сне Елены. Оба сновидения содержат намек на возможную гибель Николки, вынесенную за пределы действия романа.

В сне Алексея Турбина на грядущую гибель Николки намекает вахмистр Жилин, рассказывающий о появлении Най-Турса в Раю: «А за ним <Най-Турсом> немного погоды неизвестный юнкерок в пешем строю, – тут вахмистр покосился на Турбина и потупился на мгновение, как будто хотел что-то скрыть от доктора, но не печальное, а, наоборот, радостный, славный секрет...» [3. С. 235]. О том, что этот «неизвестный юнкерок» – именно Николка, позволяет говорить несколько странное поведение Жилина. Кроме того, в сцене встречи Николки с матерью и сестрой Най-Турса его прямо называют юнкером. Очевидно, именно этот «вещий сон» Алексея Турбина позволяет Н. И. Великой говорить о том, что «в „Белой гвардии” основная функция сна – прозрение» [5. С. 45]. Однако этим функции сновидений в романе Булгакова не исчерпываются.

Рассмотренная выше сюжетная линия замыкается в сновидении Елены: «А смерть придет, помирать будем... – пропел Николка и вошел. В руках у него была гитара, но вся шея в крови, а на лбу желтый венчик с иконками. Елена мгновенно подумала, что он умрет, и горько зарыдала, и проснулась с криком в ночи...» [3. С. 427].

Мотив смерти присутствует также в репликах Най-Турса и Николки, которые появляются в снах Алексея Турбина и Елены. Между словами этих персонажей возникают определенные переключки, связывающие вещие сны в романе. Ср.: «Умигать – не в помигушки иг’ать» (Най-Турс) и «А смерть придет, помирать будем...» (Николка).

Однако линии гибели Николки и Най-Турса являются лишь частным случаем реализации мотива смерти, который проходит практически через все сны в романе. Так, в своем вещем сне о Рае Алексей Турбин предвидит гибель не только Николки, но и Най-Турса, а также беседует с погибшим вахмистром Жилиным. В кошмаре Николки этот мотив реализуется и на языковом уровне: Николка засыпает «*как мертвый, одетым, на кровати*» [3. С. 324]. Еще в одном сновидении Алексей Турбин сам проходит через временную смерть: «Беззвучно стреляли, и пытался бежать от них Турбин, но ноги прилипали к тротуару на Мало-Провальной, и погибал во сне Турбин» [3. С. 423]. (В другой редакции «Белой гвардии» этот сон существенно отличается от цитируемого варианта: [4. С. 68]). Елена, как было сказано, видит во сне умершего Николку. Во сне Василисы мотив смерти присутствует в трансформированном, пародийном виде: герой становится свидетелем гибели своего мирка от рук «дьявольских» сил [15. С. 79]. Д. Спендель де Варда называет этот сон «сном-гротеском» [11. С. 307].

Во всех рассмотренных выше случаях персонажи-сновидцы преодолевают границу между реальным и потусторонним мирами. Тот факт, что мотив смерти присутствует в снах героев «Белой гвардии», объясняется, скорее всего, тем, что Булгаков обращается здесь к символике сна как временной смерти.

Следует также заметить, что мотив смерти и близкие к нему мотивы связывают миры сна и условной действительности в романе. Так, образ Николки из сна Елены сближается с образом мертвого Най-Турса в основном повествовании мотивом мученического венца. Ср.: «Най – обмытый сторожами, довольными и словоохотливыми, Най – чистый, во френче без погон, Най – с *венцом* на лбу под тремя огнями, и, главное, Най – с аршином пестрой георгиевской ленты, собственноручно» [3. С. 407]; «В руках у него <Николки> была гитара, но вся шея в крови, а на лбу желтый венчик с иконками» [3. С. 427]. В описании мертвого Най-Турса примечательно также наличие мотивов света и чистоты, которые встречаются в вещем сне Алексея Турбина как атрибуты «райского» облика полковника и Жилина. Таким образом, мотивы смерти, света и чистоты в романе оказываются связующим звеном между сновидениями и основным действием.

Чуть ли не единственным сновидением в романе, свободным от мотива смерти, является сон Петьки Щеглова, связь которого со знаменитым сном Пьера Безухова о шаре из капель в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» отмечает Я. С. Лурье [9. С. 199, 200]. В «простом и радостном» сне ребенка, завершающем «Белую гвардию», мотив смерти отсутствует не случайно. Вероятно, это объясняется тем, что перед нами именно *детский* сон. В тексте романа он прямо противопоставлен сновидениям взрослых героев (а особенно последнему сну Ал. Турбина, в котором он погибает): «Во сне взрослые, когда им нужно бежать, прилипают к земле, стонут и мечутся, пытаются оторвать ноги от трясины. Детские же ноги резвы и свободны» [3. С. 427]. Кроме того, сразу за этим сном следуют рассуждения повествователя о звездах, в которых резко противопоставляются земной и небесный миры: «Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле» [3. С. 428]. В таком контексте взаимодействие реального и потустороннего снимается, тогда как ранее мы наблюдали совсем другую картину. Если в начале и середине романа взаимопроникновение миров допустимо, то в последней главе художественная реальность приобретает совершенно иные свойства. Реальный и потусторонний миры в конце романа отделены друг от друга непроницаемой границей, которая делает их смешение невозможным.

На сюжетном уровне закрытие границы между мирами связано с таким событием, как уход из Города Петлюры. В присутствии Петлюры и его войска, которые являются в романе воплощением дьявольских сил [6. С. 101–102], Город становится неким фантомом. О самом Петлюре говорится, что он «просто миф, порожденный на Украине *в тумане* страшного 18-го года» [3. С. 229]; о «мифологизации явлений реального мира» в «Белой гвардии» пишет Е. Н. Хрущева [14. С. 8]. Принадлежность Петлюры к призрачному миру видений подтверждается и тем, что здесь появляется *мотив тумана*. О. И. Акатова объясняет его возникновение следующим образом, упоминая в том же ряду мотив бурана: «Поэтика сновидений героев, воспринимающих вслед за автором события окружающей действительности как катастрофу, отражается в поэтике повествования о реальности – бреде всей этой переломанной эпохи, что проявляется в том, что в повествование вводятся два мотива, родственных онирической поэтике: мотив бурана и мотив тумана» [1].

Однако нужно подчеркнуть, что мотив тумана является именно сквозным для почти всех сновидений в романе. Кошмар Николки завершается выходом видения из «зыбкого, сонного *тумана*» [3. С. 325] и превращением его в живое тело. Во сне Елены этот мотив также присутствует как устойчивая характеристика мира сновидений: «*Туманы сна* ползли вокруг него <Шервинского>, его лицо из клубов выходило ярко-кукольным» [3. С. 427]. Тот же мотив появляется и применительно к образу Города. Непосредственно перед вступлением в него Петлюры «тревожно в Городе, *туманно*, плохо...» [3. С. 184]. Таким образом, с появлением Петлюры Город переходит в сферу потустороннего мира. Не случайно события, принадлежащие как бы к условно-реальному плану, в начале романа заключаются в рамки сна (см. структуру сна Алексея Турбина о Городе).

С уходом же Петлюры Город снова становится реальностью, и граница между мирами замыкается. С этим, видимо, связано и появление в последней главе жизнеутверждающего сна Петьки, свободного от мотива смерти. Таким образом, в романе «Белая гвардия» мы, очевидно, встречаемся с реализацией мифологической модели воскресения через смерть (подробнее о ней см. [12. С. 83–86; 10. С. 222–225]). Это во многом объясняет увиденное нами изменение характера художественной реальности – от смещения потустороннего (в том числе сна) и действительности к их разграничению.

Список литературы

1. Акатова, О. А. Поэтика сновидений в творчестве М. А. Булгакова [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. А. Акатова. – Саратов, 2006. – <http://www.sgu.ru/faculties/philological/kaf/xxvek/personal/aspir/akatova/avtoref.php>.
2. Бахматова, Г. О поэтике символизма и реализма : (на материале «Петербурга» Андрея Белого и «Белой гвардии» М. Булгакова) [Текст] / Г. Бахматова // Вопросы русской литературы. – Вып. 2 (52). – Львов, 1988. – С. 124–129.
3. Булгаков, М. А. Белая гвардия [Текст] / М. А. Булгаков // Собрание сочинений : в 5 т. – М., 1989. – Т. 1. – С. 179–428.
4. Булгаков, М. Белая гвардия [Текст] / М. А. Булгаков ; публ. И. Владимировой // Слово. – 1992. – № 7. – С. 63–70.
5. Великая, Н. И. «Белая гвардия» М. Булгакова. Пространственно-временная структура произведения, ее концептуальный смысл [Текст] / Н. И. Великая // Творчество Михаила Булгакова. – Томск, 1991. – С. 28–48.
6. Гаспаров, Б. М. Новый Завет в произведениях М. А. Булгакова [Текст] / Б. М. Гаспаров // Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века / Б. М. Гаспаров. – М., 1994. – С. 83–123.
7. Кацис, Л. Ф. «...О том, что никто не придет назад». I (Предреволюционный Петербург в «Белой гвардии» М. А. Булгакова) [Текст] / Л. Ф. Кацис // Русская эсхатология и русская литература / Л.Ф. Кацис. – М., 2000. – С. 213–245.
8. Кожевникова, Н. А. Словоупотребление в романе М. Булгакова «Белая гвардия» [Текст] / Н. А. Кожевникова // Литературные традиции в поэтике Михаила Булгакова. – Куйбышев, 1990. – С. 112–129.
9. Лурье, Я. С. Историческая проблематика в произведениях М. Булгакова (М. Булгаков и «Война и мир» Л. Толстого) [Текст] / Я. С. Лурье // М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. – М., 1988. – С. 190–201.
10. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа [Текст] / Е. М. Мелетинский. – М., 1995. – 408 с.
11. Спендель де Варда, Д. Сон как элемент внутренней логики в произведениях М. Булгакова [Текст] / Д. Спендель де Варда // М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. – М., 1988. – С. 304–311.
12. Фрейденберг, О. М. Поэтика сюжета и жанра [Текст] / О. М. Фрейденберг. – М., 1997. – 448 с.
13. Химич, В. В. «Странный реализм» М. Булгакова [Текст] / В. В. Химич. – Екатеринбург, 1995. – 232 с.
14. Хрущева, Е. Н. Поэтика повествования в романах М. А. Булгакова [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Хрущева. – Екатеринбург, 2004. – 19 с.
15. Яблоков, Е. А. Мотивы прозы Михаила Булгакова [Текст] / Е. А. Яблоков. – М., 1997. – 199 с.
16. Яблоков, Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова [Текст] / Е.А. Яблоков. – М., 2001. – 424 с. – (Studia philologica).

УДК 821.161.1

Елена Валерьевна Абрамовских

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

ПРОСТЫМИ СЛОВАМИ[Рецензия на сборник стихотворений Станислава Анисимова
«Полмгновения до встречи» (Челябинск, 2010)]

Творчество человека является своеобразной сублимацией души, различных её состояний, переживаний. И тем оно ценно и интересно. Откровением оказывается поэзия, когда в ней отражается огромная Душа, чистый Разум, вечные ценности, забытые и утраченные многими в нашем суетном мире.

Стихотворения С.Анисимова написаны простыми словами, их образы свежи и чисты (возникает ощущение возвращения к первоистокам), нет зауми, сюрреалистического слома, постмодернистской игры, что само по себе уже большая редкость для современной культурной парадигмы.

Стихотворения создавались на протяжении десятилетия, 1999–2008 гг., но хронологическая закреплённость оказывается неважной, поскольку стихи автора имеют вневременную ценность.

Они посвящены вечным темам: любовь, дружба, человек и природа, смысл и ценность человеческой жизни, каждого отдельного её мгновения, поэтизация женщины, человеческих отношений, быт и бытие. Актуальны для автора сборника и судьба России («Вы, возы и обозы России...»), и тема малой Родины («Как постепенно исчезают / Дома ушедшей старины...»). Художественный мир сборника строится на следующих доминантах: «Дом», «Мир», «Вселенная», «Человек».

Ключевыми для сборника являются стихотворения: «На очереди сны, которые не снились...», «Неизмеримо длинный век...», «Ты напишешь на заборе...», «Искренность, где твои руки», «Ты для меня милее всех на свете...», «Позиции».

В сборнике много стихотворений, посвященных нераздельной слитности человека и природы. В этом отчетливо прослеживаются традиции Ф. И. Тютчева. В стихах С.Анисимова присутствует чувство первородного целого – того единства, из которого все родилось, а также чувство условности всяких границ между явлениями, понятиями, словами («Прекрасен вечер в сумерках зимой»).

По своему главному импульсу лирика С. Анисимова – страстный порыв человеческой души и человеческого сознания к бесконечному освоению ими внешнего мира. Поэт богат, время его обогатило, и настолько, что собственного духовного бытия ему хватает на других, на все вещи, какие есть в мире.

И уж не видим города и горы,
И лужицей тускнеет океан,
А впереди – вселенские просторы
И скопище других планет и стран.

И жизни пролетают, как абзацы,
И звёзды исчезают, как во сне.
И множество других цивилизаций
Внезапно улыбнулись мне. («Маячил Бог...»)

Лирика С. Анисимова космологична, причем не на уровне использования соответствующих терминов и понятий: Вселенная, галактика, квазары, Альфа, Млечный Путь, а на глубоком уровне познания физических законов, философском их обосновании.

Лирический герой сборника – мудрый человек, тонко чувствующий красоту жизни. Ему открыто тайное знание. Он учит, показывает, как нужно жить, но делает это так деликатно и ненавязчиво, что у читателя может сложиться впечатление, будто ему и так всё это было давно известно. Показательно в этом смысле стихотворение «Реализуется влюбленность...», в котором речь идёт о трагическом несовпадении людей, думающих, что они нашли свою половинку.

...В чём суть величия Вселенной?

Она в любви цветка к цветку,
Но мы влетаем дерзновенно
В огонь, подобно мотыльку.

И жар души даря неравным,
Цари – убогим, Боги – нам,
Бредём по свету с сердцем рваным
Или разбитым пополам.

Безусловно, лирический герой сборника – романтик, рыцарь женщины, убежденный сединами, но сохранивший душевную молодость. Сколько нежности, теплоты в таком бережном отношении к женщине:

Ты напишешь на заборе
Время и число.
Я в людском холодном море
Напрягу весло.

Не пойдут круги и волны,
Не начнется течь.
Я тебя собой наполню
И смогу сберечь.

Паруса наполню тихо
Светом и теплом....

Удивительно тонко поэт описывает состояние ожидания, тонкого перехода из прошлого в будущее, из одного эмоционального состояния в другое: «На очереди сны, которые не снились, / На очереди ты, которой еще нет»; «То путь изведанный намечен, / Понятен каждый лишний шаг. / То полмгновения до встречи, / То мы не встретимся никак. / То опоздали, то не надо, То вышли рано – а зачем, То камни вместо звездопада, / То нет ни чувств, ни слов, ни тем».

Характерной особенностью стихотворений сборника является неразрывность быта и бытия. В каждой реалии жизни, детали быта отражается целостный мир: «Пахнет килечкой пространство».

Яркой особенностью художественного мира является умение понять и проникнуть в другую ментальность, другую культуру. Так, стихотворение «Чукотские люди придумали “Га”» даёт читателю живую колоритную картину из жизни чукчей, какая порой не воссоздастся при чтении многотомного романа. Застывшие сопки, тундра, бесконечные метели, вечный снег – всё приводится в движение прытью ярых оленей, и восьмая нота «Га» (как правило, являющаяся одним из объектов пародии) звучит божественно прекрасно.

Чукотские люди придумали «Га» –
Восьмую особую ноту.
Ее подсказали метели, снега,
Тяжелого склада заботы.

Чукотские песни не сводят с ума,
Пока не увидишь Чукотку –
Застывшие сопки и тундра сама,
И бубна глухая чечетка.

И ярых оленей особую прыть,
И нежность собак без упряжки,
И птичье гнездовье нельзя позабыть,
И чукчей лихие замашки (...)

Поэт использует всю палитру художественных средств, добавляя в неё много новых неожиданных красок: сравнения, параллелизмы («Черда любимых женщин»), олицетворения, метафоры, метонимии, аллегорические образы («Сокол и Крапива»), звукопись (чего стоит рокот вулкана Нгоронгоро в стихотворении «Вдоль глинобитного забора...»). Причем очевидно, что это стихи, льющиеся из души.

Символично название сборника. Это действительно полмгновения до встречи – с Богом, с миром, новым человеком, истиной, добром... И счастлив читатель, которому осталось полмгновения до встречи с такими замечательными стихами.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 37.035.6

Татьяна Александровна Абрамовских

Челябинский институт экономики и права им. М. В. Ладощина

**ВОЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО ВЫСОЦКОГО
КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ**

Статья посвящена воспитательному потенциалу военно-патриотических произведений В. С. Высоцкого. Автор показывает, что такие общекультурные компетенции, как чувство любви к родине и ответственности за свою страну, можно развивать в ходе обучения различным дисциплинам гуманитарного цикла (например, истории и политологии), используя творчество Владимира Высоцкого.

Ключевые слова: В. С. Высоцкий, гражданское воспитание, патриотическое воспитание, тема Великой Отечественной войны.

Они уходят вдаль, но никогда не умирают.

И в песнях, и в стихах своих живут...

И. Тальков

Если попытаться определить место Высоцкого в истории нашей культуры несколькими словами, то самыми точными будут: «олицетворенная совесть эпохи». Поэтому и любимец народа, поэтому и море цветов у его памятника. При жизни он не был удостоен официальных наград и званий, но стал настоящим «народным певцом». И в XXI веке его песни, книги, стихи по-прежнему вызывают интерес. Особняком стоит военная лирика. Отчего?..

Меняющийся мир всегда стремится изменить свою историю. Добрались и до Победы. Договорились до того, что, если бы СССР проиграл войну, мы давно бы жили при демократии. Переписывание истории, ее искажение не создает сколько-нибудь цельной панорамы войны, ее глубокого прочтения и переживания. Однако на любую фальшь обязательно находят достоверные факты, которые посредством песен, стихов, полотен, документальных и художественных фильмов доносятся до народа, и восстанавливается подлинная сущность истории. Одним из таких средств, в данном случае, являются военные песни Владимира Высоцкого. Его творчество заставляет вспомнить, поверить, понять, пережить, как свое, накрепко связывая тех, кто воевал, и тех, кто «не видел войны и родился значительно позже». Как же удалось Владимиру Семеновичу Высоцкому, не воевавшему и не дожившему до сегодняшнего дня, стать мостом не только между поколениями, но и между прошлым и будущим? На первый взгляд, кажется удивительным, что именно Владимир Семенович создал наиболее цельную и живую картину Великой Отечественной войны. Здесь срабатывает принцип «история видна на расстоянии». Для тех, кто воевал, часто мир войны был ограничен их взводом, ротой, батальоном. Гармошки в землянках пели о далеких милых, темной ночью в перерыве между боями вспоминали детскую кроватку, синий платочек. Солдаты, офицеры, генералы писали письма домой, уверяя, что они обязательно победят, вернуться и все будет хорошо. И дело не в военной цензуре, а в обычном человеческом желании – уберечь близких от лишней боли, которой и так было слишком много. Они не могли охватить, прочувствовать, осмыслить всего происходящего, а возможно, и не хотели, нет, тогда было не до осмысления громадности происходящего, просто всеми

двигало желание победить и жить в мире. А вернувшись живыми, из всех сил старались вырваться из пережитого ужаса, окунуться в мирную жизнь:

...ну что с того, что я там был. Я забыл. Я все забыл.

Не помню дат, не помню дней, названий вспомнить не могу... [1]

Потребность вернуться в прошлое, вновь его прожить пришла позже. Иное дело – военные дети. Высоцкий говорил: «Мы – дети военных лет» [2]. Для них война стала осью, вокруг которой вращался мир. Высоцкому удалось уловить и выразить это чувство, сделав его потрясающе достоверным. Таким, что фронтовики соглашались: да, это было именно так. Отличительная особенность творчества Владимира Семеновича в том, что он не играл, не изображал – он жил и своими ролями, и своими песнями. Поэт проживал каждую песню так, словно она была последней. Высоцкий сотни раз умирал, воскресал и вновь умирал, вместе со своими героями, сгорая сам и заставляя, пусть на мгновение, вспыхнуть своих слушателей. «Песни Высоцкого о войне – это, прежде всего, песни настоящих людей, людей из плоти и крови. Сильных, усталых, мужественных, добрых. Таким можно доверить и собственную жизнь и родину. Такие не подведут. Именно так и переходит от родителей к детям самые значительные, самые великие понятия...» (Р. Рождественский). Чего же удивляться, что ему верили и верят до сих пор? Верят старики-ветераны, верят ровесники, верят следующие поколения. Правда – вещь трудноуловимая и обоюдоострая. Она бывает объективная и субъективная, одни и те же события можно трактовать по-разному, меняя местами следствие и причину, раздувая одно и умалчивая другое. Без архивных документов ощущение правды и правоты дают песни Высоцкого. Владимир Высоцкий говорил: «...почему у меня много военных песен? Почему я так часто обращаюсь к военной теме? Во-первых, нельзя об этом забывать. Война всегда будет волновать – это такая великая беда, которая на четыре года покрыла нашу землю... Во-вторых, у меня военная семья...» [2]. Он не создает благостную ура-патриотическую картину, в его песнях есть место фронтовым сражениям, потерям, несправедливостям, крови, боли, отчаянию, но все это не зря, не бессмысленно. И это понимают все: от штрафников, до идущих в лобовую атаку летчиков и подводников. Представление Высоцкого о войне выражено четко и ясно, с ним можно соглашаться, против него можно возразить, но от него нельзя отмахнуться, нельзя выбросить из головы, объявить великорусской пропагандой. Почему же Высоцкий так актуален? Каким насущным потребностям нашего времени отвечают его стихи-песни? Смысл творчества Высоцкого могли определить слова из «Песни певца у микрофона» об ответственности перед собой и людьми:

Я освещен, доступен всем глазам

Чего мне ждать: затишья или бури?

Я к микрофону встал, как к образам.

Нет-нет, сегодня точно – к амбразуре.

Эта тема продолжается и в других стихах, например в песне «Он не вернулся из боя»:

Нам и места в землянке хватало вполне,

Нам и время текло для обоих...

Все теперь одному, только кажется мне,

Это я не вернулся из боя.

Такова гражданская позиция В. С. Высоцкого. Гражданским нервом его творчества была ответственность и правдивость – та острая и естественная реакция на общественные вопросы, что всех волновали, вызывали раздумья. Творчество Высоцкого в этом плане являло собой нормальную реакцию нормального человека, чуждого жизни с двойным дном (одно видим – говорим другое), возведенное художественным даром и талантом искренности в степень высокого искусства. Военное творчество поэта с его искренностью и правдивостью закладывало основы гражданского общества, когда идеология государства о нем не помышляла, это было чуждым существующей тогда системе.

Владимир Семенович был истинным гражданином своего Отечества, не заявляя об этом и не осознавая этого. Читаем: гражданином является «субъект жизни общества, активно влияющий на процесс его изменений». В рамках гражданского общества, понимаемого как коммуникативный процесс, понятие «гражданин» раскрывается через понятие «участие», т. е. через его деятельность в обществе [4]. Это про Высоцкого. Громадный, праведно настроенный внутренний мир самого поэта являлся средством для истинного объяснения того мира, который существует в нас и вне нас, – такова основа воздействия поэтического творчества Высоцкого на людей и таков критерий его значимости. Задача формирования гражданского общества на современном этапе развития человеческой цивилизации возведена в ранг государственной политики. Можно утверждать, что воспитание гражданина – социальный заказ общества. Ежегодно в рамках дисциплин история и политология провожу занятие, посвященное творчеству В. Высоцкого. Задолго до самого занятия студенты знакомятся с его поэзией, готовят презентации песен о войне. Разработанное содержание, выбор соответствующих средств освоения, форм и методов обучения способствует развитию гражданственности. Такие мысли высказывают студенты после проведенного занятия: «Высоцкий производит впечатление человека, непохожего на других. Как будто он человек с другой планеты. Его песни написаны с душой, от всего сердца... самое главное, что меня особенно тронуло, что он писал песни о войне. Высоцкий был сильным, честным человеком. Мне бы хотелось, чтоб таких людей было больше в нашем мире» [Макарова О., ЭУ-105]. «В детстве я не очень любила Высоцкого, так как мой папа является его огромным поклонником и очень часто включал его песни на полную громкость, что очень раздражало. После сегодняшнего занятия я изменила свое мнение о нем и его творчестве... Он ни на кого не похож, он рассказывает в своих произведениях историю страны, историю войны, которые заставляют размышлять, затрагивают душу» [Викулова М., ФК-105]. «Я думаю, что В. Высоцкий очень талантливый человек с глубокой душой. Особенно меня тронуло его творчество о войне. Это тяжелая правда о войне...» [Домрачева К., БУ-116]. «Он был человеком мирового масштаба, он просто был Человеком и Гражданином» [Черенкова В., МЭ-111]. В целом использование воспитательного потенциала дисциплин с широким применением активных форм и методов обучения, имеющих гражданскую направленность, формирует такие гражданские качества студентов, как активность, ответственность, способность отвечать за свои решения.

Трудно сказать, что было бы с Высоцким, доживи он до нашего времени, но он бы не отрекся ни от победы, ни от войны, ни от себя, ни от своей страны. Отрекаются, когда лгут, а Владимир Семенович не лгал. Иногда эпоха рождает человека, который становится ее голосом, зеркалом, способным показать ей истинное лицо. Таким избранником своей страны и своего времени стал Владимир Высоцкий, он ушел, не допев, не долюбив, не дожив, не доиграв. Ушел и остался в своих песнях и в наших душах. Высоцкий приоткрыл нам Россию и войну, с той стороны, какие они есть на самом деле. Он, по его собственным словам, «по паспорту и по душе русский» приоткрывал Россию, в первую очередь для нее самой [3].

А нам нужно обязательно открыть Высоцкого для себя: бесспорно, такое творчество, такие личности лишают нас равнодушия и дают нам надежду на будущее...

Список литературы

1. Беляева, Н. Следует жить! Поэзия Ю. Левитанского [Электронный ресурс]. – Н. Беляева. – [http:// lit. 1september. ru/ 2002/02/2. htm](http://lit.1september.ru/2002/02/2.htm).
2. Высоцкий, В. Монологи [Текст] / В. Высоцкий // Юность. – 1986. – № 12.
3. Влади, М. Владимир или прерванный полет [Текст] / М. Влади. – М. : Прогресс, 1989.
4. Сунгуров, А. Структуры гражданского общества [Электронный ресурс] / А. Сунгуров. – [www.prof.msu. ru/ publ/book3/sung.htm](http://www.prof.msu.ru/publ/book3/sung.htm).

УДК 37.034

Маргарита Николаевна Дудина

Уральский Федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

**НЕОБХОДИМОСТЬ НООСФЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ**

Образование как феномен культуры социума и личности несет непосредственную и опосредованную ответственность перед прошлыми, настоящими и грядущими поколениями. Этим обусловлена необходимость ноосферного образования во все более глобализирующемся мире (обоснование цели, содержания, технологий и результатов).

Ключевые слова: глобализация мира, аксиология образования, ноосферное образование, развитие личности, «сыновнее чувство Космоса» (К. Н. Вентцель).

Действие тенденций глобализации, информатизации, унификации и стандартизации, включая качество жизни, актуализировало вопрос о достижении устойчивого развития мира на путях сближения и взаимодополнительности разных форм познания. Естественнонаучные и гуманитарные знания, некогда распавшиеся на рациональные и иррациональные, философские, научные, культурологические, религиозные, непосредственно отразились на мировоззрении, чувствах, оценках, поступках индивида и общества в целом, требуют синтеза в целях преодоления антропоцентризма и порожденного им утилитаризма, прагматизма.

Сформулированные в свое время И. Кантом вопросы «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что могу надеяться?» звучат в наше время все более злободневно. Их звучание усилено набатом колоколов о надвигающейся катастрофе возможного уничтожения жизни, суицида планеты Земля. В то же время экологический, психологический, социальный, культурологический и педагогический кризисы порождены человеком; не природа угрожает человеку, а он поставил под угрозу природу и собственную жизнь. Этим обусловлены *профилактирующая роль* этики и педагогики (этической педагогики) и порождаемый ими новый тип мышления – ноосферный, которые направлены на гуманизацию жизни и воспитания человека, способного просчитывать возможные губительные последствия развития разума. Образованный человек создает новые супертехнологии и при этом теряет нравственность, духовность. В условиях неравносности развития, ненадежности в ситуациях риска, нарастания нежелательных последствий творчества человеческого разума педагогика и образование несут ответственность за то миропонимание, тип мышления, которым овладевает обучающийся с самых ранних лет и до «третьего возраста» и с помощью которых можно и нужно искать надежные средства спасения. Это увеличивает значимость *рефлексивной функции* педагогики и системы образования. И тогда необходимо определиться с содержанием образования, ориентировать его на онтологический статус человека в мире, ставшего проблемой для природы, социума и самого себя. Это «превосходное открытие» о «двумирности» человека (согласно И. Канту) рано или поздно должно состояться в образовании, чтобы понять истоки и ценность свободы, а также связанной с ней ответственности личности, всегда выбирающей (выбор – это всегда свободный выбор).

Так, парадигмальный пересмотр ценностей, целей, содержания и технологий в педагогическом процессе обусловлен *внешними причинами* – пониманием императива выживания в страшной катастрофе, перед лицом которой оказался современный мир, все люди

и каждый человек отдельно. И все же реальная или предполагаемая катастрофа физического уничтожения человечества, возможно, и всего живого, является антропологической и педагогической по своему происхождению, вызванной *внутренними причинами*, связанными с решением проблемы, как человеку «выделаться в личность, чтобы не жить недоделанным» (Ф. М. Достоевский). «Выделявание» касается отношений человека к природе, к Богу, социуму и самому себе. Поскольку эти отношения через оценочные суждения и ценности в основном складываются в процессе обучения и воспитания, то придется признать непосредственную и опосредованную ответственность образования во все более глобализирующемся мире за состояние природы и общества, развитости в личности и обществе духовно-нравственных ориентаций. И эта ответственность связана с решением задач непрерывного образования (теперь уже не «на всю жизнь», а «через всю жизнь»). Поэтому уже не могут оставаться неизменными содержание и образовательные технологии, чтобы привести к желаемым качественным результатам образования. Несмотря на различные и порой весьма туманные определения понятия *качество образования* и совокупности его индикаторов, мы придерживаемся понимания его через *критерий соответствия цели*. Подчеркнем, речь идет о массовом образовании, в том числе массовом вузовском образовании. Если в прошлом, когда в университетах реализовывалась модель Гумбольта, только 5 % людей получали высшее образование, в настоящее время это 50–60 % населения, а в развитых странах, возможно, и 70 % [1. С. 5].

Нестабильность жизни, неустойчивость глобальных эволюционных процессов связаны с образованием, его содержанием и технологиями, они коррелируют. И тогда кто возьмет на себя ответственность за то, что в учебниках по педагогике до сих пор продолжают насаждаться традиционные, линейные, механистические представления об образовании как «передаче опыта старших поколений младшим», об обучении как «подготовке к жизни» подрастающих поколений. И это на фоне динамично происходящих природных и социокультурных трансформаций, обусловленных не только созидательной, но и разрушительной деятельностью человека в условиях альтернативности сценариев его развития и социума в целом. К сожалению, длительный опыт человечества по воспитанию и образованию подрастающих поколений связан с постоянным количественным увеличением предметных знаний. Утверждавшееся с XVII в. *антропоцентрическое миропонимание* (вытеснившее *теологическое*, которое в свою очередь пришло на смену *мифологическому*) привело к роковому разделению знания на естественнонаучное и гуманитарное, к типологии наук о природе (sciences) и о духе. По образному выражению физика Оппенгеймера, в зеркало знаний о мире бросили камень, и оно разлетелось на тысячи осколков. Это непосредственно сказалось на учебных планах и предметах, которых становилось все больше и которые ориентировали, увы, на «покорение природы». Пример тому, известные с детства высказывания: «Ум человеческий открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем самым свою власть над ней». Так писал наш великий соотечественник М. В. Ломоносов, разносторонний ученый, исследователь, химик, физик, но и выдающийся филолог, поэт. На протяжении десятилетий ни учитель, ни ученики не задавали вопрос о том, есть ли в высказывании Ломоносова тревога (думается, что все же имплицитно есть), связанная с тем, что человек может навредить природе и себе. Или известное высказывание И. В. Мичурина: «нечего нам ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача», которое однозначно интерпретировали как призыв к варварскому отношению к природе. И это большое заблуждение по поводу самого Мичурина, тем более, достигаемых им результатов. Господство материализма, наукоцентризм и политехнизм оттеснили гуманитарное знание на периферию, тем самым, отдалили растущие поколения от понимания истинного смысла образования и ценности знаний на основе этической доминанты.

Но пробил последний час антропоцентризма, и не только ученые, студенты, но и школьники с самых ранних лет обучения расстались с опасной идеей «человек – царь

природы», подвергают сомнению ценности, связанные с прогрессом науки и техники, и ищут ответы не только в науке, но и культуре, искусстве, мифологии, религии, эзотерике. Однако продолжающийся *предметный подход* в школьном и вузовском образовании, в основе которого лежат знания *техне* (проверяемые на контрольных и экзаменах), усиливает прагматизм и утилитаризм, фрагментарность знаний, их бессистемность на основе неизбежного «клипового» мышления. Обесценивание в образовательном процессе знания *эпистеме* (сущностное знание, метазнание, организующее сознание (душу), носящее общекультурный, гуманитарный характер), ведет к деформации целей, сущности содержания и методов обучения и негативным образом отражается на развитии личности и общества. В такой образовательной парадигме «до личности нет дела», в то же время именно идея личности является плодотворной и перспективной в философии, психологии, педагогике и образовании. Имея глубокие исторические корни – как религиозная, так и атеистическая – она пронизывает гуманистическую мысль Сократа, Аристотеля, Фомы Аквинского, Канта, Шелера, Кьеркегора, Достоевского, Толстого, Ницше, Ясперса, Бердяева, А. Камю, Ж.-П. Сартра, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского и др. К этой идее следует обратиться современному образованию, чтобы радикально изменить массовое сознание. Так «личностная» педагогика заявляет о необходимости новой образовательной парадигмы, ее антропологического, аксиологического измерения. В данном контексте подчеркнем правоту Н. А. Бердяева, считавшего это путем познания личности и Вселенной: «*Антропологический путь – единственный путь познания Вселенной*».

Современный динамично меняющийся мир существует в ситуации радикального плюрализма, непредсказуемости дальнейшего развития, поэтому необходим культурный диалог и взаимодействие личностной и коллективной идентичности. Продуктивности диалога призвано научить образование, но для этого необходимо ответить она вопрос: имеются ли универсальные мировоззренческие и не противоречащие им аксиологические основы, позволяющие преодолеть утилитаристские, функциональные ценности в отношениях человека с природой? Есть – *утверждение человеческого начала в Космосе и космического в человеке*. Об этом, полагаем мы, писал В. И. Вернадский: «Самыми главными вопросами являются вопросы этические, вопросы о том, как следует вести себя при тех или иных условиях жизни» [5. С. 386].

Человек имеет «не-алиби в бытии» (М. М. Бахтин), поэтому жизнь общества и жизнь человека взаимно ответственны друг перед другом; «сплошь ответственная» личность не имеет права на нравственное преступление. Чтобы образование отвечало за жизнь, не отставало от нее, но и жизнь стала бы более требовательной к образованию, воспитанию человека, между ними должно быть достигнуто взаимопроникновение и единство. Время требует одухотворить образование пафосом ответственности за жизнь, чтобы не отдалять «своего поступка от его продукта» (М. М. Бахтин).

Решение столь сложных проблем возможно на путях *ноосферного образования*, ноосферного гуманизма, требующих разработки его принципов, содержания и методов. Продуктивным в этом поиске является обращение к фундаментальным понятиям космизма – *активная эволюция, коэволюция, ноосфера, антропокосмизм, всеединство, ноосферное мышление, экологический императив, космическое чувство, панэтизм, ноосферная этика*. Современному образованию давно уже пора принять истинную значимость методологической, мировоззренческой, аксиологической, этической, культурно-исторической и педагогической ценности этих идей как базовых в универсальной образовательной среде школы и вуза. Овладение понятийно-категориальным аппаратом ноосферного образования создаст педагогические условия для достижения системности знаний, реализации следующих его принципов: *гуманитаризация образования, обогащение иррациональным содержанием естественнонаучного знания и рациональным гуманитарного; диалог культур, цивилизаций, мировоззрений; личностно-центрированный подход в образова-*

нии; интерактивные методы обучения; овладение обучаемыми ноосферной этикой. Так, основное изменение смысла и назначения образования, воспитания совпадает с этическим, нравственным измерением человеческого существования и требует обращения к ценностям *антропокосмического миропонимания, возникающего на основе ноосферного мышления*, ориентирующих на решение проблем личности, общества и Космоса в единстве планетарного, общественного и индивидуального. За этим стоит великая и простая мораль, понятная образованному и необразованному человеку любого возраста – «морально все, что находится в согласии с природой».

Отметим, что первым осязаемым результатом поиска универсальной мировоззренческой, не противоречащей аксиологии, стала экологизация морального сознания, имеющая в основе признание самоценности природы и личности, их уникальности, единственности и неповторимости. Отсюда их нерасторжимое единство в системе «природа-общество», где и природа и личность выступают как цель, но не средство. Тогда в образовании речь пойдет о педагогическом и дидактическом целеполагании, о необходимости нового содержания и технологий. Заметим, что этим озабочена не только научная педагогика, но и практическая. Например, И. Ю. Виноградова, Л. Б. Игошева (лицей № 110 г. Екатеринбург) связывают падение познавательной мотивации и активности, заинтересованности у обучаемых всех возрастов именно с существующим содержанием современного школьного образования. И так об этом пишут: «Традиционное образование содержательно ориентировано на изучение основ классической науки: большинство учебных предметов является редуцированной формой соответствующих академических наук. Однако все чаще звучат предложения о том, что образование необходимо понимать значительно шире: основой его должна являться культура в целом, лишь частью которой является наука» [6. С. 26].

Опережающая функция педагогики и образования предполагает предвидение жизненных тенденций и выработку стратегии развития образования и воспитания. Сегодня она связывается с пониманием ограниченности рациональности, убеждения в том, что «знание-сила» (на путях чего дальнейший прогресс в науках и технике приведет к решению если не всех, то очень многих жизненных вопросов). Этому подходу соответствовала *когнитивно-ориентированная парадигма*, проложившая дорогу индустриальной цивилизации (Э. Тоффлер) и поддерживающая ее. С тех пор стали доминировать ценности, нашедшие непосредственное отражение в содержании наукоцентрированного образования, знаниевого характера обучения. Но довольно быстро обнаружилось, что успехи в науке и технике не только не ведут к прогрессу нравов, нарастанию духовности, наоборот, осложняют решение этических вопросов. За долгие века человеческой истории люди многому научились – летать, как птицы, плавать, как рыбы, но жить по-человечески не умеют до сих пор. Тревога по этому поводу связывалась разными авторами с «глубокой варваризацией, несмотря на все блестящие завоевания науки и техники, на бесспорные сдвиги в устройении социальных условий жизни» [10. С. 309]. О «вертикальном вторжении варварства» писал Х. Ортега-и-Гассет [12. С. 150], объясняя сущность этого феномена не внешними причинами (нападения и завоевания варваров), а внутренними, исходящими из глубин общества. Как только оказались перед лавиной нарастающих проблем, связанных с духовно-нравственным состоянием общества, осложняющим процесс воспитания подрастающих поколений, стали говорить о последствиях развития науки и технологий. Однако было бы ошибкой обвинять в этом само научное знание и создаваемые на его базе технологии. Знание человека связано с его сознанием и самосознанием («взгляд на себя», или «созерцание созерцателя», Л. Н. Толстой). В дуалистичности сознания кроются истоки духовности и нравственности или бездуховности и безнравственности. Об этом размышлял Л. Н. Толстой: с одной стороны, «сознание своей отдаленности от Всего», с другой, – «сознание своей причастности ко Всему, сознание своей вневременности, внепространственности, своей духовности, сознание всемирности» [15. С. 84].

В этом контексте встал вопрос о коэволюции науки и нравственности. Заметим, что было бы заблуждением думать о том, что если в прошлом не употребляли эксплицитно названное понятие, значит, не предполагали остроты этой проблемы. Например, Ф. Бэкон в работе «О достоинстве и приумножении наук» предупреждал о необходимости «данный от Бога дар разума направить на пользу человеческому роду» [3. С. 121]. Так был поставлен вопрос о нравственной ответственности тех, кто занимается наукой и техникой, о необходимости задуматься над демиургической ролью человека, его «всевластием над природой», бездумным ее «покорением». Только поняв неразрывную связь человека и природы, можно понять истинную ценность знания и связанного с ним сознания человека, его разума (в буквальном смысле, просвещенного разума) и нравственных чувств, которые ориентируют науку как познавательную человеческую деятельность на поиск истинных ценностей, связанных со стремлением осмыслить мир и самого себя в нем. Это значит, можно соглашаться или нет с тем, что вина лежит на антропосе (ее можно приписать Богу), но именно человек-личность как фундаментальная категория философии и педагогики несет в себе смысловые ориентиры жизни и образования, воспитания. Отсюда необходимость пересмотра содержания образования (всех его ступеней – дошкольного, школьного, вузовского и послевузовского – на протяжении всей жизни) в соответствии с новой образовательной парадигмой. Педагогике вслед за философией принадлежит собственное место в диалоге о ценностях, т. к. на этих путях проецируются аксиологические сдвиги на духовную, нравственную доминанту в образовании и воспитании. В социокультурной реальности всегда имели место Бог, природа, социум и человек, находящийся с ними в диалоге о смысле жизни и собственном назначении и путях спасения. Если общество рассматривать как целостную органическую развивающуюся систему, то необходимо преодолеть навязываемое десятилетиями противопоставление функций науки и религии, а представить их как дополнительные, пишет философ В. С. Степин. И уточняет: «Если с этих позиций рассматривать науку и религию, то интенция науки на порождение нового знания делает ее важнейшим социальным фактором изменений в культуре и обществе. Что же касается религии, то она выступает хранителем традиций, устойчивых ценностей, аккумулирующих исторически апробированный опыт социальной адаптации человека к природе и социальным общностям» [13. С. 22–23]. Стоит напомнить, что мировые религии (все – о связи человека и мира с абсолютным, лат. *absolutus*) изначально ориентировали на духовные, нравственные ценности через понятие «общечеловеческие ценности» в качестве инвариантного этического содержания («не убий», «не укради», «не суди, не судим будешь», «почитай отца и мать» и др.). Этическое понятие «золотое правило», сформулированное в классической норме в Нагорной проповеди («Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними», Мф. 7, 12) возникло задолго до христианства [2. С. 195–212] и остается актуальным для настоящего времени. Диалог между религиями как аспект диалога культур стал особенно актуальным в настоящее время и востребовал понятие *толерантность*.

Следовательно, отношения «человек-природа» «человек – Бог», «человек – социум», «человек – культура», «я – мой внутренний мир», исследуемые различными областями познания, в том числе и с педагогическими целями, ориентируют на ценности и смыслы конкретного содержания и адекватных технологий обучения, которое будет раскрываться «не по предметам, а по проблемам». Эта мысль не случайно принадлежит В. И. Вернадскому [4], с нею мы связываем разработку стратегии модернизации образования, обусловленного глобализацией жизни и интеграционными процессами, в том числе, вхождения России в мировое образовательное пространство. Однако содержание образования, пронизанное идеями *русского космизма, ноосферного образования*, развитыми отечественными философами, естествоиспытателями и культурологами, еще предстоит освоить образованию нового века. *Космизм* как представление о мире и его целостности

и как учение о космической экспансии человечества – оригинальное течение отечественной мысли с середины XIX в. – было прорывом в социальной рефлексии человечества, потому что европейская мысль в то время придерживалась антропоцентрической картины миропонимания, согласно которой человек признавался венцом творения. В воспитании современного человека ценно космическое миропонимание, включающее в себя признание человека составной частью Космоса, его разумной рефлексивной частью. Понять то, что человек как *homo sapiens* стал реальным в процессе длительного исторического развития живой материи, одним из мощных сознательно действующих факторов дальнейшей эволюции природы – значит, понять его роль, миссию и понять себя на этой земле, свое предназначение. Мыслящий, созидательный человек является соавтором, «прямым участником процессов космических масштабов и значения» и поэтому у него должно быть развито «сыновнее чувство Космоса» (К. Н. Вентцель).

Человеческие «грезы о Земле и Небе» (К. Э. Циолковский) были свойственны ученым, развивавшим космическое миропонимание и ноосферное мышление. Естественнонаучное, или сциентистское, направление рассматривает человека как часть среды и значимость последствий его активности в ней. Идея «мир как целое» привела к изучению антиэнтропийной деятельности человечества, его возможностей упорядочивать космический хаос, отсюда уверенность в том, что «человечество не останется вечно на Земле» (К. Э. Циолковский, 1911 г.). В. И. Вернадский, разработавший идею об особой значимости человеческой жизнедеятельности для биосферы, а с ней и для Космоса, писал об ответственности человечества за все происходящее на Земле и в Космосе. А. Л. Чижевский задолго до осознания мировым сообществом и системой образования идеи всеединства писал о Космосе как об общем доме, в котором «кровь общая течет по жилам всей вселенной».

Ценность идей русских космистов состоит в эвристической мысли о необходимости объединения людей, преодоления созданных цивилизацией барьеров между субъектом и объектом, естественным и искусственным, рациональным и иррациональным. Перед лицом Космоса человечество предстает единым, целым, устремленным в вечность. Осознав связь с Космосом, человек выработает нравственное отношение к нему. Эти идеи успешно развиваются применительно к современному образованию (Н. Г. Холодный, Н. Н. Моисеев, Г. В. Платонов, А. И. Субетто, Е. Г. Туркина, А. Д. Урсул).

Мы полагаем, что такое «открытие» должно и может состояться в школьные годы на пути приобретения базовой культуры личности, ориентированной на непринятие потребительского отношения к природе и людям, в основе которого лежат антропоцентрические представления («человек – царь, властелин природы») и утверждение антропо-космического миропонимания. В образовательном процессе школы, колледжа и вуза (в стандарте или вариативности) имеется огромная возможность расширения пространства-времени для познания мира и человека в нем путем обращения к истории научной мысли, традиций решения «вечных вопросов», связанных с человеком и его существованием. В этом убеждает многолетний опыт автора данной статьи [7; 8; 9], а также единомышленников [11; 14; 16]. Обращение к вышеназванным фундаментальным понятиям космизма обогатит иррациональным содержанием естественнонаучное знание и рациональным – гуманитарное; выявит значимость диалога культур, цивилизаций, мировоззрений. Отечественный педагог К. Н. Вентцель, разрабатывавший идеи космической педагогики в первой половине XX в., считал, что она «стучится в двери» и призывал «открыть их настежь и заняться ею вплотную». Если вернемся к вопросу о содержании образования в большей конкретности, то признаем, что оно оторвано от смысловых вопросов ребенка, подростка и взрослых. Они связаны с экзистенциальными проблемами *жизни и смерти, свободы и ответственности, личности и творчества, страха, отчуждения и одиночества, совести, любви*. Только тогда сможем надеяться на возможность воспитать поколения с «сыновним чувством Космоса».

Список литературы

1. Аавиксоо, Я. Обеспечение качества: неортодоксальный взгляд на проблему [Текст] / Я. Аавиксоо // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 2002. – № 6.
2. Апресян, Р. Г. О появлении понятия «золотое правило» [Текст] / Р. Г. Апресян // *Этическая мысль*. – Вып. 8. – М., 2008.
3. Бэкон, Ф. Соч. : в 2 т. Т. 1 [Текст] / Ф. Бэкон. – М., 1971.
4. Вернадский, В. И. Основую жизни – искание истины [Текст] / В. И. Вернадский // *Новый мир*. – 1998. – № 3.
5. Вернадский, В. И. Философские мысли натуралиста [Текст] / В. И. Вернадский. – М., 1988.
6. Виноградова, И. Ю. Образование в регионах России: научные основы развития инноваций [Текст] / И. Ю. Виноградова, Л. Б. Игошева // *Материалы V Всероссийской научно-практической конференции* (Екатеринбург, 23–25 ноября 2009 г.). – Екатеринбург, 2009. Ч. 2. – С. 25–27.
7. Дудина, М. Н. Природа и история: проблема воспитания «космической сыновности» [Текст] / М. Н. Дудина // *Педагогика культуры*. – СПб., 2005. – № 2. – С. 12–16.
8. Дудина, М. Н. Социальный и личностный смысл ноосферного образования в высшей школе [Текст] / М. Н. Дудина // *Современные наукоемкие технологии*. – М., 2005. – № 5. – С. 34–35.
9. Дудина, М. Н. Философская пропедевтика. Или философии все возрасты покорны [Текст] / М. Н. Дудина. – Екатеринбург, 2000.
10. Зеньковский, В. В. Русские мыслители и Европа [Текст] / В. В. Зеньковский. – М., 1977.
11. Идеи космизма в педагогике и современном образовании [Текст] : материалы научно-педагогической конференции (Екатеринбург, 5–6 декабря 2003 г.). – Екатеринбург, 2004.
12. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет // *Вопр. философии*. – 1989. – № 3.
13. Степин, В. С. Философия и религия в социокультурном контексте [Текст] / В. С. Степин // *Ценностный дискурс в науках и теологии*. – М., 2009.
14. Теория и практика ноосферного образования [Текст] : сборник научно-методических материалов участников городской целевой программы по экологическому просвещению и образованию населения Екатеринбурга. – Екатеринбург, 2007.
15. Толстой, Л. Н. Философский дневник. 1901–1910 [Текст] / Л. Н. Толстой. – М., 2003.
16. Философия – Детям. Диалог культур и культура диалога [Текст] : материалы Третьей Международной научно-практической конференции (Москва, 4–7 июня 2008 г.). – М., 2008.

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 316.7

Алексей Валерьевич Бетехтин

Министерство культуры Челябинской области

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЗАПРОСЫ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА:
РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ**

Статья посвящена проблемам реализации художественных запросов населения в системе учреждений культуры и искусства Южного Урала. На основе статистических показателей отчетности учреждений, контент-анализе прессы и результатах социологического опроса жителей Челябинской области (Челябинск, Златоуст, Сатка) исследуется коммуникация личностно-индивидуального и институционального уровней функционирования художественной культуры.

Ключевые слова: художественные запросы, художественная культура, искусство, учреждения культуры и искусства

На наш взгляд, механизм формирования запросов, мотивы обращения к художественному продукту, особенности его восприятия связаны с миром внутренних личностных диспозиций, психологическим пространством индивида, а потому могут быть отнесены к *типическим* особенностям, лишь в некоторой степени корректируемым средой (хотя и попадающим под ее влияние), в то время как способы реализации запросов входят в непосредственную коммуникацию со сферой, зависимы от нее, а потому выступают в большей мере отражением региональной специфики, инфраструктуры развития конкретного региона (в данной работе – на примере Южного Урала).

Характеризуя сферу культуры Южного Урала, мы будем опираться на выявление определенной совокупности черт – наблюдаемых признаков и проявлений, отражающих ее реальное функционирование и художественный потенциал (на основе зафиксированных в документальных источниках статистических данных, результатах контент-анализа прессы). Кроме того, помимо фиксации объективных ресурсов сферы культуры, в данной статье мы будем обращаться к результатам социологического исследования населения городов Южного Урала (Челябинск, Златоуст, Сатка), проведенного автором в апреле-июне 2011 г. по методу целенаправленной квотной выборки (учет половозрастных характеристик) – общая численность опрошенных 1100 человек.

Приведем некоторые объективные показатели, определяющие ключевые позиции социокультурной карты Челябинской области: 14 театров (6 – областных, 8 – муниципальных); 3 концертные организации (областные); 1 цирк (федеральный); 47 музеев (3 – областных, 44 – муниципальных); 912 библиотек (4 – областные, 908 – муниципальных); 854 учреждения клубного типа (муниципальные); 7 учебных заведений высшего и среднего профессионального образования в сфере культуры (3 вуза: 1 – федеральный, 2 – областные, 4 ссуза – областные); 133 учреждения дополнительного образования детей в сфере культуры; 1 историко-культурный заповедник областного значения; 6 областных методических центров; 8 творческих союзов; более 80 национальных культурных центров; 10 парков культуры и отдыха (муниципальные); 1 зоопарк (муниципальный); 33 кинотеатра (16 – муниципальные, 17 – частные), 764 памятников истории и культуры.

В рассмотрении проблемы реализации художественных запросов в системе учреждений культуры и искусства Южного Урала, необходимым представляется установление синхронности социокультурной коммуникации личностного и институционального уровней функционирования художественной культуры – субъективных представлений и ожиданий (запросов) и объективно наличествующих показателей функционирования сферы (их реализации со стороны учреждений культуры и искусства). Анализ подобной синхронизации, основывается на введении системы критериев, характеризующих потенциал сферы с точки зрения эффективности реализации художественных запросов населения.

Первый очевидный и наиболее существенный – *критерий насыщенности и разнообразия самой системы предложений* – то есть показатель достаточного (для удовлетворения запросов) наличия учреждений культуры и искусств и качественного разнообразия, предоставляемых ими услуг. В данном вопросе вряд ли можно с уверенностью обнаруживать объективный показатель истинности: в случае официальной документации и статистических показателей количества учреждений, проведенных в них акций и мероприятий, мы не можем в полной мере претендовать на оценивание *качества* предоставляемых ими услуг; в случае же с представлениями населения, речь, как правило, идет о субъективно-личностном *понимании* насыщенности и разнообразия (достаточное для конкретного человека).

Итак, обратимся к распределению ответов населения относительно представленности в городах Челябинской области учреждений культуры и искусства (см. табл. 1).

Таблица 1

Представления о насыщенности города учреждениями культуры и искусства

Вариант ответа	Города Южного Урала		
	Челябинск	Златоуст	Сатка
- имеющих в городе учреждений культуры вполне достаточно, чтобы полностью удовлетворять художественные потребности граждан	42,5	11,8	18,3
-имеющихся учреждений культуры вполне достаточно количественно, но качество их работы нуждается в значительных изменениях	32,3	27,6	18,3
- городу не хватает новых культурных площадок	4	33,5	32,2
-не могу оценить	21	25,6	30

При первом же взгляде на приведенные данные, становится заметным несоответствие оценок жителей Челябинска и городов области. Если только 4 % челябинцев видят необходимость в появлении новых культурных площадок, то осознание дефицита количественной насыщенности оказывается лидирующим ответом для жителей Златоуста и Сатки. Также обращает на себя внимание достаточно высокий процент ответов «не могу оценить» (по всей совокупности полученных данных) – являющийся, как нам кажется, косвенным подтверждением эпизодического контакта населения со сферой художественной культуры

Таким образом, мы можем говорить, что показатель количественной насыщенности города учреждениями культуры и искусств (в оценках населения) представляется достаточным для жителей мегаполиса, но слабо выраженным относительно городов области (в которых, как правило, роль художественного центра выполняет одно базовое учреждение культуры и искусства). Правда, такое указание на недостаток насыщенности учреждений культуры и искусств со стороны жителей Златоуста и Сатки не обязательно свидетельствует о наличии внутреннего запроса на создание дополнительных культурных площадок, а может рассматриваться как обычная констатация факта их отсутствия в инфраструктуре городской жизни.

Обратимся к процентному распределению ответов населения, относительно *качественной* (интенсивность и многообразие) составляющей художественно-событийной жизни в представлениях горожан (см. табл. 2).

Таблица 2

Представления об интенсивности развития сферы художественной культуры города

Вариант ответа	Города Южного Урала		
	Челябинск	Златоуст	Сатка
- отличается интенсивностью и многообразием культурных событий	22	6,5	18,3
- не отличается особой интенсивностью культурных событий	20,3	28,9	19,4
- интенсивность весьма незначительная, однако единичные культурные акции и события весьма выгодно отличают жизнь нашего города	16	23	30
-в нашем городе практически не проводятся значимые и интересные культурные акции	16,3	19	17,2

Если суммировать число отрицательных выборов, то становится заметной следующая тенденция: *представления об интенсивности развития сферы художественной культуры у населения Челябинской области характеризуются критическим настроением восприятия*. Здесь следует точнее определить понимание интенсивности, которое, на наш взгляд, проявляется через такие категории как динамизм и качественно-количественная обновляемость репертуарного ресурса (под репертуарным ресурсом понимается жанрово-видовая совокупность транслируемой художественной продукции учреждений).

Итак, в оценках населения система художественного предложения выглядит не вполне благоприятной в аспекте интенсивности ее развития. Подобная ситуация может трактоваться как реальное противоречие в удовлетворении художественных запросов населения. Вместе с тем, на наш взгляд, в данном случае может присутствовать и своеобразный феномен *каузально-атрибутивной оценки сферы* – рациональное объяснение и оправдание собственного неучастия в художественной жизни через указание на ее негативные черты, «объективное» несовершенство.

Обратимся к официальным статистическим показателям развития учреждений художественной культуры Южного Урала во временной динамике (см. табл. 3, 4, 5).

Таблица 3

Деятельность театров области

Наименование показателя	Временная динамика показателей		
	2008 год	2009 год	2010 год
Количество спектаклей	3753	3599	3707
Число зрителей (тыс. чел.)	815,6	779,9	812,9
Количество детских спектаклей	1289	1287	1302
Число зрителей детских спектаклей (тыс. чел.)	215,3	208,4	211,6

Таблица 4

Деятельность концертных коллективов области

Наименование показателя	Временная динамика показателей		
	2008 год	2009 год	2010 год
Число эстрадных концертов	210	221	259
Число зрителей на эстрадных концертах (тыс.чел.)	69,9	75,4	81,1
Число филармонических концертов	900	783	1010
Число зрителей на филармонических концертах (тыс.)	273,6	236,3	258,7

Таблица 5

Деятельность областных музеев

Наименование показателя	Временная динамика показателей		
	2008 год	2009 год	2010 год
Число музеев	52	47	47
Количество экскурсий, ед.	17083	17400	16570
Число посетителей музеев (всего, тыс.чел.)	478,8	548,3	557,8

При анализе представленных данных, с одной стороны, обращает на себя внимание отсутствие тенденций заметной интенсификации количественных показателей (а в отдельных случаях и их незначительное понижение). С другой стороны, количество посетителей учреждений культуры и искусств Челябинской области не представляется весьма значительным по отношению к проведенным мероприятиям: особенно в музыкально-филармонической (не более трехсот тысяч в год по области) и музейной сферах (не превышает пятисот тысяч в сорока семи музеях области). В этом смысле, мы можем наблюдать, скорее, ситуацию опережающего предложения, чем неудовлетворенного спроса.

Следующий критерий, обеспечивающий на наш взгляд, эффективную систему коммуникации между потребителем и сферой – **критерий социокультурной мобильности**, основанный на принципах культурной диффузии – обеспечении процессов пространственно-временного распространения культурных образцов, внедрения их в новые локусы, включение в ареалы их функционирования новых групп населения.

Важным условием эффективной реализации запроса видится постоянная циркуляция художественных образцов по принципам вертикального (от центра к периферии) и горизонтального (культурный обмен равнорасположенных субъектов, синтез жанров) деления, обеспечиваемая за счет гастрольной деятельности, фестивалей и т.п. Гастрольная деятельность помимо осуществления просветительской функции, выступает и как характеристика открытости сферы, создающая для потребителя ситуацию вхождения в общероссийский (общемировой) культурный поток, преодоления место-временной локализации. Особое значение такой критерий приобретает в периферийных городах, для которых гастрольная деятельность становится подчас единственным источником ориентации в разножанровом потенциале искусства.

Таким образом, принцип культурно-художественной диффузии (гастрольная деятельность, фестивали, синтетическая основа мероприятий) представляется нам значимым критерием эффективной реализации запросов – обеспечивая потребителю многофункциональность посылы, ощущение событийности, пространственную локализацию мероприятия при качественно-синтезирующей природе акций, в рамках которых объединены представители разных видов искусств [3].

В целом, Челябинская область соответствует данному критерию как в фестивальной деятельности (стабильно действующие: всероссийский фестиваль профессиональных театров «Сцена», международный фестиваль «Новое органное движение», всероссийский фестиваль театров кукол «Ковчег», фестиваль современной органной музыки «Organismo» и др.), так и в системе организации и презентации гастрольной продукции. С 2010 года в Челябинской области начал реализацию крупномасштабный проект: «Театрально-концертный зал», предполагающий создание в территориях области нескольких сценических площадок (на базе существующих домов культуры) для проката спектаклей и концертов ведущих театрально-концертных коллективов области.

Еще одним значимым критерием представляется нам **критерий информационной открытости сферы**, подразумевающий: 1) наличие и эффективность действия каналов информационно-рекламного характера; 2) создание и поддержание информационно-насыщенной среды функционирования художественной культуры региона: порожде-

ние общезначимых информационно-художественных поводов, создание дискуссионно-критической среды обсуждения и PR-продвижения продукции.

Данный критерий приобретает особую актуальность в условиях информационной культуры, преобладающей роли средств массовой коммуникации, обилия, обрушивающихся на потребителя информационных потоков. В такой ситуации информационного изобилия институтам художественной культуры необходимо выстроить систему направленной коммуникации с аудиторией, задействовав разнообразные каналы передачи сведений.

На наш взгляд, синхронность коммуникации: «запрос – удовлетворение» (в соответствии с информационным критерием) предполагает наличие и эффективность развития **многоканальной** и **поли-информативной коммуникативной среды**: то есть действия различных средств рекламно-информационного оповещения (множества каналов) с качественно-видовым разнообразием, содержащейся в ней информации. Анализ результатов опроса показал, что в развитии информационно-коммуникативной среды по признаку многоканальности не в полной мере учтены возможности Интернет-коммуникаций: при достаточной востребованности данного вида информирования (особенно в среде молодежи и людей среднего возраста) большинство респондентов Челябинска и городов области практически не ощущают его действия в освещении и рекламном оповещении событий художественной жизни.

Следует сказать, что ориентация на обеспечение виртуально-коммуникативного поля презентации художественной культуры Челябинской области, на сегодняшний день, рассматривается в качестве актуальной тенденции усовершенствования механизмов формирования и реализации художественных запросов населения. Ориентируясь на современные социокультурные требования открытости и доступности информации, в Челябинской области были предприняты конкретные шаги: усовершенствован официальный сайт Министерства культуры области, ведется работа над созданием новой информационной площадки культурных проектов Челябинской области.

В данном случае речь идет о проекте, подразумевающим создание единого информационного ресурса в сфере культуры и искусства Челябинской области и Уральского региона, который сочетает в себе возможности интернет-СМИ и социальной сети; обеспечивает не только функцию информационного просвещения, но и полноценной коммуникации в режиме интерактивного обмена, взаимопересечения художественной элиты и массы (возможности сайта позволяют пользователям вступать в полемику с ведущими деятелями культуры, экспертами в различных ее областях, профессиональными журналистами и художественными критиками).

Таким образом будет обеспечиваться **эффект духовной консолидации**: как социальная сеть ресурс ставит задачу объединения в единое сообщество всех, кому не безразлична судьба культуры и искусства; открывает разнообразие возможностей: публикации резюме, статей, фотографий и видеоматериалов, создание персональных блогов, участие в виртуальных круглых столах и многое другое.

В качестве проблемного участка информационного продвижения художественной культуры, на современном этапе, видится **сужение поля дискуссионно-критической среды функционирования художественной культуры в действующей медийной сфере**. Приведем в качестве иллюстрации данного приложения контент-анализ публикаций челябинской прессы за 2010 год (см. табл. 6)

Таблица 6

Контент-анализ публикаций об искусстве в ведущих челябинских печатных СМИ

Издания	Всего	Количество публикаций по видам искусства					
		Театр	Музыка	Пластические искусства	Литература	Кино	Общекультурные события ¹
«Челябинский рабочий»	132	41	22	9	8	9	43
«Вечерний Челябинск»	161	55	31	8	3	2	62
«Южноуральская панорама»	203	44	51	11	10	16	71

Несмотря на представленное количественное распределение публикаций по различным сферам художественной культуры, лишь 32 публикации могут быть отнесены к жанру аналитических материалов (все прочие – тематические заметки, хроника, брифинг-интервью). При этом особенный всплеск интереса к проблемам художественной жизни в СМИ, вызван конфликтной ситуацией, сложившейся вокруг передачи Органного зала Русской Православной церкви.

Исследуя коммуникативный аспект проблемы, обоснованным представляется и взаимодействие, а, точнее, опора на ключевые концепции теории коммуникаций. В частности, высказанный канадским культурологом М. Маклюэном концептуальный тезис: «Средство сообщения есть само сообщение» – согласно которому, событие приобретает общественную значимость, лишь обретя соответствующую медийную («медиагенную») форму сообщения [2]. Исходя из данного тезиса, нам представляется возможным говорить о функции информационно-символической маркировки культурного продукта – зачисления его в ранг общезначимости и социокультурной ценности именно через включение и длительное удержание в зоне медийной интерпретации. Таким образом, создание дискуссионно-аналитической медиасреды художественной культуры, обеспечит ей символический вес и общекультурную ценность в сознании потребителя.

Выявленный показатель недостаточной поли-информативности (минимум тематических передач на телевидении и радио, отсутствие специализированной прессы и периодических журналов), на наш взгляд, лишает художественную культуру важной функции самопознания, ограничивает просветительскую роль продвижения художественных достижений [1. С. 20].

Названные аспекты оказывают влияние и на эффект PR-позиционирования сферы культуры и искусства: восприятия ее как значимой, востребованной и социально престижной. Во многом такая ситуация обуславливает *де-персонификацию региональной художественной культуры* – низкую оценку популярности и значимости деятелей различных сфер художественной жизни области (см. табл. 7), оказывает влияние на отсутствие сформированного интереса к локальному уровню развития художественной культуры (см. табл. 8).

Таблица 7

Оценка значимости и известности деятелей различных сфер
художественной жизни города

Вариант ответа	Города Южного Урала		
	Челябинск	Златоуст	Сатка
-деятели в театральной сфере	7,5	17	4,4
-в музыкальной	23,8	11	13,8
-в сфере изобразительных искусств	1,7	10,5	2,7
-в области литературы	2	11	2,2
-в области архитектуры	1,7	3,9	0,00
-в сфере кино, фотоискусства	2,6	6,5	8,3
-в сфере художественной критики и журналистики, радио	4	7,2	2,2
-в сфере шоу-бизнеса	6,5	3,9	2,2
-в сфере управления художественной культурой	0,7	1,9	0,5
-в сфере художественных ремесел, дизайна	1,9	4,6	2,7
-в хореографии, народном танце	1,7	7,2	5
-считаю, что таких деятелей нет в нашем городе	15	6,5	13,3
-затрудняюсь ответить	46	62,5	62,7

Таблица 8

Интерес к произведениям уральских авторов

Вариант ответа	Города Южного Урала		
	Челябинск	Златоуст	Сатка
-мне было бы интересно узнать о творчестве земляков	32	45,3	53
-этот фактор вряд ли будет для меня решающим	22,2	19	17
-мне мало интересны уральские авторы	25,5	15	10
-затрудняюсь ответить	20	20,3	20

Весьма значимым критерием в удовлетворении художественных запросов населения является **критерий ценового соответствия** – соответствия запроса и финансовой возможности его реализации; наличие позитивной корреляции в представлениях потребителя о соответствии цены и качества художественной продукции. Обратимся к распределению ответов, фиксирующих основные факторы привлекательности художественной продукции и влияющие, по мнению опрошенных, на выбор решения о посещении учреждений культуры и искусств (см. табл. 9).

Таблица 9

Факторы привлекательности учреждений культуры и искусства для населения

Вариант ответа	Города Южного Урала		
	Челябинск	Златоуст	Сатка
-если бы было больше денег	43,4	43,4	33,8
-если бы состав публики, приходящей в эти учреждения, соответствовал избранному кругу общения	13	8,5	6
-если бы мероприятия и репертуар учреждений были бы более разнообразными	15,3	20,3	11
-если бы время работы и месторасположение учреждений культуры было бы более удобным	13,8	11,8	8,8
-если бы было больше свободного времени	15,7	26,3	32,2
-если бы творческий состав учреждений был более профессиональным;	5,7	11,8	10,5

- если бы я располагал(а) более полной информацией о работе этих учреждений	5,7	11,8	8,3
-если бы учреждения культуры были более современными и комфортными	5,9	11	2,2
-не посещал(а) бы в любом случае	3,4	1,9	8,8

Представленные в таблице факторы, могут быть разделены на два обобщенных блока: факторы, определяемые деятельностью учреждений культуры и искусств (ситуационная внешняя мотивация); и субъективно-индивидуальные факторы (связанные с позицией самого респондента – диспозиционная внутренняя мотивация). Не останавливаясь подробно на факторах первой группы, укажем на лидирующее значение финансовой позиции как декларируемого «барьера» в контактах с учреждениями культуры и искусств. Как нам представляется, подобное обоснование собственной невключенности в художественную жизнь города – выступает лишь свидетельством изначально не сформированного запроса на подобную продукцию или же недостаточной информированности о реальной ценовой политике учреждений культуры и искусства, вполне допускающей регулярные контакты потребителя со сферой художественной культуры города и области (см. табл. 10).

Таблица 10

Средняя стоимость билета в учреждениях культуры и искусства Челябинской области

Наименование показателя	Временная динамика показателей		
	2008 год	2009 год	2010 год
Средняя стоимость билета на эстрадный концерт (руб.)	123,6	140,4	149,3
Средняя стоимость билета на филармонический концерт (руб.)	93,1	90,4	92,3
Средняя стоимость билета на спектакль	101,1	104,3	110,3
Средняя стоимость билета на посещение музея	24,8	29,1	40,1

Тем не менее, нельзя отрицать и тот факт, что финансовая ситуация (а, особенно, ее пессимистическая оценка) является одним из фокусов восприятия многих проблем для большей части населения России. А потому духовно-культурные блага изначально мыслятся как вторичные, воспринимаются своего рода излишеством на фоне реальных материальных нужд. Присутствует и факт весьма затратной суммы на гастрольные коллективы, «звездные» имена, гарантированно привлекающие внимание аудитории и провоцирующие потребителя на осуществление поведенческой активности.

Во многом данный критерий взаимообусловлен качественно-содержательной составляющей развития сферы художественной культуры. В понимании соотношения «цена – качество продукции» оценка финансового фактора как препятствующего, может свидетельствовать не столько о реальной финансовой несостоятельности потребителя, сколько определять его отношение к качеству продукции – как не в полной мере заслуживающей данных расходов (см. табл. 11).

Таблица 11

Соотношение цены и качества продукции учреждений культуры и искусства города

Вариант ответа	Города Южного Урала		
	Челябинск	Златоуст	Сатка
-оптимальное: цена почти всегда соответствует качеству	20,5	32	27,7
-обычно цена превышает качество продукции	30,5	26	26
-качество, как правило, выше, чем цена	10	2,6	9
-не могу точно оценить данное соотношение	38,8	31,8	37,3

Благоприятным условием синхронизации коммуникации институционального и репрезентативного уровней в данном вопросе представляется нам позиция ответа: «не могу точно оценить данное соотношение» – открывающая потенциал для формирования лояльной аудитории.

Во многом на формирование и последующую реализацию художественного запроса влияет **критерий внешне-имиджевой привлекательности и комфортности учреждений культуры и искусства**. В таблице приведены оценки проблемных зон, нуждающихся, по мнению опрошенных, в приоритетном совершенствовании (см. табл. 12).

Таблица 12

Направления совершенствования работы учреждений художественной культуры и искусства города

Вариант ответа	Города Южного Урала		
	Челябинск	Златоуст	Сатка
-ремонт фасадов зданий, их внешний вид	32	50,6	48,8
-внутренний интерьер учреждений, удобство и комфорт	19,8	28,9	27,7
-материально-техническая укомплектованность	26,9	35,5	41,6
-информационно-рекламная деятельность учреждений	16,5	18,4	9,4
-ценовая политика учреждений	25,7	17,7	11
-профессионализация художественно-творческого состава	3,4	5,2	14,4
-профессионализация управленческого и обслуживающего персонала учреждений	2,8	7,8	4,4
-разнообразие репертуара, наличие интересных акций	9,2	17	14,4
-работа со зрителем, привлечение аудитории	9	14,4	13,3

Если обратиться к результатам распределения ответов населения, в оценках респондентов явно заметен приоритет внехудожественных направлений совершенствования работы учреждений культуры и искусства. Подобная ситуация представляется вполне естественной: реализация художественных запросов осуществляется в свободное время, мыслится потребителем в качестве досуговой практики, а потому фактор комфортности и удобства напрямую коррелирует с функцией релаксации.

Особую значимость данный критерий, как нам представляется, приобретает по отношению к художественным направлениям, которым в сознании населения изначально присвоен своеобразный «ретро-статус», надежно закрепленное представление об их «генетической традиционности»: музейной и библиотечной сферам. К сожалению, материальная база многих музеев Челябинской области находится в неудовлетворительном состоянии: из 94 зданий музеев – 20 построены до 1917 года, находятся в аварийном состоянии и нуждаются в капитальном ремонте, 25 музеев находится в приспособленных помещениях, 15 музеев расположены в помещениях от 100-200 кв. м, только 3 % музеев имеют возможность вести полноценную профессиональную работу.

Если же говорить о совершенствовании материально-технической базы библиотек, то в вопросах актуализации обращения к ним населения (молодежи), весьма важным обстоятельством представляется компьютеризация: ставшая сегодня наиболее дискуссионной дихотомия «книжной» и «электронной» культур требует их непосредственного взаимодополнения. В 2010 году парк персональных компьютеров в библиотеках увеличился в сравнении с предыдущим годом на 69 единиц и насчитывает 1071 ПК. Значительно улучшили техническое оснащение своих библиотечных систем Челябинский, Магнитогорский, Златоустовский, Миасский, Троицкий городские округа, Саткинский и Увельский муниципальные районы.

Таким образом, указанный фактор, в ситуации символического устаревания модели реализации досуга в учреждениях культуры и искусства, может рассматриваться *в каче-*

стве необходимого условия соответствия художественной культуры инновационным вызовам современности.

Список литературы

1. Астафьева, О. Н. Медиакультура и некоторые принципы формирования информационно-коммуникативного пространства [Текст] / О. Н. Астафьева // Медиакультура новой России : материалы междунар. науч. конф. Том 2 / под ред. Н. Б. Кирилловой. – Екатеринбург ; М. : Академический проект, 2007. – С. 9–27.
2. Бакулев, Г. П. Массовая коммуникация: западные теории и концепции [Текст] / Г. П. Бакулев. – М. : Аспект Пресс, 2005. – 176 с.
3. Синецкая, Т. М. Социология музыки [Текст] : учеб. пособие / Т. М. Синецкая. – Челябинск : ЧГИИК, 1998. – 282 с.

Примечания

¹ Речь идет преимущественно о проблемах художественной культуры России и Южного Урала.

УДК 316.776

Людмила Борисовна Зубанова

Челябинская государственная академия культуры и искусств

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ: КАЧЕСТВЕННО-КОЛЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ ОЦЕНКИ АУДИТОРИИ ЧЕЛЯБИНСКА

Рассмотрение социокультурного пространства на сегодняшний день представляется невозможным без обращения к информационному. Данная статья посвящена выявлению роли и места СМИ в структуре свободного времени населения, определению ключевых мотивов обращения к информации, характеристике предпочтений и интересов аудитории в выборе различных информационных источников. Основой для построения выводов стали результаты социологического исследования, проведенного совместно кафедрами культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств и кафедрой теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета¹ в апреле – июне 2011 года – по методу целенаправленной квотной выборки (половозрастной состав населения Челябинска, выборочная совокупность 550 человек).

Ключевые слова: масс-медиа, информационное пространство, медиапотребление, коммуникация

Современное человечество все стремительнее входит в «цивилизацию досуга», «информационную эру», эпоху виртуальности. Привычное некогда восприятие пассивных форм досуга как вторичных (как минимум, в статусном плане), на сегодняшний день обнаруживает собственную несостоятельность. Общая переориентация на культуру потребления в значительной мере акцентирует внимание и на практиках *информационного потребления*, превращая население в аудиторию, субъектов в пользователей, а мир, по мысли канадского культуролога М. Маклюэна, в «глобальную информационную де-

стве необходимого условия соответствия художественной культуры инновационным вызовам современности.

Список литературы

1. Астафьева, О. Н. Медиакультура и некоторые принципы формирования информационно-коммуникативного пространства [Текст] / О. Н. Астафьева // Медиакультура новой России : материалы междунар. науч. конф. Том 2 / под ред. Н. Б. Кирилловой. – Екатеринбург ; М. : Академический проект, 2007. – С. 9–27.
2. Бакулев, Г. П. Массовая коммуникация: западные теории и концепции [Текст] / Г. П. Бакулев. – М. : Аспект Пресс, 2005. – 176 с.
3. Синецкая, Т. М. Социология музыки [Текст] : учеб. пособие / Т. М. Синецкая. – Челябинск : ЧГИИК, 1998. – 282 с.

Примечания

¹ Речь идет преимущественно о проблемах художественной культуры России и Южного Урала.

УДК 316.776

Людмила Борисовна Зубанова

Челябинская государственная академия культуры и искусств

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ: КАЧЕСТВЕННО-КОЛЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ ОЦЕНКИ АУДИТОРИИ ЧЕЛЯБИНСКА

Рассмотрение социокультурного пространства на сегодняшний день представляется невозможным без обращения к информационному. Данная статья посвящена выявлению роли и места СМИ в структуре свободного времени населения, определению ключевых мотивов обращения к информации, характеристике предпочтений и интересов аудитории в выборе различных информационных источников. Основой для построения выводов стали результаты социологического исследования, проведенного совместно кафедрами культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств и кафедрой теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета¹ в апреле – июне 2011 года – по методу целенаправленной квотной выборки (половозрастной состав населения Челябинска, выборочная совокупность 550 человек).

Ключевые слова: масс-медиа, информационное пространство, медиапотребление, коммуникация

Современное человечество все стремительнее входит в «цивилизацию досуга», «информационную эру», эпоху виртуальности. Привычное некогда восприятие пассивных форм досуга как вторичных (как минимум, в статусном плане), на сегодняшний день обнаруживает собственную несостоятельность. Общая переориентация на культуру потребления в значительной мере акцентирует внимание и на практиках *информационного потребления*, превращая население в аудиторию, субъектов в пользователей, а мир, по мысли канадского культуролога М. Маклюэна, в «глобальную информационную де-

ревню». Сама по себе ускоряющаяся динамика культуры, постоянство ее обновления и общая ориентация на инновации, требуют от человека и постоянства нахождения в режиме оперативного реагирования, информированности и осведомленности. А потому возрастает и роль масс-медиа, их символическое и прагматическое значение в сознании потребителя (см. табл. 1).

Таблица 1

Место СМИ в структуре досуговых предпочтений населения*

Вариант ответа	%
- почти все свое свободное время посвящаю знакомству с содержанием СМИ	30,1
- достаточно регулярно обращаюсь к СМИ	27,5
- слежу лишь за важными событиями, предпочитаю не тратить много времени на потребление медиа-информации	21,5
- практически не обращаюсь к СМИ, лишь эпизодически или случайно оказываюсь зрителем/читателем/слушателем	12,8
- СМИ меня абсолютно не привлекают, старюсь избегать контактов с ними	2,7
- затрудняюсь ответить	5,2

Как можно заметить из результатов опроса, число эпизодических и случайных контактов населения с масс-медиа (12,8 %), а тем более режим их сознательного игнорирования (2,7 %) относятся к весьма непопулярным практикам проведения свободного времени. Кроме того, рамки ответа были ограничены лишь категорией *свободного* времени, однако, на сегодняшний день средства массовой информации активно внедряются и в рабочее время (что наиболее характерно для интернет-коммуникаций), сопровождают в фоновом режиме и непреложные временные затраты населения (например, прослушивание радио в момент передвижения в транспорте). Фиксация ответов на вопрос о типичных формах досуга совпадает и с представлениями населения о роли масс-медиа в их жизни. Обращаясь к распределению данных относительно оценки масс-медиа, мы видим, что для большинства опрошенного населения, характерно восприятие СМИ как необходимого атрибута повседневности (см. табл. 2).

Таблица 2

Общая оценка СМИ населением

Вариант ответа	%
- СМИ являются важной частью моего свободного времени, помогают в значительной мере разнообразить мою жизнь и улучшить настроение	22,4
- СМИ - обычный элемент повседневной жизни, просто привычный способ проведения досуга	42,5
- СМИ для меня, прежде всего, источник информационно-интеллектуального развития	20,8
- СМИ - вредная привычка, «пожиратель» времени, от которого не хватает сил отказаться	6,6
- затрудняюсь ответить	7,7

Особенности современного этапа развития масс-медиа позволяют говорить о феномене **ритуализации медиа-контактов** (и даже – бытовизации), включении их в повседневно-

* Здесь и далее в таблицах приведены ответы населения в процентном соотношении, без учета варианта «нет ответа» и «другое». При отсутствии в графе ответов итоговой суммы 100 %, предполагалась ситуация выбора нескольких вариантов ответов.

привычные элементы жизненного уклада любой семьи (42,5 %), что во многом снижает событийность их восприятия аудиторией, однако способствует наделению личностно-значимыми характеристиками (ценностью уже хотя бы в силу постоянства присутствия в жизни человека).

В целом, несмотря на индивидуальность личностных выборов при обращении к массовой информации, мы можем говорить о наличии общераспространенных мотивационных стратегий информационного потребления. Удовлетворение мотива получения информации тесно взаимосвязано с функциональным предназначением СМИ. В социологии массовых коммуникаций исследовалось многообразие сочетания функций масс-медиа: информационная, познавательная, коммуникативная (Г. Лассуелл); развлекательная (Дж. и М. Райты, Н. Постман); функции отвлечения внимания, замещения, личностной идентификации, социального надзора (Д. Маккуэл, Дж. Бромлер, Дж. Браун) и многие другие. Обобщая накопленный опыт исследований, обозначим ключевые мотивы обращения к информации, акцентирующие внимание на личностно-значимых диспозициях потребителя (индивидуально-функциональный срез):

- *информационно-познавательные мотивы* (когнитивный тип потребителя) – потребность получения информации для ориентировки в мире;
- *развлекательные мотивы* (гедонистический тип потребителя) – потребность в эмоциональной разрядке и отдыхе, получении позитивных эмоций;
- *компенсаторные мотивы* (релаксирующий тип потребителя, эскапизм как ключевая стратегия обращения) – стремление уйти от повседневности, насущных жизненных забот и проблем;
- *коммуникативные мотивы* (тип дискуссионного потребителя) – потребность в контактах с другими людьми, активное обсуждение увиденного и услышанного;
- *мотивы социальной идентификации* (тип референтного потребителя) – потребность видеть в СМИ свои референтные группы, ощущать сопричастность со своей культурой и социальными структурами;
- *утилитарные мотивы* (тип прагматического потребителя) – удовлетворение практических, бытовых потребностей человека;
- *мотивы самопознания* (тип рефлексивного потребителя) – потребность человека раскрыть себя, утвердиться в собственных взглядах на мир, найти подтверждение принятым ценностям.

Безусловно, в практике реальной жизни выявление единственного мотива представляется весьма затруднительным (допускается ситуация поли-мотивации обращения, отсутствия четко выраженного и осознанного запроса). В целом, мы можем говорить лишь о доминирующих мотивационных ориентациях аудитории.

Обратимся к результатам ответов на вопрос о ключевых мотивах обращения к массовой информации, со стороны населения Челябинска (см. табл. 3).

Таблица 3

Мотивация обращения к СМИ

Вариант ответа	%
- потребность расширять свой общекультурный кругозор, ощущать себя информированным и осведомленным в событиях мира, страны, города	54,2
- потребность в самообразовании, познании окружающей действительности, просвещение	34,7
- потребность переживать новые ощущения и эмоции, радоваться и сопереживать происходящим событиям	22,3
- потребность хотя бы таким образом уходить от обыденности, забывать о проблемах и трудностях	22,3

- потребность развлекаться, получать удовольствие, не загружать себя	15,2
- потребность обсуждать с друзьями и коллегами новую информацию, делиться впечатлениями	17,4
- затрудняюсь ответить	7,4

Лидирующие значения – восприятие СМИ как информатора происходящих событий (54,2 %), а также ориентация на самопознание и саморазвитие (34,7 %) при сознательном дистанцировании от развлекательно-гедонистических мотивов потребления (15,2 %). Такая ситуация может свидетельствовать о значимости актуальной осведомленности и информированности потребителя в изменчивой и постоянно обновляющейся культуре (о чем уже говорилось ранее при анализе роли масс-медиа в современной информационной цивилизации). Однако полученные ответы могут объясняться и психологическими механизмами самопрезентации отвечающего, а потому здесь необходимо внести и некоторые замечания, корректирующие полученные ответы. В социологии анализируются три элемента устойчивой структуры респондента: когнитивный (уровень мышления), аффективный (эмоциональный уровень) и поведенческий (уровень действия). Практически во всех исследованиях наблюдается высокая корреляция между когнитивным и аффективным компонентом при отсутствии устойчивой связи с поведением человека, реально осуществляемыми поступками. Подобная ситуация вполне объяснима: спрашивая респондента о его чувствах и эмоциях, мы имеем дело с тем, что он о них *думает*. При этом, человек, как правило, не осознает истинных катализаторов собственного поведения, оставляя за пределами ответов реально наличествующие мотивы осуществляемых поступков и действенных выборов. В данном случае, лидирующее значение когнитивно-рефлексивных мотивов обращения к масс-медиа (потребность в расширении кругозора, самообразование и самопознание) вполне может объясняться *желаемыми*, а не *реально наличествующими* информационными мотивами респондентов. Здесь может проявляться своеобразная «иллюзия контроля» (тенденция людей верить, что они могут контролировать или, по крайней мере, влиять на результаты событий, на которые они, на самом деле, влиять не могут) или вступать в действие, так называемый «парадокс Ла Пьера» (несоответствие или значительное расхождение реальных действий человека и провозглашаемых им установок, ценностей и намерений). Другими словами, руководствуясь мотивом самосовершенствования и познания окружающей действительности как идеалом, человек может оправдывать собственную ориентацию на развлекательно-гедонистическую информацию реального медиа-потребления. К результатам данного распределения мы вернемся при осмыслении наиболее предпочтительной тематики программ и материалов СМИ.

Ключевые ориентации обращения к СМИ могут определяться различными факторами: как внутренне-содержательного (связанного с самой информацией), так и внешне-дополнительного (связанного с подачей информации, способами ее продвижения и позиционирования) характера. Обратимся к ключевым факторам информационного выбора различных половозрастных групп населения Челябинска (см. табл. 4, 5).

Таблица 4

Ключевые факторы выбора различных возрастных групп при обращении к СМИ

Вариант ответа	Возрастные группы						
	18-19	20-29	30-39	40-49	50-59	60-69	70 и старше
- привлекает содержание, тематика	87,5	69,8	72,8	60,5	84,2	85,4	84,9
- привлекает название передач, броские заголовки газет, визуальный облик сайтов	37,5	38,1	18,4	29,8	22,3	40,3	20,7

- привлекают имена журналистов, обозревателей	20,8	20,6	13	15,3	3,9	14,5	15
- привлекают имена звезд, политиков, героев медиа-сообщений	12,5	8,7	11,9	5,7	6,5	1,6	5,6
- привлекает цена, оптимальное время трансляции	4,1	3,1	9,7	4,8	6,5	1,6	3,7
- привлекает авторитет СМИ, его престиж и респектабельность	8,3	12,7	10,8	14,4	9,2	4,8	16,9
- решение принимается спонтанно, без определенных причин	8,3	4,7	5,4	14,4	5,2	3,2	7,5

Таблица 5

Ключевые факторы выбора у мужчин и женщин

Вариант ответа	Пол	
	Муж.	Жен.
- привлекает содержание, тематика	73,4	29,6
- привлекает название передач, броские заголовки газет, визуальный облик сайтов	29	13,1
- привлекают имена журналистов, обозревателей	16,6	8
- привлекают имена звезд, политиков, героев медиа-сообщений	6,6	3
- привлекает цена, оптимальное время трансляции	7,4	9
- привлекает авторитет СМИ, его престиж и респектабельность	14,5	8,4
- решение принимается спонтанно, без определенных причин	5,3	1,6

Итак, как можно заметить, ключевые факторы выбора связаны с содержанием и тематикой медиа-информации. Лидирующее значение данной позиции у различных половозрастных групп свидетельствует о многообразии предложений медийной информации, позволяющей любому сегменту населения удовлетворить актуальную зону интереса. При анализе процентного распределения ответов, становится заметным отсутствие внимания к персоналиям журналистов и обозревателей, игнорирование авторитета, престижа и респектабельности конкретных СМИ. Такая ситуация, на наш взгляд, свидетельствует об определенной *обезличенности информации, кризисе авторского начала* в ее преподнесении (низкие позиции ответа – «привлекают имена журналистов, обозревателей»), а также *разрушению имиджевых характеристик коммуникатора* (авторитет конкретных изданий, телеканалов, радиостанций), и, как следствие, сокращении целевых аудиторий СМИ. Обратимся к распределению результатов ответов, фиксирующих частоту контактов и особенности восприятия *конкретных* видов масс-медиа населением Челябинска (см. табл. 6)

Таблица 6

Частота контактов потребителей с телевидением

Вариант ответа	%
- ежедневно, выборочную информацию	57,9
- несколько раз в неделю, только наиболее интересное	16
- ежедневно все подряд	13,5
- не чаще двух-трех раз в неделю	3
- реже чем раз в неделю	3
- не могу сказать точно	6,6

Безусловное лидерство телевидения (вызванное общей переориентацией на пассивные формы досуга, увеличением числа незанятых или частично занятых людей, обеспечи-

вающих аудиторию телевидения, объективным повышением качества и разнообразия программ) в числе иных СМИ не нуждается в обосновании. Телевидение как особое средство коммуникации обладает рядом специфических свойств и черт, обеспечивающих внимание потребителей: визуальность и событийность подачи информации, объем информационного контента, доступность, экономическая приемлемость, оперативность в освещении событий, возрастающая интерактивность и многое другое. Все это гарантирует непосредственный интерес потребителей, подтверждением чему могут выступать результаты мониторинговых медиаметрических замеров ведущих социологических служб России.

Популярность телевизионного формата укладывается в общую схему визуализации культуры (по сути, экспансию визуальных форм и жанров), создающую новый режим восприятия информации: до-рефлексивное, мгновенное считывание визуального образа сознанием. При восприятии телевизионного изображения, считал Г. Маркузе, психика работает в режиме импульсивного реагирования (на до-сознательном уровне). И хотя, по мнению М. Маклюэна, именно книжная культура представляла собой «цивилизацию глаза» (в то время как сегодняшняя аудиовизуальная восстановила сенсорный баланс), господство телевидения, по мнению большинства исследователей, противоречит линейно-последовательной стадии книжного обучения. Американский исследователь Н. Постман, осмысляя так называемый феномен «исчезновения детства», подчеркивает, что для того, чтобы освоить визуальную (телевизионную) культуру во всей ее полноте, по сути, не требуется стадии обучения (перед ее лицом и семи и семидесятилетний человек практически равны, в ней нет понятия грамотности, так как отсутствует алфавит). И в норму входит – полувзрослый человек: взрослый, который реагирует на примитивную информацию; и ребенок, который знает того, что не должен был знать.

На третьей позиции ответов в опросе челябинской аудитории оказывается характеристика: «смотрю ежедневно все подряд» (13,5 %) отражающая особый способ контакта, построенный уже не на *содержательном интересе к информации*, сколько на *интуитивной потребности контакта с ней*. Актуализирующийся в современном телепотреблении способ взаимодействия с информацией, получивший название зэппинг (безостановочное переключение каналов телевидения), определяет и особую форму клипового сознания потребителя – или «блип-культуру» (Э. Тоффлер). Такой способ контакта с информацией, с одной стороны, предопределяет мозаичность ее прочтения (и последующего осмысления) и количественную «передозировку» по типу «белого шума» (когда количество полученной информации превосходит порог ее восприятия и осмысления), с другой, по мысли Н. Постмана, дробный язык медиа-сообщений становится особой «метафорой разрыва», образно обозначенной им во фразе: «А теперь о другом». Посредством этой фразы, по мнению исследователя, в сознании потребителя утверждается мысль о том, что мир, нарисованный телевидением, не имеет порядка и смысла, а, соответственно, и не может рассматриваться всерьез.

Вторая строчка лидерства в предпочтении челябинцев отводится интернет-коммуникациям (см. табл. 7).

Таблица 7

Частота контактов потребителей с Интернет

Вариант ответа	%
- ежедневно, выборочную информацию	20,2
- несколько раз в неделю, только наиболее интересное	7
- ежедневно все подряд	8,1
- не чаще двух-трех раз в неделю	5,2
- реже чем раз в неделю	6,8
- не могу сказать точно	52,7

Информационно-компьютерные технологии становятся определяющим фактором формирования культуры XXI века – сетевой культуры или «общества сетевых структур» (М. Кастельс). В такой ситуации, ключевой характеристикой пользователя оказывается его информационная дееспособность («продвинутость»), порождающая новый тип неравенства – информационного (и, как следствие, формирование класса «новых бедных» – выпадающих из пространства актуальной информационной культуры). Вот как оценивают собственную информационную дееспособность челябинцы (см. табл. 8).

Таблица 8

Представление населения об отнесении себя
к различным группам интернет-пользователей

Вариант ответа	%
- к группе активных и «продвинутых» пользователей – постоянно обращающихся к интернет-источникам, умеющим обеспечить грамотный поиск информации	14,1
- к группе пользователей, обращающихся к интернет-источникам лишь по профессиональной необходимости, но свободно ориентирующимся в сети	17,8
- к группе пользователей, обращающихся к интернет-источникам эпизодически, нуждающимся в дополнительных консультациях по использованию интернет-ресурсов	13,3
- к пользователям, нуждающимся в интернет-информации, но не освоившим информационно-компьютерные технологии	9,6
- я не нуждаюсь в информации, размещенной в сети, и не отношусь к интернет-пользователям	32,3
- затрудняюсь ответить	12,9

В результате складывается весьма парадоксальная ситуация: несмотря на общую популярность интернет-коммуникации (вторая позиция после телевидения), большинство респондентов (32,3 %) не относят себя к группе интернет-пользователей. Здесь можно обратиться к выводам российского культуролога и социолога Д. В. Иванова о том, что внедрение в жизнь людей информационных технологий, скорее, удаляет нас от информационного общества: ибо информации много, а знаний (с которыми и отождествляли информационное общество теоретики постиндустриализма) нет [3]. В результате оказывается, что более информированный человек это не тот, кто больше знает, а тот, кто участвует в большем числе коммуникаций. Если проанализировать характер обращения челябинцев к интернет-ресурсам, то становится заметным доминирование коммуникативного мотива (24,7 %), связанного с общением в социальных сетях, а также справочно-информационный характер интернет-запросов пользователей (20 %), проявившийся в популярности обращения к поисковым системам (см. табл. 9).

Таблица 9

Обращение населения к наиболее популярным и востребованным Интернет-источникам

Вариант ответа	%
- обращаюсь в основном к поисковым системам за информацией (google, yandex, rambler)	20
- обращаюсь к почтовым сервисам (mail.ru)	8,5
- общаюсь в социальных сетях (vkontakte.ru, odnoklassniki.ru)	24,7
- в основном ищу информацию на видеохостингах (YouTube) – кино, музыка	8,7
- размещаю информацию в Живом Журнале, веду блог	3,3
- просматриваю новости на информационных лентах (gazeta.ru, Lenia.ru)	2
- обращаюсь к тематическим сайтам, по той информации, которая меня привлекает	1,4
- не обращаюсь к Интернет-источникам	42

Таким образом, несмотря на значительную компьютеризацию и информатизацию современного социума, можно говорить о том, что активное интернет-сообщество в России в целом (и, тем более, в регионах) находится в стадии формирования, составляя относительно небольшую часть постоянной аудитории.

Третья позиция в рейтинге предпочтений челябинской аудитории отводится печатной продукции (см. табл. 10).

Таблица 10

Частота контактов потребителей с прессой

Вариант ответа	%
- ежедневно, выборочную информацию	11,5
- несколько раз в неделю, только наиболее интересное	17,8
- ежедневно все подряд	4,6
- не чаще двух-трех раз в неделю	15,8
- реже чем раз в неделю	25,2
- не могу сказать точно	25,1

Популярность печатных средств массовой информации во многом predetermined сформировавшейся в России особой традицией восприятия прессы, характерной для некогда «великой читающей нации». Закрепленные в названиях изданий категории безусловной правдивости и аргументированности содержания («Правда», «Комсомольская правда», «Аргументы и Факты») подкреплялись, характерным для большинства потребителей, доверием к материализации слова («Что написано пером, не вырубишь топором», «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать»). Несмотря на идеологические метаморфозы постсоветской действительности, пресса сохранила значительные позиции влияния на массовое сознание, не утратив былой авторитет правдивости (речь в данном случае не идет о «желтой прессе», а распространяется лишь на уважаемые качественные печатные издания). Пресса, как средство передачи информации, обладает рядом значимых характеристик воздействия на потребителя: не выступает фоном, а, следовательно, обеспечивает целенаправленность и сосредоточенность восприятия; воздействие ее подкрепляется длительностью контакта, возможностью повторного обращения; сам характер документального оформления события убеждает в большей мере, чем ускользающая эфемерность однажды произнесенного слова. Именно пресса, становясь запечатленной «историей одного дня», оставляет «след в истории».

Снижение интереса к прессе, как нам представляется, связано с тем, что некогда устойчивая основа контактов с печатной продукцией «пошатнулась» в связи с распадом общераспространенной системы подписки. Нарушилась регулярность и персонально-ориентированная подача информации, все более принимающая сейчас случайный (от случая к случаю) характер. Особенно наглядно об этом свидетельствует полярность ответов, характеризующих контакты населения с журнальной продукцией (см. табл. 11), где одна из ключевых позиций отводится графе: «не читаю журналы вообще» (20,6 %).

Таблица 11

Наиболее предпочтительные типы журналов

Вариант ответа	%
- общественно-политические журналы («Эксперт», «Коммерсантъ-Власть», «Итоги»)	21,1
- литературно-художественные журналы («Новый мир», «Звезда»)	6,1
- познавательно-аналитические («Русский Newsweek», «Русский репортер»);	12
- финансово-экономические («Forbes», «Финанс»)	11,7

- глянцевого, развлекательные журналы («Максим», «STAR-hit», «Космополите»)	13
- посвященные проблемам хозяйства, недвижимости («Идеи дома», «Крестьянка»)	9,6
- технические-ориентированные - авто, компьютеры («АвтоМир», «Мобильный портал»)	7,2
- детские журналы, журналы о здоровье	8,5
-затрудняюсь ответить	1,1
- не читаю журналы вообще	20,6

Характер предпочтений журнальной продукции позволяет зафиксировать ряд тенденций: сохраняющийся интерес к общественно-политической проблематике (21.1 %), обогнавшее лидерство глянцево-развлекательной печатной продукции (13 %), популяризация нового формата познавательно-аналитических (12 %) и финансово-экономических (11,7 %) изданий. Литературно-художественные журналы, выступающие долгое время барометром эпохи, постепенно обратились в узкоспециализированный локус интереса отдельных (наиболее просвещенных) групп читателей (6,1 %).

Тем не менее, печатная продукция в целом, как нам представляется, все же, сохраняет символический потенциал популярности и востребованности определенных групп аудитории, продолжает восприниматься в качестве необходимого атрибута образованного человека, посвящающего свободное и рабочее время знакомству с аналитико-информационными изданиями.

На последних позициях по частоте контакта челябинцев со СМИ оказывается радио (см. табл. 12).

Таблица 12

Частота контактов потребителей с радио

Вариант ответа	%
- ежедневно, выборочную информацию	9,6
- несколько раз в неделю, только наиболее интересное	13,9
- ежедневно все подряд	9,2
- не чаще двух-трех раз в неделю	15
- реже чем раз в неделю	16,9
- не могу сказать точно	35,4

Исследователи неоднократно отмечают особый «антистрессовый» характер восприятия радио-информации в сравнении с иными видами СМИ (активно подкрепляемый слоганами ведущих FM-радиостанций: «Все будет хорошо», «Радио хорошего настроения» и др.). Вместе с тем такая характеристика радио в некотором смысле лишает его свойства активного раздражителя – большинство потребителей почти не способны осуществлять рефлексию относительно услышанной радио-информации – именно этим могут объясняться и лидирующие позиции ответа: «не могу сказать точно» (35,4 %) в характеристике частоты обращения к радио. Способность радио-коммуникации быть органически сопутствующей иным видам деятельности, действовать в фоновом режиме, как бы уже генетически заложенной в сознании «вторичностью» реагирования по сравнению с иными – визуально-предпочтительными масс-медиа, можем мы объяснить низкую популярность ответов, ведь объективный показатель роста числа радиостанций в России свидетельствует о том, что в конкурентной борьбе за рынок массовой информации радио, все же, вряд ли относится к числу аутсайдеров.

Вместе с тем, органичная совместимость восприятия радио-информации наряду с иными видами деятельности, может рассматриваться и с позитивных позиций – как особая характеристика, индивидуализирующая радио-коммуникацию в отличие от иных каналов передачи информации, открывающая возможность *постоянства присутствия*

данного средства коммуникации как в досуговом, так и в рабочем времени потребителя. Кроме того, аудитория радиостанций, пожалуй, наиболее четко сегментирована, соединена с понятием «форматности», а потому недостаточно высокий процент предпочтений и частоты контактов с радиостанциями (по сравнению с телевидением, прессой) может объясняться отсутствием ориентации на горизонтальный принцип подачи информации («все для всех») и обособлять, таким образом, количество преданных слушателей.

Если обратиться к рейтингу предпочтений радиостанций по категории «слушаю регулярно», можно выделить лидирующий процент выборов радиостанций, относящихся к мейнстрим-формату (основу которого составляют музыкальные композиции, рассчитанные на популярность у большинства слушателей, ориентированные на актуальный «культурный поток», «раскрученный» состав исполнителей): Радио Петро FM (19 %), Русское Радио (17,6 %), Радио Европа Плюс (15 %). Радио Юмор FM (13,3 %), Радио Шансон (10,2 %).

Представленный ранее анализ популярности различных СМИ свидетельствует о доминирующем интересе потребителей к телевизионной продукции. А потому в вопросе тематических предпочтений челябинцев, мы будем опираться на распределение интересов в области именно телевизионных программ (см. табл. 13).

Таблица 13

Наиболее предпочтительная тематика телепередач

Вариант ответа	%
- информационно-новостные программы	56,8
- аналитические телепередачи, авторская журналистика	17,8
- социально-публицистические, проблемные материалы	23,2
- криминальная хроника	31,2
- художественные фильмы	36,9
- документальные фильмы, познавательные программы	31,4
- сериалы (мелодраматические и детективные)	30,3
- игровые и развлекательные ток-шоу;	25,2
- музыкальные программы	23
- юмористические программы	35,6
- реалити-шоу	14,3
- спортивные	19,8
- религиозной тематики	2,6
- программы о ремонте, обустройстве домашнего хозяйства	10
- кулинарной тематики	10
- программы о моде, стиле	5,9
- затрудняюсь ответить	1,1
- стараюсь не смотреть телевидение	0,00

Итак, лидирующие позиции занимают информационно-новостные программы (56,8%), художественные (36,9%), документальные фильмы (31,4%) и сериалы (30,3%), а также криминальная хроника (31,2%). В целом, подобные жанры (за исключением, пожалуй, криминальной хроники) можно считать генетически-устойчивыми, формообразующими содержание любого телеканала во все времена. Популярность же криминальной тематики, ставшая опознавательным символом современного медиа-контента (изобилие сцен насилия, криминальные сюжеты художественных и документальных фильмов, ток-шоу судебного-юридического характера, популярность радио «Шансон») объясняется, на наш взгляд, отчасти общей криминализацией современной социальной инфраструктуры, отчасти психологической потребностью катарсического переживания, позволяющего теле-

зрителю давать безопасный выход своим агрессивным импульсам или акцентировать в сознании собственную безопасность на фоне «жесточкого мира».

При обращении к процентному распределению ответов становится заметной и тенденция приоритета развлекательных, игровых (25,2 %) и юмористических (35,6 %) программ. Напомним, однако, что при выборе мотивов обращения к медиа-информации, развлекательно-гедонистическую мотивацию признавали в качестве ведущей лишь меньшинство респондентов.

Доминирующий характер развлекательно-юмористической тематики, представавшей ранее в роли «гротесчного реализма» (М. Бахтин), ныне – оказывается общим фоном современной культуры. Отнюдь не оптимистический заголовок книги Н. Постмана «Развлекая себя до смерти» или пророческое высказывание Ж. Липовецки о том, что «юмор стал судьбой» четко обозначают ориентиры развития современных масс-медиа (и общества в целом, отражением или конструирующей силой которого они и выступают). Здесь мы можем опереться на концепцию М. де Флюэра, видевшего в масс-медиа средство поддержания системной стабильности за счет оптимистически-развлекательной медийной «отдушины». Исследования отношений между содержанием продукции масс-медиа и вкусами аудитории, позволило де Флюэру вывести общий закон обеспечения стабильности социальной системы (по сути, зависимости ее от развития информационной): СМИ дают ту информацию, которая потенциально принимаема, ожидаема и востребована большинством аудитории; и, хотя такой баланс и противоречит нормам высокого вкуса, он обеспечивает относительное согласие в обществе.

Острота восприятия современной, ориентированной на успешность действительности, рождает и психологическую потребность в азарте, популяризируя тематику игры (неслучайно, ассоциативно «успех» и «успешность» отождествляются с понятиями: «победа», «победитель», «выигравший»). Эта потребность постоянно подкрепляется в современной телекультуре мощными потоками игровых ток-шоу, реалити-шоу и, в целом, игроизацией медийной сферы. Бауман, анализируя шоу «Большой брат» и «Слабое звено», доказывал, что философия современных телевизионных игр есть философия нового дня: игры на выживание, в основе которых вытеснение других, вместо того, чтобы быть вытесненным – вот главный принцип современных концепций успеха, разделяемых и принимаемых телеаудиторией [1].

Несмотря на общее доминирование развлекательной тематики, идеологически-пропагандистский эффект медиа-сообщений не утратил свою актуальность. Классик теории массовой коммуникации Г. Лассуэлл определял пропаганду как «умышленно манипулируемую коммуникацию», основная задача которой – эффективно навязать необходимую систему взглядов на то или иное явление. Одна из наиболее авторитетных концепций «журналистского поля» и «журналистских очков», предложенная П. Бурдые, раскрывает особенности современного медиапотребления: индивидуальные (журналисты, редакторы, режиссеры) и институциональные (редакции, издательства, телеканалы) агенты имеют особые очки, благодаря которым позволяют каждому из нас видеть одно и не замечать другого [2. С. 56]. Это не просто передача информации, но уже передача влияния. Современный человек, по выражению американского социолога Д. Рисмена – это «человек-локатор», испытывающий потребность в подсказках, которая прекрасно удовлетворяется СМИ. В этой связи тема коммуникативных эффектов давно преобразовалась в проблему коммуникативного воздействия на потребителя информации, войдя в статус одной из наиболее популярных тем современной теории и практики коммуникаций. Обратимся к результатам ответов аудитории о наиболее значимых и актуальных для нее характеристиках медиа-информации (см. табл. 14).

Таблица 14

Значимые характеристики информации

Вариант ответа	%
- объективность, достоверность, правдивость	47,7
- оперативность, быстрота реагирования на происходящие события	29,7
- конкретность, точность, полнота освещения событий	30,6
- компетентность, аргументированность, логичность	20
- актуальность, событийность, новизна	23,9
- доходчивость, доступность	21,9
- шокирующий характер информации, скандальность, провокационное	16
- эмоциональность преподнесения информации, личностный характер	9,2
- дискуссионность, проблемность, острота	7,2

Итак, в числе наиболее значимых оказываются: «объективность, достоверность, правдивость» (47,7 %), «конкретность, точность и полнота освещения событий» (30,6 %) – что свидетельствует о потребности в доверии к информации, получении адекватного отражения происходящих событий. Если же говорить о противоположных позициях (наименьший выбор), то становится очевидным, что несмотря на демократические преобразования и ориентиры политического плюрализма мнений, характеристики «дискуссионности, проблемности и остроты» не находят должной поддержки населения (7,2 %). Очевидно, в сознании потребителя сохраняется установка на одностороннюю и единую (единственно верную) трансляцию событий, при которой наличие дискуссионности вносит лишь элемент неопределенности.

Проанализируем насколько идеальный (ожидаемый аудиторией) запрос на достоверность информации соответствует, по мнению опрошенных, реальному функционированию современных СМИ (см. табл. 15).

Таблица 15

Отношение потребителей к достоверности информации

Вариант ответа	%
- информация, чаще всего, правдива, она достоверно отражает происходящие события	28
- правдива и достоверна почти вся информация, за редким исключением	39
- информации не следует доверять, в большинстве случаев - она ложная	26
- информация никогда не соответствует действительности, СМИ нельзя доверять	5
- затрудняюсь ответить	2

В целом, большинство челябинцев уверены в достоверности медийного отражения происходящих событий (28 %), или допускают наличие лишь некоторых искажений (39 %). Проследив корреляцию между степенью доверия к информации и уровнем образования, можно заметить, что наибольший процент выборов второй позиции ответов в таблице 15, характерен для респондентов, имеющих средне-специальное, неполное среднее и начальное (пенсионеры) образование. Таким образом, с развитием уровня образования, снижается процент доверия к транслируемой информации.

Рассуждения о достоверности и доверии к информации, чаще всего, основаны на представлениях о политической независимости журналистики. Именно поэтому, при конкретизации мнений челябинцев, мы акцентировали внимание на данной характеристике (см. табл. 16).

Таблица 16

Оценка политической независимости и объективности современных российских СМИ

Вариант ответа	%
- да, в большинстве своем, современные СМИ - независимы и объективны	23,9
- все зависит от СМИ – некоторые объективны и независимы, некоторые – нет	46,6
- в России почти не осталось независимой и свободной журналистики	19,3
- современные СМИ в большинстве своем продажны, зависимы и необъективны	9,3
- затрудняюсь ответить	0,9

Как можно увидеть из процентного распределения ответов, по мнению челябинцев, политическая независимость СМИ носит не столько абсолютный (23,9 %), сколько выборочно-ситуативный (46,6 %) характер.

Еще большее воздействие, на наш взгляд, может оказывать ценностная персонификация поля СМИ – особая форма одушевления ценности через значимых персон. Доминирующая долгое время в исследованиях концепция непосредственного одноступенчатого влияния информации на потребителя была оспорена американским социологом Полем Лазарсфельдом, зафиксировавшим возрастание информационного эффекта за счет лиц, получивших в его терминологии определение «лидеров мнений». Одноступенчатая модель коммуникации (СМИ – получатели) трансформировалась в двухступенчатую: (СМИ – лидеры мнений – получатели): на первом этапе главным становится передача информации, на втором в действие вступает уже передача влияния.

Проанализируем результаты опроса челябинцев, характеризующие степень доверия к субъектам, озвучивающим и интерпретирующим медиа-информацию (см. табл. 17).

Таблица 17

Представления о наиболее достоверных источниках информации, «лидерах мнений»

Вариант ответа	%
- журналисты центральных СМИ	45,7
- журналисты региональных СМИ	26,5
- журналисты зарубежных СМИ	13,3
- политики, государственные служащие	18
- представители бизнеса	5,9
- ученые, независимые эксперты	28
- представители сферы культуры и искусства, художественные критики	20
- религиозные деятели	5,2
- блоггеры, Интернет-обозреватели	3,5
- обычные люди, простые граждане	10,7
- сегодня никому нельзя доверять	4,6
- затрудняюсь ответить	0,1

В условиях огромного потока информации, получаемой из внешнего мира, человеческое сознание во избежание перегрузки вынуждено прибегать к «спасательному кругу» избирательного восприятия, селективного отбора обрушивающихся на него материалов. Благодаря участию лидеров мнений коммуникация осуществляется в логике превращения «незнакомое в знакомое» (С. Московичи) с использованием механизмов анкоринга и объективации [4. С. 70–71]. Суть первого процесса по С. Московичи заключается в своеобразном «заземлении», «заякоривании» незнакомых идей, сведении их к привычным категориям и образам, перемещении в контекст повседневного опыта; механизм объективации обеспечивает преобразование абстрактного знания в область конкретиза-

ции. Именно такая функция объяснения и интерпретации отводится аудиторией журналистам, преимущественно центральных СМИ (45,7 %).

Однако если лидерство данной позиции во многом обусловлено постоянством присутствия журналистов и обозревателей в поле масс-медиа, приоритетные позиции ученых и независимых экспертов (28 %) и представителей сферы культуры и искусства (20 %), скорее всего, связаны с символическим капиталом престижа самих сфер науки и искусства, ассоциирующихся в сознании аудитории с авторитетом знания и духовностью.

Парадоксальным можно признать то, что в век культа успеха и успешности как магистральной категории развития общества, на первый взгляд должно произойти срастание философии времени и олицетворяющего его образа представителей бизнес-элиты. Однако лишь 5,9 % опрошенных готовы доверять информации, идущей от представителей бизнес-структур.

Рынок региональных СМИ: проблемы и перспективы развития

Несмотря на структурную идентичность регионального информационного пространства общероссийскому, основные отличия связаны с содержательными его характеристиками: интенсивностью и полнотой развития информационной среды, наличием множества конкурирующих источников, тематической насыщенностью информации, реальной востребованностью и популярностью ее у населения. Кроме того, сам динамизм и событийность локального масштаба (регионального и общегородского), в значительной мере уступают интенсивности обновления и новостной насыщенности глобального информационного пространства, а потому традиционно вызывают меньший интерес и внимание аудитории (см. табл. 18).

Таблица 18

Привлекательность транслируемых в СМИ событий

Вариант ответа	%
- события, происходящие в мире	50,5
- события, происходящие в России	38,1
- региональные события	12,8
- события своего города	22,4
- равно интересны все события, независимо от масштаба	16,3
- равно не интересны все события	1,4
- затрудняюсь ответить	2

Средства массовой информации выступают для потребителя своеобразным «окном в мир», помогают преодолеть локальную замкнутость конкретного местоживания, выполняют информационно-коммуникативную функцию, соединяющую личность с пространством мировой (50,5 %) и общероссийской (38,1 %) актуальной культуры. Скорее всего, приоритет общегородских новостей (22,4 %) над тематикой региональной информации (12,8 %) объясняется с одной стороны, прагматически-утилитарной ориентацией аудитории (интерес к событиям, имеющим непосредственное отношение к жизни человека в конкретном пространстве), с другой – присутствующей в сознании жителей столицы Южного Урала стереотипной установкой на «вторичность» периферийной событийно-информационной среды.

Нами уже отмечалось ранее, что инфраструктура локального уровня масс-медиа на современном этапе характеризуется определенным подъемом и интенсивностью развития. Оценка насыщенности информационного рынка города определяется в соответствии с представлениями об удовлетворенности информационных потребностей горожан – в ка-

тегориях достаточной или недостаточной количественной представленности и полноты подачи информации (см. табл. 19,20).

Таблица 19

Оценка полноты и насыщенности информационного рынка
г. Челябинска: характеристика различных видов СМИ

Оценка полноты и насыщенности информационного рынка	Характеристика СМИ			
	Телевидение	Радио	Пресса	Интернет
- считаю, что имеющихся в нашем городе СМИ вполне достаточно, чтобы полностью удовлетворять информационные потребности горожан	61,1	30,1	31	19,5
- имеющихся СМИ вполне достаточно количественно, но качество их работы нуждается в значительных изменениях	15,4	24,7	19,5	9,6,
- нашему городу не хватает новых, «свежих» и интересных СМИ	5,2	12,8,	11,9	4,4
- количество СМИ нужно сократить	2,4	3,5	14,8	6,6
- не могу оценить	15,8	29	21,9	59,4

Таблица 20

Характеристика наличия имеющейся информации о событиях жизни города и региона

Вариант ответа	%
- информации слишком много, можно даже несколько ограничить ее количество	15,9
- информации вполне достаточно, я получаю все необходимые сведения о событиях	39,7
- информации много, но подается она бессистемно и не отражает реальных событий жизни	17,6
- мне не хватает информации о событиях города, хотелось бы получать больше	10,7
- информации о жизни города мало, но я не считаю необходимым увеличивать ее объем	5,7
- я не слежу за информацией» а потому не могу ее оценивать	4,4
- затрудняюсь ответить	6

Процентное распределение ответов позволяет говорить, в целом, об удовлетворенности информационных потребностей аудитории, получении горожанами необходимых сведений о событиях Челябинска и области (39,7 %). Однако, и в случае оценки различных городских СМИ, и в общих представлениях о насыщенности и полноте транслируемой информации, вторая позиция ответов связана с негативными характеристиками: указанием на качественное несовершенство работы местных СМИ, бессистемностью подачи информации, не отражающей реальных событий жизни города (17,6 %). Обращает на себя внимание и, уже фиксируемая нами ранее, тенденция невыраженного отношения аудитории к Интернет-источникам: так 59,4 % опрошенного населения не могут оценить данное информационное поле.

Сосредоточим внимание на *качественных* параметрах оценки челябинских СМИ аудиторией. Ключевая характеристика действенного выбора той или иной информации связана с понятием «интерес», выступающим побудителем обращения к любому объекту. По сути, аудитория рассматривается как совокупность людей, возникающая на основе общности их информационных интересов и потребностей. При этом во взаимодействии потребителя информации и источника информирования, важна ситуация **устойчивости** интереса, закрепления аудитории за СМИ, а тем более, ее увеличение за счет возрастания интереса к информации у различных групп населения (см. табл. 21).

Таблица 21

Устойчивость интереса к челябинским СМИ за последний год

№	Вариант ответа	%
1	не изменился	40,8
2	немного вырос	19,3
3	интерес значительно вырос	7,8
4	несколько уменьшился	3,5
5	интерес значительно уменьшился	1,1
6	не могу точно определить	27,5

Такая ситуация могла бы характеризоваться нами как положительная динамика стабилизации информационного рынка города Челябинска. Однако несколькостораживает факт отсутствия четко выраженного представления аудитории о причинах возрастания интереса к челябинским СМИ (см. табл. 22).

Таблица 22

Причины возрастания интереса к челябинским СМИ

№	Вариант ответа	%
1	появились интересные для меня передачи	9.2
2	вырос интерес к событиям, происходящим к области	9
3	СМИ стали более смелыми, независимыми, обрели свое «лицо»	7
4	улучшилось качество программ, они стали более профессиональными	5
5	в челябинских СМИ появились новые интересные люди	1.3
6	затрудняюсь ответить	68.5

Как можно заметить, абсолютное большинство опрошенных (68,5 %) не могут конкретизировать собственную позицию, и, более того, практически не отмечают положительных тенденций развития челябинских СМИ: их смелости и независимости, профессионализации журналистского состава, разнообразия и качества информационных материалов.

При этом большую определенность и обоснованность суждений респонденты обнаруживают как раз в фиксации проблемных зон и направлений совершенствования информационного рынка Челябинска (см. табл. 23).

Таблица 23

Направления совершенствования работы челябинских СМИ: оценка населения

Вариант ответа	%
выбираемая проблематика информации должна быть более актуальной и злободневной	15,8
должно быть большее разнообразие направлений и тем, освещаемых в СМИ	16
в совершенствовании нуждается профессионализм журналистов местных СМИ	17,4
информация должна подаваться более эмоционально, рождать отклик аудитории	13
прежде всего, следует совершенствовать технические характеристики СМИ	8,9
челябинские СМИ должны стать более свободными и независимыми	7,6
не нуждаются в совершенствовании	3,7
затрудняюсь ответить	18,9

Таким образом, к числу наиболее злободневных проблем, согласно результатам опроса, можно отнести следующее: недостаточный профессионализм журналистов местных СМИ (17,4 %), отсутствие разнообразия тематики освещаемых событий (16 %), недостаточная актуальность и сниженная «проблемность» информационной составляющей

местных изданий и телеканалов (15,8 %). Именно эти направления совершенствования работы СМИ и могут рассматриваться в качестве нереализованного потенциала развития и перспектив совершенствования информационного рынка Челябинска.

Итак, обобщая все вышесказанное, подчеркнем, что сила слова, фиксируемого СМИ, и по широте охвата и по длительности воздействия давно уже превосходит любые формы распространения информации. При этом равнодоступность транслируемых потоков, каждодневное нахождение индивидуального сознания в поле общественного мнения формирует интеграционную основу сплочения, в значительной мере определяя содержание и структуру идентичности, формируя собирательный образ «мы».

Список литературы

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество [Текст] / З. Бауман ; пер. с англ., под ред. и предисл. В. Л. Иноземцева. – М. : Логос, 2002. – 324 с.
2. Бурдые, П. О телевидении и журналистике [Текст] / П. Бурдые ; пер. с фр. Т. В. Анисимовой и Ю. В. Марковой ; отв. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Ин-т экспериментальной социологии, 2002. – 160 с.
3. Иванов, Д. В. Феномен компьютеризации как социологическая проблема [Текст] / Д. В. Иванов // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2000.
4. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса [Текст] / М. Л. Макаров. – М. : ИТДК «Гнозис», 2003. – 128 с.

Примечания

¹ Руководители исследования: доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории массовых коммуникации ЧелГУ – М. В. Загидуллина; доктор культурологии, доцент, заведующая кафедрой культурологии и социологии ЧГАКИ – Л. Б. Зубанова.

УДК 32.019.52

Андрей Геннадьевич Лавров

Челябинская государственная академия культуры и искусства

**ПРЕДВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ В СМИ:
АНАЛИЗ СОБЫТИЙ И ИНФОРМАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ
(по материалам выборов депутатов Законодательного собрания
Челябинской области 10 октября 2010 года)**

Средства массовой информации обладают большими возможностями активного влияния не только на восприятие гражданами отдельных политических явлений и событий, но и на их отношения к политике в целом. Одним из основных элементов успешной деятельности государственных органов, политических партий, предпринимательских и других организаций выступает разработка развернутой программы налаживания эффективных связей со средствами информации. Возможности грамотной корректировки и необходимого позиционирования имиджа кандидатов, отслеживание информационной событийности, анализ стратегии конкурентов – все это необходимые

местных изданий и телеканалов (15,8 %). Именно эти направления совершенствования работы СМИ и могут рассматриваться в качестве нереализованного потенциала развития и перспектив совершенствования информационного рынка Челябинска.

Итак, обобщая все вышесказанное, подчеркнем, что сила слова, фиксируемого СМИ, и по широте охвата и по длительности воздействия давно уже превосходит любые формы распространения информации. При этом равнодоступность транслируемых потоков, каждодневное нахождение индивидуального сознания в поле общественного мнения формирует интеграционную основу сплочения, в значительной мере определяя содержание и структуру идентичности, формируя собирательный образ «мы».

Список литературы

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество [Текст] / З. Бауман ; пер. с англ., под ред. и предисл. В. Л. Иноземцева. – М. : Логос, 2002. – 324 с.
2. Бурдые, П. О телевидении и журналистике [Текст] / П. Бурдые ; пер. с фр. Т. В. Анисимовой и Ю. В. Марковой ; отв. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Ин-т экспериментальной социологии, 2002. – 160 с.
3. Иванов, Д. В. Феномен компьютеризации как социологическая проблема [Текст] / Д. В. Иванов // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2000.
4. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса [Текст] / М. Л. Макаров. – М. : ИТДК «Гнозис», 2003. – 128 с.

Примечания

¹ Руководители исследования: доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории массовых коммуникации ЧелГУ – М. В. Загидуллина; доктор культурологии, доцент, заведующая кафедрой культурологии и социологии ЧГАКИ – Л. Б. Зубанова.

УДК 32.019.52

Андрей Геннадьевич Лавров

Челябинская государственная академия культуры и искусства

**ПРЕДВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ В СМИ:
АНАЛИЗ СОБЫТИЙ И ИНФОРМАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ
(по материалам выборов депутатов Законодательного собрания
Челябинской области 10 октября 2010 года)**

Средства массовой информации обладают большими возможностями активного влияния не только на восприятие гражданами отдельных политических явлений и событий, но и на их отношения к политике в целом. Одним из основных элементов успешной деятельности государственных органов, политических партий, предпринимательских и других организаций выступает разработка развернутой программы налаживания эффективных связей со средствами информации. Возможности грамотной корректировки и необходимого позиционирования имиджа кандидатов, отслеживание информационной событийности, анализ стратегии конкурентов – все это необходимые

звенья PR-деятельности. Одно из важных условий такой работы – ее целенаправленный и системный характер, чему в полной мере соответствуют технологии медиапланирования. Медиапланирование – это управленческая деятельность в области средств массовой коммуникации, направленная на своевременную и точную доставку информации определенным социальным группам и минимальное распространение этой информации среди других социальных групп, которым эта информация не предназначена. В данной работе будет представлен анализ информационной кампании в СМИ – по материалам выборов депутатов Законодательного собрания Челябинской области 10 октября 2010 года.

Ключевые слова: мониторинг, информационное пространство, электорат, выборы, информационная активность.

Предвыборная кампания – это скоординированные, целенаправленные, и осуществляемые в течение определенного законодательством времени публичные усилия с целью мобилизации поддержки кандидата избирателями и обеспечения его победы в день выборов. Современная избирательная кампания – это участие профессиональных избирательных команд, профессиональных политических консультантов, специалистов по связям с общественностью и имиджмейкеров. Поскольку СМИ довольно часто используются в качестве инструмента манипулирования общественным мнением, то перед PR-специалистами стоит важная задача – противодействовать любым попыткам ввести избирателей в заблуждение по поводу действительного облика кандидата. Установление плодотворных деловых отношений с печатными и электронными средствами информации жизненно важно для комитетов избирательных кампаний или партийных организаций.

Хроника основных событий предвыборной кампании

7 июня 2010 года в связи с предполагаемым назначением выборов депутатов Законодательного собрания Челябинской области избирательная комиссия получила подтверждение ЦИК России о законодательной возможности проведения выборов депутатов Законодательного Собрания Челябинской области осенью 2010 года. В случае назначения выборов депутатов на 10 октября 2010 года все необходимые мероприятия по образованию округов избирательной комиссией области были подготовлены. В связи с сокращением избирательных сроков схема округов была утверждена не депутатами представительного органа области, а самой избирательной комиссией, не позднее пяти дней после назначения выборов.

Агитационный период на каналах организаций телерадиовещания и в периодических печатных изданиях начинается за 28 дней до дня голосования и прекращается в ноль часов по местному времени за одни сутки до дня голосования (п. 2 ст. 49). Применительно к выборам, проводящимся в единый день голосования 10 октября 2010 года, этот период начинался 11 сентября 2010 года и прекращался в ноль часов 9 октября 2010 года. В соответствии с пунктами 3 и 6 статьи 51 Федерального закона каждая региональная государственная или муниципальная организация телерадиовещания обязаны предоставлять определенный объем эфирного времени для проведения предвыборной агитации на безвозмездной основе и за плату. Статьей 52 Федерального закона предусмотрено предоставление в аналогичном порядке печатной площади для агитационных материалов редакциями государственных и муниципальных периодических печатных изданий.

По состоянию на 9 августа на выборах депутатов Законодательного Собрания Челябинской области по 13 одномандатным округам выдвинулось 17 кандидатов. Наибольший интерес у кандидатов вызывали избирательные округа города Челябинска. По Тракторозаводскому избирательному округу № 26 – 4 кандидата. По Центральному избирательному округу

№ 28 – 3 кандидата. Выдвинувшиеся политические партии – «Патриоты России» и «Правое дело». 10 августа документы на выдвижение представила «Справедливая Россия».

На утро 16 августа из 18 кандидатов, выдвинутых по одномандатным округам партией «Правое дело», документы были представлены в окружные комиссии девятью кандидатами. Из шести кандидатов выдвинутых партией «Патриоты России» – четверо. Начали поступать документы от кандидатов из заверенного 12 августа списка «Справедливой России».

17 августа состоялось заседание избирательной комиссии Челябинской области, на котором был заверен список кандидатов в депутаты Законодательного Собрания Челябинской области пятого созыва, выдвинутый политической партией «Челябинское региональное отделение Партии “ЯБЛОКО”». Возглавили список Н. А. Миронова, Ф. Г. Кобжасарова.

На утро 19 августа по одномандатным округам выдвинулись 59 кандидатов: 11 кандидатов от политической партии «Правое дело», 9 – от «Справедливой России» и 4 – от партии «Патриоты России». Оставалось только два округа (Горнозаводский избирательный округ № 2 и Южный избирательный округ № 30) по которым не было выдвижений, но с учетом того, что партии «Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ и ЛДПР своих кандидатов выдвигали по всем 30 округам, волноваться не стоило, так как в каждом округе наличествовало не менее четырех кандидатов.

23 августа избирательная комиссия Челябинской области провела очередное заседание, на котором были заверены списки кандидатов в депутаты Законодательного Собрания Челябинской области от политических партий «Единая Россия», ЛДПР и КПРФ.

Партией «Единая Россия» был представлен региональный список кандидатов в депутаты Законодательного Собрания Челябинской области по единому избирательному округу, выдвинутым Челябинским региональным отделением Всероссийской политической партии «Единая Россия» и список кандидатов в депутаты Законодательного Собрания Челябинской области по одномандатным избирательным округам. Общерегистральную часть списка партии «Единая Россия» возглавили три человека: М. В. Юревич, В. В. Мякуш и В. Ф. Рашников. Челябинским региональным отделением политической партии «Либерально-демократическая партия России» и Челябинским областным отделением политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» в избирательную комиссию области были представлены списки кандидатов только по одномандатным избирательным округам.

27 августа, состоялось заседание избирательной комиссии Челябинской области. На этом заседании были заверены региональные списки кандидатов в депутаты Законодательного Собрания Челябинской области по единому избирательному округу, выдвинутым Челябинским региональным отделением политической партии «Либерально-демократическая партия России» и Челябинским областным отделением политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации». Список кандидатов в депутаты ЗСО по единому избирательному округу от «Справедливой России» решением комиссии был также зарегистрирован.

На заседании был определен порядок проведения жеребьевки для размещения кратких наименований и эмблем политических партий, зарегистрировавших списки кандидатов по единому избирательному округу в избирательном бюллетене для голосования на выборах депутатов Законодательного Собрания Челябинской области пятого созыва.

30 августа в 18.00 закончилось выдвижение кандидатов в депутаты Законодательного Собрания области. Все политические партии представили документы на регистрацию. Три политические партии – «Патриоты России», «Правое дело» и «Яблоко» – представили в избирательную комиссию Челябинской области собранные в свою поддержку подписи избирателей. Члены комиссии приступили к проверке документов.

По одномандатным округам, по информации на утро 30 августа, выдвинуто 169 кандидатов. Из них зарегистрированы 44. Отказано в регистрации одному. По выборам ор-

ганов местного самоуправления абсолютно во всех поселениях есть достаточное выдвижение для проведения выборов глав и депутатов представительных органов.

По данным на 18.00 30 августа в системе ГАС «Выборы» была заведена информация на 171 кандидата в депутаты Законодательного Собрания Челябинской области по одномандатным округам. Из них зарегистрирован 51 кандидат.

Членами избирательной комиссии Челябинской области были проверены подписи избирателей, собранные в поддержку политической партии «Патриоты России». Проверка показала, что выявленный процент недействительных подписей не препятствует регистрации списка кандидатов от партии «Патриоты России» на этих выборах. И на ближайшем заседании комиссии их список будет зарегистрирован. Также была проведена проверка подписей избирателей, представленных в избирательную комиссию партией «Яблоко», следом за ней члены комиссии произвели проверку подписей «Правого Дела». 1 сентября на заседании избирательной комиссии Челябинской области был зарегистрирован список кандидатов в депутаты Законодательного Собрания Челябинской области по единому избирательному округу, выдвинутых Челябинским региональным отделением политической партии «Патриоты России».

На заседании было принято постановление о мероприятиях Избирательной комиссии Челябинской области по повышению правовой культуры избирателей (участников референдума) и обучению организаторов выборов и референдумов в сентябре-ноябре 2010 года. В рамках этого постановления планировалось провести конкурс эссе среди учащихся 9–11 классов школ Челябинской области «Я выбираю» и творческий фотоконкурс «Выборы 10.10.10», в котором могли принять участие учащиеся общеобразовательных учреждений и студенты различных вузов.

Утром 3 сентября на выборы в депутаты Законодательного Собрания Челябинской области по одномандатным округам выдвинулось 180 кандидатов, из них 88 зарегистрировано. Среди них кандидатов от «Единой России» – 27, от «Справедливой России» – 23, от КПРФ – 18, ЛДПР – 13, от партии «Правое дело» – 1, выдвинувшихся по самовыдвижению – 6. Отказано в регистрации было только одному кандидату. Выбывших кандидатов по личному заявлению – 11. Проверены подписи политических партий «Правое дело» и «Яблоко», результат проверки позволяет зарегистрировать данные партии.

Избирательная комиссия Челябинской области официально уведомила о том, что в соответствии с Календарным планом мероприятий по подготовке и проведению выборов депутатов Законодательного Собрания Челябинской области 9 сентября 2010 года проводится жеребьевка по порядку размещения в избирательном бюллетене кратких наименований и эмблем политических партий, их региональных отделений, зарегистрировавших списки кандидатов по единому избирательному округу. Жеребьевка состоялась в помещении Малого зала заседаний Законодательного Собрания Челябинской области.

5 сентября в Челябинске прошел пятый общественно-политический вернисаж, посвященный празднованию дня города. Его участниками стали более 300 организаций Южного Урала. Впервые в этом году в работе вернисажа приняла участие молодежная избирательная комиссия Челябинской области. Члены комиссии беседовали с посетителями вернисажа о предстоящих выборах депутатов Законодательного Собрания Челябинской области. Всем участникам и гостям вернисажа на память были вручены календари с отметкой «Выборы 10.10.10». На вернисаже также можно было увидеть весь спектр существующих в городе организаций: стенды политических партий, религиозных конфессий, национально-культурных центров, благотворительных, спортивных, право- и зоозащитных организаций, военно-патриотических движений, а также объединения ветеранов войны, труда, правоохранительных и силовых структур и инвалидов, общественные организации по проблемам семьи, женщин и детей, общественные организации по профилактике антисоциальных явлений, детские и молодежные организации и движения.

8 сентября на заседании избирательной комиссии Челябинской области были зарегистрированы списки кандидатов в депутаты Законодательного Собрания Челябинской области по единому избирательному округу, выдвинутые политическими партиями «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Яблоко» и «Правое дело». Таким образом, в этой избирательной кампании участвовали все семь политических партий.

На заседании утвердили перечень избирательных участков, на которых для голосования будут использоваться комплексы обработки избирательных бюллетеней.

Зарегистрированных кандидатов-одномандатников в конечном итоге 136 и семь зарегистрированных политических партий, которые участвовали в выборах по единому округу. Было отказано в регистрации девятерым кандидатам. Наибольшее количество выдвинутых кандидатов (по семь человек) – по Миасскому и Тракторозаводскому округу, по шесть кандидатов в Еманжелинском, Правобережном и Промышленном округах. Самое меньшее количество зарегистрированных кандидатов по Северному избирательному округу – два кандидата.

На состоявшейся 9 сентября жеребьевке по порядку размещения в избирательном бюллетене кратких наименований и эмблем политических партий 1-е место – партия «Патриоты России», 2-е место – ЛДПР, 3-е – «Яблоко», 4-е – «Правое дело», 5-е у «Единой России», 6-е – КПРФ и последнее (7-е место) досталось «Справедливой России». Так же было распределено бесплатное эфирное время и печатная площадь между кандидатами-одномандатниками.

С 13 сентября на территории Челябинской области был открыт пункт общественной «Горячей линии» связи с избирателями на выборах депутатов Законодательного Собрания Челябинской области 10 октября 2010 года.

«Горячую линию» организовали на базе Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы. Избиратели могли задавать свои вопросы по телефону и с помощью электронной почты.

17 сентября состоялось заседание избирательной комиссии Челябинской области, на котором был утвержден состав рабочей группы по контролю за изготовлением избирательных бюллетеней в полиграфической организации и их доставкой в избирательные комиссии.

На заседании комиссии были рассмотрены вопросы об исключении кандидатов в депутаты Законодательного Собрания Челябинской области из региональных списков кандидатов, выдвинутых политической партией Справедливая Россия и Челябинским областным отделением КПРФ.

В понедельник 20 сентября Межрайонная типография начала процесс изготовления избирательных бюллетеней, которые были использованы 10 октября 2010 года на выборах депутатов Законодательного Собрания Челябинской области. Запуск печатного станка произошел под пристальным взглядом теле- и фотокамер журналистов Челябинской области. 24 сентября в 9.00 в межрайонной типографии напечатанные бюллетени были переданы сотрудникам спецсвязи, которые развезли бюллетени по избирательным комиссиям области.

30 сентября состоялось заседание избирательной комиссии Челябинской области, на котором были рассмотрены поступившие в избирательную комиссию области жалобы избирателей.

Для удобства электората избирательной комиссией Челябинской области было принято решение о начале работы 189 избирательных участков с 6 и 7 часов 10 октября.

Председатель избирательной комиссии Челябинской области И. А. Старостина и председатель молодежной избирательной комиссии области А. Л. Фартыгин приняли участие в расширенном заседании Молодежной палаты при Челябинской городской Думе. Главной темой расширенного заседания молодых парламентариев стали предстоящие выбо-

ры депутатов Законодательного Собрания Челябинской области. Председатель избирательной комиссии области И. А. Старостина выступила перед участниками заседания с призывом приходить на выборы 10 октября и привлечь к этому процессу своих родных и близких. По завершению заседания участники переместились на главную пешеходную улицу «Кировка» и провели акцию: «Мой выбор – выбирать!».

7 октября состоялась презентация комплексов обработки избирательных бюллетеней (КОИБ). Открыл презентацию заместитель председателя Центральной избирательной комиссии России Л. Г. Ивлев. Под пристальным вниманием представителей средств массовой информации, политических партий, членов территориальных и участковых избирательных комиссии был произведен пробный запуск КОИБов.

10 октября проголосовать за депутатов Законодательного собрания на участки прибыли 40,73 % избирателей Челябинска.

Как и на всей территории области, в Челябинске победила партия «Единая Россия», за нее проголосовали 51,68 % избирателей. По одномандатным округам везде без исключения победили кандидаты-единороссы. В целом по региону «Единая Россия» набрала около 56 % голосов. Почти 15 % голосов – «Справедливая Россия», 11 % – КПРФ, 9 % – ЛДПР. День голосования прошел достаточно спокойно.

Избиратели оставляли свои сообщения и жалобы на сайте независимой общественной Ассоциации «Голос».

Среди 77 субъектов РФ, где проводились выборы, в Челябинской области было зафиксировано больше всего нарушений. Если, например, в Москве недовольных ходом голосования был 161 человек, то на Южном Урале жалоб – 232. В остальных регионах подмечено от 1 до 145 нарушений.

По подведенным официальным итогам выборов в Законодательное Собрание Челябинской области пятого созыва избраны 30 депутатов-одномандатников: К. И. Струков, М. С. Сафиев, В. Г. Перезолов, Н. В. Аржанов, А. А. Федоров, И. Н. Свеженцев, С. А. Лемешевский, В. П. Чернобровин, А. Ю. Решетников, К. Ю. Захаров, Я. И. Чабан, С. В. Кравчук, С. А. Мительман, А. И. Вольхин, О. В. Федонин, А. В. Барышев, О. В. Биушкин, С. В. Баранов, Р. С. Тахаутдинов, С. И. Евстигнеев, Д. Ф. Мешков, М. В. Шеметова, Л. В. Урмашов, Б. М. Мурашкин, В. П. Середкин, Д. Н. Замятин, А. А. Самсонов, А. Л. Шестаков, А. Л. Журавлев, В. Н. Коновалов.

К депутатам-одномандатникам присоединяются депутаты, получившие мандаты по партийным спискам. От «Единой России»: В. В. Ильиных, Ю. Р. Карликанов, А. В. Кретов, С. В. Турковский, А. И. Гуцин, С. В. Шепилов, К. В. Цыбко, А. А. Глазков, А. Л. Мاستруев, В. И. Гладских, В. Г. Евстратов, В. Ф. Галеев, В. В. Белоусов, М. Б. Видгоф, В. М. Горнов, Н. И. Янов, П. И. Черкасов.

Из регионального списка кандидатов, выдвинутых ЧРО партии «Единая Россия», мандаты депутатов получили В. В. Мякуш и В. Ф. Рашников. В Законодательном Собрании пятого созыва от регионального отделения партии «Справедливая Россия» – В. Ю. Евстигнеев, Л. Н. Зыкович, М. Л. Новичков, О. В. Назаров; от КПРФ – С. В. Поклоннова, К. О. Набиевский, А. Я. Черных; от ЛДПР – А. А. Ткаченко, О. А. Голиков, Е. К. Серсенбаев.

Выборы состоялись, на избирательные участки по выборам депутатов Законодательного собрания пришел каждый второй избиратель – 49,6 %.

Мониторинг освещения тематики выборов в челябинских СМИ

Для составления мониторинга и анализа в данной работе использовались материалы консалтингового агентства «PRO & Contra»; современные формы работы с информацией: *клиттинг* (копирование определенных статей в прессе по классификатору с указанием источника и времени выхода) и *мониторинг* (дайджестирование по определенной проблеме).

матике материалов прессы с указанием источника и времени выхода). В состав объектов наблюдения вошли электронные СМИ: «АН «Доступ»», «Новый Регион», «Chelyabinsk.ru», «uralpress.ru», «УралПолит.Ru», «UralDaily.ru», «ИА REGNUM», «URA.Ru», «УралИнформБюро», «Челябинск Сегодня», «Урал-пресс-информ».

В задачи мониторинга входило обеспечение точности наблюдений за работой средств массовой информации, установление позитивных и негативных моментов в ходе предвыборной агитации, еженедельное обобщение итогов наблюдения.

В Челябинской области 7 июля началась предвыборная кампания в Законодательное собрание. Вторая неделя информационной предвыборной кампании стала одновременно неделей старта официальной предвыборной гонки. К тому же выборы совпали с Всероссийской переписью населения, используемой в качестве одного из ресурсов воздействия на избирателя. Одним из важных событий выборов стал скандал, связанный с незаконным и несогласованным использованием в листовках партии ЛДПР фотографии П. И. Сумина, являющегося членом партии «Единая Россия».

Информационная активность первого этапа предвыборной гонки отражена в таблице 1.

Таблица 1

Информационные сообщения по выборам в ЗСО (21–27 августа 2010 г.)

Формы подачи информации	Количество информационных сообщений
Сообщения информационных агентств	105
Публикации в печатных СМИ	15
Репортажи на телеканалах	12
ВСЕГО	132

По сравнению с предыдущим исследуемым периодом доля публикаций негативного характера увеличилась на 21 % при общем увеличении числа публикаций, положительного характера на 6 % и нейтрального – снизилась на 17 %. Таким образом, на число публикаций негативного содержания приходится 51 %, положительного содержания – 16 % и нейтрального – 33 %.

Положительные информационные поводы связаны в основном с новыми партийными инициативами и мероприятиями, предпринимаемыми региональными отделениями. Поток негативных публикаций преимущественно был связан с деятельностью «Молодой Гвардии» при тушении пожаров, выдвижением кандидатом на выборы в ЗСЧО министра экономического развития Южной Осетии Александра Жемайло, разногласиями в челябинском обкоме КПРФ, и списками «Справедливой России», где единороссы обнаружили бывшего главу одной из финансовых пирамид.

В период с 13 по 17 сентября 2010 года в СМИ Челябинской области наблюдается некоторое снижение информационных сообщений на тему выборов (см. таблицу 2).

Таблица 2

Информационные сообщения по выборам в ЗСО (13–17 сентября 2010 г.)

Формы подачи информации	Количество информационных сообщений
Сообщения информационных агентств	70
Публикации в печатных СМИ	9
Репортажи на телеканалах	12
ВСЕГО	87

На число публикаций негативного содержания приходилось 30 %, положительного содержания – 12 % и нейтрального – 58 %. Поток негативных публикаций связан с приездом «высокопоставленных единокороссов» в Челябинскую область для корректировки предвыборной кампании и оценки «дорожной революции», с жалобами партий друг на друга по поводу нарушения положения об агитационной деятельности.

Главный итог периода – Избирательная комиссия Челябинской области 13 сентября утвердила итоги жеребьевки партий, которые будут бороться за места в Законодательном собрании. Первым номером в бюллетене были названы «Патриоты России», на втором месте – ЛДПР, следом за ними «Яблоко» и «Правое дело». На пятом – «Единая Россия», на шестом – КРПФ, на последнем месте в списке «Справедливая Россия».

Третий этап медийного освещения кампании по выборам в Законодательное собрание области отмечен новой волной информационной активности (таблица 3).

Таблица 3

Информационные сообщения по выборам в ЗСО
(27 сентября – 1 октября 2010 г.)

Формы подачи информации	Количество информационных сообщений
Сообщения информационных агентств	141
Публикации в печатных СМИ	13
Репортажи на телеканалах	21
ВСЕГО	175

Из общего числа публикаций: 37 % – негативного содержания, 10 % – положительного содержания; 53 % – нейтрального. Такое распределение представляется весьма закономерным – общий интерес возрастает к дню выборов, равно как и растет эмоциональный накал (подтверждением чему является приоритет негативных публикаций над положительными). Вместе с тем во избежание явных скандалов тональность информационных сообщений все больше приобретает аналитически-регулирующий, информативно-нейтральный характер.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, мы можем констатировать целесообразность, самостоятельно-значимый (выделяемый из общего контекста социологических методов) характер и необходимость мониторинга средств массовой информации. Собранные материалы в СМИ позволяют исследовать политическую ситуацию (уровень доверия к местной и центральной администрации, действия политических и общественных организаций, эффективность хозяйственного управления, применения нормативных актов и др.), определять целостную структуру общественного сознания, отраженную в СМИ, наблюдать «пики» и периоды относительной стабилизации информационной кампании.

Список литературы

1. Назаров, М. М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования [Текст] / М. М. Назаров. – М.: Аванти плюс, 2003. – 428 с.
2. Панарин, А. С. Философия политики [Текст] / А. С. Панарин. – М., 1994. – 456 с.
3. Ротман, Д. Г. Электоральные исследования: сущность и технология [Текст] / Д. Г. Ротман // Социс. – 1998. – № 9.
4. Шампань, П. Делать мнение: новая политическая игра [Текст] / П. Шампань; пер с фр.; под ред. Н. Г. Осиповой. – М. : Социо-Логос, 1997. – 335 с.

УДК 008

Вячеслав Владимирович Резаев

Челябинская государственная академия культуры и искусств

**ЖИТЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ В СТРУКТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ:
ОПЫТ ФРЕЙМ-АНАЛИЗА**

Статья посвящена опыту исследования культуры повседневности при помощи фрейм-анализа. Приводится описание исследования житейских историй в структуре повседневности.

Ключевые слова: *культура повседневности, житейская история, фрейм анализ.*

«Повседневность, быт, бытовой...» – зачастую, употребляя эти понятия, мы мало задумываемся над всей сложностью и многогранностью скрытых за ними явлений. Час, день, месяц, год – буднично-ритуальное и привычное для каждого течение повседневности, рождающее, тем не менее, самобытную житейскую историю индивидуального мира человека.

В данной статье автором была предпринята попытка изучения житейских историй при помощи методик фрейм-анализа. Понятие «фрейма» сегодня чаще всего используется в двух значениях, которые с известной долей условности можно охарактеризовать как «лингвистическое» и «социологическое». Согласно лингвистическому определению, предложенному в современной когнитивно-ориентированной семантике, фрейм представляет собой когнитивную структуру, рассматриваемую как иерархически выстроенная система знаний об *означаемом*.

Вторая трактовка «фрейма» была предложена Г. Бейтсоном и детально разработана американским социологом И. Гофманом. В рамках данного определения «фрейм» трактуется как «структурный контекст повседневного взаимодействия» [4. С. 47].

Что общего у лингвистической и социологической дефиниций фрейма? С позиций того и иного определения, фрейм трактуется как устойчивая и относительно стабильная структура, своего рода – схема репрезентации, т. е. репрезентирующая и значащая форма [7. С. 209]. Таким образом, фрейм-анализ, совмещающий схематичность и образность, позволяющий выстраивать различные формы репрезентации и объяснений повседневных явлений, оказывается необходимым способом исследования житейских историй.

Исходная информация для проведения исследования была получена в ходе нарративных интервью (свободная беседа) с респондентами – пассажирами автомобиля такси (18 интервью). В процессе сбора материала имели место проявления весьма типичных (и повторяющихся) историй – житейских повествований. Конечной целью анализа полученных сведений стало выделение наиболее распространенных фреймов повседневности, отраженных в житейских историях пассажиров. Систематизация полученного материала осуществлялась по следующим основаниям: 1) общая тематика повседневности; 2) драматургия повествования; 3) временные границы повествования; 4) масштаб повествования; 5) характер героя повествования; 6) особенности личностной презентации; 7) смысложизненная ориентированность личности; 8) оценочный контекст истории.

Представим основные результаты осуществленного исследования. Тематическое обобщение рассказов пассажиров отражено в таблице 1.

Таблица 1

Общая тематика повествования

Тематика повествования	Общее количество	Распределение по социально-демографическим признакам				
		Пол		Возраст		
		мужской	женский	молодежный	средний	старше среднего
Бытовая	3	2	1		1	2
Любовная	4	2	2	2	1	1
Биографическая	10	7	4	2	6	2
Профессиональная	1	1				1

Обращаясь непосредственно к социологической интерпретации интервью с пассажирами, мы можем фиксировать следующие показатели: чаще всего в качестве тематики представлен биографический тип историй (55 %). На втором месте по количеству упоминаний – любовная тематика (22 %). Наименьшее количество рассказов (5 %) связано с профессиональным контекстом рассказа. По драматургии повествования процентное соотношение одинаково между типично повседневной (бытовая) и нестандартной (посвященной драматичным и ярким жизненным обстоятельствам) историями (см. таблицу 2).

Таблица 2

Драматургия повествования

Драматургия повествования	Общее количество	Распределение по социально-демографическим признакам				
		Пол		Возраст		
		мужской	женский	молодежный	средний	старше среднего
Типично-повседневная	9	6	3	2	4	3
Нестандартно-драматичная	9	6	3	3	4	3

Подавляющее количество жизненных историй находятся в зоне *ретроспекции* – ностальгических воспоминаний о прошлом (72 %); актуальное повествование в процентном соотношении занимает следующую строку в рейтинге (27 %) и, наконец, перспективное повествование, связанное с планами на будущее, абсолютно отсутствует в рассказах пассажиров (см. таблицу 3).

Таблица 3

Временные границы повествования

Временные границы повествования	Общее количество	Распределение по социально-демографическим признакам				
		Пол		Возраст		
		мужской	женский	молодежный	Средний	старше среднего
Ретроспективный рассказ	13	9	5	3	6	4
Актуальное повествование	5	3	2	1	2	2

Перспективное повествование						
-----------------------------	--	--	--	--	--	--

С чем связано подобное невнимание к будущему? Возможно, в силу вступает некоторая стереотипизация сознания, препятствующая непосредственному пониманию повседневности как перспективному и отдаленному (по временному вектору) началу. Наиболее привычной, в данном значении, оказывается трактовка *жизнейского* как *прожитого*, пережитого и осмысленного.

Характер героя повествования (см. таблицу 4) чаще всего связывается с активной действующей позицией (61 %) – когда сам рассказчик становится своеобразной кульминацией всех происходящих событий, задает ритм всему повествованию. Такая особенность рассказа вполне закономерна – герой и рассказчик, слитые воедино, олицетворяют своего рода эгоцентрическую драматургию истории – *от первого лица и о самом лице*.

Таблица 5

Характер героя повествования

Характер героя повествования	Общее количество	Распределение по социально-демографическим признакам				
		Пол		Возраст		
		мужской	женский	молодежный	средний	старше среднего
Активно-действующий	11	8	3	3	3	5
Пассивно-зависимый	7	4	4	1	5	1

Несмотря на первоначальное предположение о том, что приоритетные ценностные позиции рассказа будут связаны с такими традиционно устойчивыми основаниями, как здоровье и ценность семейных, любовных отношений, при анализе выяснились факты, опровергающие гипотезу. Здоровье как ценность повседневной жизни почти не фигурировало в рассказах пассажиров. Лидирующие позиции в рассказах занимают ценности жизненного самоопределения, финансового благополучия и карьерного роста.

Опираясь на полученную информацию, автор посчитал возможным выделить несколько наиболее распространенных фреймов повседневности. Первый – связывается с видением повседневности как набора определенных стандартов поведения, норм, правил, соблюдение которых ведет к непреложному успеху и поощрению другими индивидами, включенными в повседневность. Носителями и представителями такого фрейма чаще всего являются индивиды среднего возраста с не полностью воплощенными жизненными амбициями.

Следующий в ряду фреймов характеризует повседневность в качестве разрозненного набора фактов и домыслов, складывающихся в картину мира для индивида. Существование случайностей и необъяснимых фактов повседневности вполне допускается в данном варианте. С точки зрения аксиологического похода данный вид фреймов наиболее ограничен в выборе ценностей и образцов поведения. Малый набор жизненных событий, ограниченная картина мира и ненасыщенное о нем представление – вот характерные особенности данного фрейма. В проведенном исследовании носителями подобного понимания повседневности оказывались представители молодежной возрастной группы женского пола.

Еще одним видом фрейма повседневности является фрейм, в котором повседневность определена как некая система факторов и ролей, но в отличие от первого случая все эти

факторы и нормы определены не индивидами, а объективными обстоятельствами. Существование повседневности как таковой по большей части отвергается данным фреймом, поскольку повседневность является в нем своеобразной предпосылкой, трамплином для прыжка в будущее либо в прошлое. В этом фрейме происходящие в повседневности события и их трактовка часто носит вариативный характер.

И, наконец, в последнем, из выделенных нами фреймов, повседневность предстает как результат активно конструируемых событий. Вся повседневность выстраивается вокруг объекта ее восприятия, то есть непосредственно индивида. Одним из непреложных правил существования такого фрейма повседневности является правильное семиотическое восприятие повседневности индивидами, включенными в нее.

Подводя итог вышесказанному, стоит внести определенные уточнения. В силу многообразия субъективных восприятий повседневности, множественности ее толкований, любая попытка обобщения существующих фреймов становится весьма условной, является лишь гипотезой, поскольку существует еще достаточно большое количество фреймов, не оказавшихся в ракурсе исследования. Несмотря на обозначенные затруднения, фрейм-анализ открывает безграничные возможности социологического исследования повседневности.

Список литературы

1. Батыгин, Г. С. Континуум фреймов : социологическая теория Ирвинга Гофмана [Текст] / Г. С. Батыгин // Анализ фреймов : эссе об организации повседневного опыта : пер. с англ. / И. Гофман. – М. : Институт социологии РАН; Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – С. 3–39.
2. Вальденфельс, Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности [Текст] / Б. Вальденфельс // Социо-Логос. Социология. Антропология. Метафизика. – Вып. 1. – М. : Прогресс, 1991. – С. 17–27.
3. Вахштейн, В. С. Драматургическая теория Ирвинга Гофмана : два прочтения [Текст] / В. С. Вахштейн // Социологическое обозрение. – 2003. – Т. 3. – № 4. – С. 104–116.
4. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта : пер. с англ. [Текст] / И. Гофман. – М. : Институт социологии РАН; Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 752 с.
5. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни [Текст] / И. Гофман // Социология : хрестоматия для вузов. – М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2002. – С. 607–617.
- Кравченко, Е. И. Эрвин Гоффман. Социология лицедейства [Текст] / Е. И. Кравченко. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 222 с.
- Лелеко, В. Д. Статус повседневности в современной культуре [Текст] / В. Д. Лелеко // Векторы развития культуры на грани тысячелетий : материалы междунар. науч. конф. – СПб. : СПбГУ, 2001. – С. 208–210.
- Щюц, А. О множественности реальностей [Текст] / А. Щюц // Социологическое обозрение. – 2003. – Т. 3. – № 2. – С. 3–34.

УДК 008.2

Иван Дмитриевич Тузовский

Челябинская государственная академия культуры и искусств

**ФУТУРОЛОГИЯ И КАК ИДЕОЛОГИЯ: О НОВОМ ПОДХОДЕ
К ТИПОЛОГИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГНОЗОВ**

Футурология в социально-гуманитарном знании представлена хаосом разрозненных концепций. Большинство исследователей считают, что систематизации они не поддаются. Если признать органическую связь между футурологией и идеологией, то появляется основание для построения типологии. В статье делается попытка построения идеолого-футурологической классификации футурологических концепций.

Ключевые слова: футурология, социальное прогнозирование, идеология.

Футурология и социальное прогнозирование отправляют почтенные функции предупреждения общества, обеспечения процессов управления, в целях «устойчивого» (этот эпитет можно заменить на любой иной, обладающий положительным эмоциональным окрасом) развития. По крайней мере, таково официальное оправдание существования довольно большого штата футурологов (прогнозистов, экспертов и пр.). Стоит отметить, что эта, «официальная», версия вызывает законное, но от этого не менее пафосное негодование «серьезных» ученых, поэтому футурологов называют футуристами (какое слово относится, скорее, к конкретному направлению в художественном творчестве в первой трети XX столетия) и отказывают их изысканиям в научности, поэтому же и сами футурологи зачастую предпочитают называться «экспертами». Но уж «эксперты» обязательно принимают участие в коллективном отправлении функций управления с прогнозируемыми результатами.

Однако внимание автора привлечен иной аспект футурологии, говорить о котором считается в обществе неприличным. Это аспект идеологический.

С одной стороны, само собой разумеется, что та или иная идеология, как «система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений» [2], **влияет на** результат прогноза. Некоторые специалисты по прогнозированию именуют это «предпрогнозной ориентацией» [1] (что по сути означает поиск заранее заданных результатов). Джон Нейсбит же своей «футурологической идеологии» дал название «умонастроений», объясняя ими, почему он видит в будущем то, что видит, и чего не видят другие. «Умонастроения – это почва, на которую проливается дождь (информация), и растения, которые разбрасывают разную пыльцу по нашим умонастроениям, что приводит к разным выводам. Вот как мы получаем информацию. Вот где ключ. <...> Позднее я стал играть с задумкой книги об умонастроениях и о том, как они привели меня к получению картин будущего» [6. С. 14].

С другой стороны, идеология, «как система взглядов и идей, в которых <...> содержатся цели (программы) социальной деятельности...», сама по себе является футурологией. И верно будет и обратное – футурология как коллективный поиск образа будущего будет поставлять, *по меньшей мере*, **элементы** идеологических систем. Впрочем, этот вторичный статус футурологии как «служанки» идеологии можно оспорить, следуя, например за логикой Х. Ортеги-и-Гассета: «нация живет не традицией и не прошлым. Ошибочно полагать, что государство имеет семейный характер, родовые корни. Все ина-

че: нации формируются и живут лишь постольку, поскольку воплощают в себе некое стремление осуществить общую программу грядущего <...> Каких-то бледных отзвуков прошлого, бесспорно, мало для того, чтобы жить и не просто жить, а сосуществовать <...> В самом деле, в глубине национальной души ежедневно идет обязательное голосование, от которого зависит грядущее нации...» [7. С. 265, 282]. Конечно, такая идеолого-футурологическая позиция Ортеги-и-Гассета вторична по отношению к его антропологической концепции «фатально футуристичного человека» [8. С. 156], однако примечательно, что оппозиционный философ в эпоху «разгула» по Европе радикальных идеологий видит сущность национально-государственного строительства и – шире! – человеческого общежития именно в совместном проекте будущего. Джон Нейсбит, впрочем, возражает антропологической и социальной концепции Ортеги-и-Гассета, говоря о **современности**, что «мы из общества, управляемого сиюминутными соображениями и стимулами, превращаемся в общество, ориентированное на гораздо более долгосрочные перспективы» [5. С. 9]. Впрочем, если разграничить «соображения и стимулы», действительно обеспечивающие повседневное существование человека, и идеи, объединяющие множество людей на сколько-нибудь длительный период, то высказывание Нейсбита, привлеченное нами в качестве возражения Ортеге-и-Гассету, несущественно. Более того, «проникновение» будущего из сферы социальных идеалов в сферу повседневности, скорее, *доказывает* антропосоциофутуристическую концепцию испанского философа.

Футурология идеологична также и потому, что формирует целый ряд современных утопий (в ряде случаев – с приставкой «анти», но, как ни парадоксально, это вопрос не принципиальный: отношение социальной концепции к утопии или антиутопии пластично, меняется со временем). Подчеркнем (анти)утопичность футурологии – не **достаточное** основание для уравнивания ее концепций с идеологиями, но **необходимое**. Достаточные же основания для такого отношения мы приводили выше.

Идеология, таким образом, следуя логике наших рассуждений, получается всего лишь риторическим оформлением имманентных футурологических исканий, свойственных всякому человеческому существу. Этим замкнутым кругом: «футурологические искания и создание образа будущего первого порядка → оформление идеологии как риторики об образе будущего → привлечение футурологии для создания привлекательного образа будущего второго порядка» - мы завершаем рассуждение о первом возможном соотношении этих понятий.

Теперь мы можем прочесть заголовок статьи следующим образом: футурология и идеология – уроборос причин и следствий взаимного появления. Можно возразить: весь длинный приведенный ряд рассуждений можно было опустить, ведь самоочевиден тезис о связи *науки* и *идеологии*, футурология же как раз и претендует на статус научного прогнозирования. Однако, во-первых, эта претензия не является неоспоримой, о чем мы говорили выше; во-вторых, футурология исполняет для идеологии несколько отличные от социальных наук функции. Она не обосновывает или инициирует идеологические положения, а задает образ будущего, который является ценностью сам по себе, ценностью эмоционально окрашенной (или аффективной [9; 10]).

Впрочем, из первоначального же утверждения и определения идеологии вытекает, что футурологическая концепция *может* стать идеологической. Но самое примечательное не это, а то, что все три позиции: 1) идеология («умонастроения») влияет на футурологические концепции (Дж. Нейсбит); 2) футурология участвует в формировании идеологии и является ее ценностным ядром (Х. Ортега-и-Гассет); 3) футурологическая концепция сама по себе является идеологической – не противоречат «официальной» роли футурологии как прогностического обеспечения функций социального управления.

Таким образом, мы можем перейти ко второй части исследования. До сих пор предлагалось классифицировать футуристические концепции по степени их научности, мето-

дам их получения и пр. Как только речь заходила о *содержании* самих научных футурологических концепций, исследовательские потенции многих маститых ученых охватывал паралич, который задавал видение *системы*, действительно имеющейся, как *хаоса*, классификации не поддающегося.

Если футурология идеологична, если ее результаты предзаданы идеологическими «умонастроениями» исследователя, если она сама «обслуживает» идеологию, поставляя политике образ будущего, на который человек масс будет реагировать эмоционально аффективно, то:

1) можно выстроить классификацию футурологических концепций, аналогичную классификации политических идеологий, течений и пр.;

2) этот подход позволяет вскрыть главный недостаток предшествующих классификаций, особенно – по критерию «научности методологии прогнозирования»: сколь угодно научные методы не обеспечивают научности результата, если цель исследования (как желаемый или искомый результат) подчинена идеологическим установкам.

Общепринятая классификация политических идеологий и движений основана на принципе «троичности»: полярные направления и некое промежуточное «умеренное» состояние между ними. Так, «левыми» принято называть радикально-реформистские, революционные течения, к которым относятся коммунисты, социалисты, анархисты и пр. «Правые» – традиционалисты, консерваторы и реакционеры. «Центр» – умеренные реформисты или консерваторы. Под этот теоретический принцип подстраиваются картины реально имеющих политических движений. Монархисты являются правыми в силу ярко выраженного консерватизма или традиционализма; фашисты – в силу реакционности соответствующей идеологии и пр.

Подобным же образом можно распределить футурологические концепции: 1) «левые» – те, что предполагают радикальное переустройство будущего общества, революционные изменения. При этом важно обращать внимание не на риторику автора футурологической концепции, а то, что за ней скрывается. Если будущее – «лучше, разнообразнее, предполагает большее экономическое благосостояние», то такая концепция не будет «левой», сколь ни патетична была бы риторика автора о «революционных изменениях». Поэтому такие концепции мы относим к 2) центристским или умеренным. Наконец, 3) – консервативные концепции будущего. Здесь скрывается некоторая алогичность («консервативность» – «будущего»), которая устраняется внимательным прочтением: консервативное отношение к будущему будет подразумевать не больше и не меньше, чем такие концепции, которые отвергают ценность социальных изменений, усматривают в их потоке катастрофическую опасность и пр. Яркий пример этому эволюция концепции Дж. Нейсбита от «мегатрендов» социальных изменений к концепции противоположения «высоких технологий» и «глубокой гуманности»: «Со временем Америка превратилась из комфортабельной технологически развитой страны в Зону, отравленную Технологией» [4]. Книга «Высокие технологии, глубокая гуманность...» – это «мегатренды»-наоборот: автор столь же произвольно (основываясь на собственных «умонастроениях») отбирает несколько социальных тенденций, вскрывающих негативные следствия технологического прогресса.

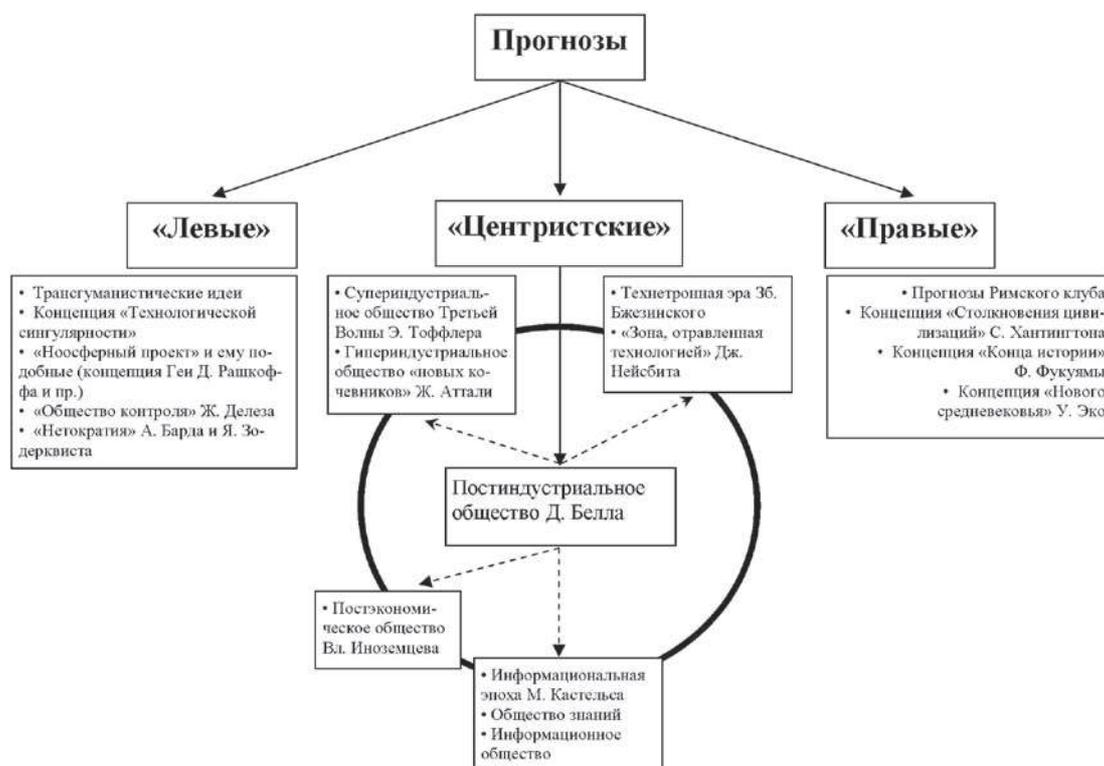
Представим результаты нашей попытки типологизации футурологических концепций по «идеологическим» основаниям в виде схемы (см. рис. 1 «Типология футурологических концепций на основании идеологического отношения к будущему»).

Естественно, данная схема не полна: она отражает только концепции, достаточно полным образом проработанные автором. В ряде случаев отношение авторов тех или иных концепций к «консервативным» или «радикальным» может быть оспорено. Для обработки группы центристских концепций автор использовал идею А. И. Молева о «центр-периферийном» отношении концепции «постиндустриального общества» Д. Белла и ряда последующих концепций, которые объединяются целым рядом факторов [3]. Например,

«префиксным» подходом к дополненности индустриального общества новыми формами (супер-, гипер-, транс- и т. д.), «пост»-подходом к определению современного состояния (постиндустриальное, посткапиталистическое, постэкономическое и т. д.), экономико-технологической детерминированностью и пр.

Однако, не взирая на свою неполноту, данная схема демонстрирует принципиальную возможность классификации футурологических концепций по идеологическим основаниям. Такая постановка вопроса самоценна, ведь, во-первых, футурология, социальное прогнозирование – компонент процесса управления (шире – развития) обществом. Во-вторых, и это, пожалуй, даже более важно: это позволяет поставить вопрос о появлении на политической арене «футурологических» субъектов. И «первые ласточки» этого явления наметились уже десять-двадцать лет назад, например, движение киберлибертарианцев. Будущее покажет не только «фиаско» прогностического компонента футурологии, но и идеологического.

Рис. 1. Типология футурологических концепций на основании идеологического отношения к будущему

Список литературы

1. Бестужев-Лада, И. В. Социальное прогнозирование [Текст] : курс лекций / И. В. Бестужев-Лада, Г. А. Наместникова ; Гуманитарно-прогност. акад. учеб. центр. – М. : Пед. об-во России, 2001. – 386, [3] с.
2. Идеология [Электронный ресурс] // Большая советская энциклопедия. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Идеология/>.
3. Молев, А. И. Социокультурные прогнозы развития западной цивилизации середины XX – начала XXI вв. [Текст] : дис. ... канд. филос. наук/ А. И. Молев. – М., 2007. – 199 с.
4. Нейсбит, Дж. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла [Текст] / Джон Нейсбит при участии Наны Нейсбит и Дугласа Филипса ; пер. с англ. А. Н. Анваера. – М. : АСТ: Транзиткнига, 2005. – 381, [3] с.
5. Нейсбит, Дж. Мегатренды [Текст] / Дж. Нейсбит ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : ООО «Издательство АСТ» : ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 380, [4] с.

6. Нейсбит, Дж. Старт! или Настраиваем ум! : Перестрой мышление и загляни в будущее [Текст] / Джон Нейсбит ; пер. с англ. А. Георгиева. – М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 286, [2] с.
7. Ортега-и-Гассет, Х. Бесхребетная Испания // Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания [Текст] : [сб. : пер. с исп.] / Хосе Ортега-и-Гассет. – М. : АСТ: СТ МОСКВА, 2008. – 347, [5] с.
8. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс [Текст] // Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания : [сб. : пер. с исп.] / Хосе Ортега-и-Гассет. – М. : АСТ: СТ МОСКВА, 2008. – 347, [5] с.
9. Солопова, О. А. Врата грядущего: утопия или реальность [Текст] / О. А. Солопова // Политическая лингвистика. – 2007. – № 21. – С. 49–61.
10. Солопова, О. А. Образ будущего в политическом дискурсе [Электронный ресурс] / О. А. Солопова // Политическая лингвистика. – 2006. – № 19. – <http://elibrary.ru/item.asp?id=11671172>.

ИСТОРИЯ

УДК 902.01

Мурат Есенгельдыевич Бикмухаметов
Южно-Уральский государственный университет

**ВОПРОС ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАРОДА ХУННУ
В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

В статье дается краткий обзор и анализ вопросов расового происхождения, территории и языковой принадлежности народа хунну в российской историографии. Также рассматриваются наиболее обсуждаемые проблемы преемственности азиатских хунну и европейских гуннов.

Ключевые слова: азиатские хунну, европейские гунны, российская историография.

О роли народа хунну в общемировой истории написано уже немало. Исторические справочники сообщают, что появление этого кочевого народа в Европе положило начало так называемому Великому переселению народов.

Образование мощного племенного союза, влияние которого распространялось от Енисея до Маньчжурии и от плато Ордос до Байкала, позволило объединить эти огромные территории, что стимулировало в свою очередь развитие новых этнических и культурных контактов. Эпоха господства хуннов в Центральной Азии – это эпоха качественного скачка в развитии технологии этого региона, что связано, в первую очередь, с освоением обработки железа. Именно в памятниках хуннов впервые в Центральной Азии широко представлены различные железные изделия: орудия труда, детали конской сбруи, пряжки для ремней и поясов и, что следует подчеркнуть особо, железное оружие: как наступательное (наконечники стрел, мечи и кинжалы), так и защитное (железные панцирные пластины). Все эти предметы хунны изготавливали сами: на поселениях найдены железоплавильные горны и множество отходов производства в виде шлаков, а также забракованные после литья изделия. Самостоятельность этого производства подчеркивается оригинальной формой предметов, многие из которых не имеют аналогий на соседних территориях [6. С. 42–45].

Именно это обстоятельство, а также ряд нововведений в военном деле и дало хуннам те преимущества, которые позволили в короткий срок подчинить своих близких и отдаленных соседей на западе, востоке и севере и успешно противостоять ханьской империи на юге.

Многие историки считают, что именно появление хуннов в Европе ускорило те исторические процессы, которые привели к падению Западной Римской империи и дали толчок формированию в Европе новых этносов.

С хуннами связано происхождение многих племен и народностей более позднего времени, их переселение сыграло огромную роль в истории народов Европы и Азии, и особенно в этногенезе славян и тюрков, а следовательно, и истории России.

В изучении хунну наиболее остро стоит проблема происхождения этого народа, рассматриваемая в различных аспектах. Исследователи на разных этапах оперировали различными данными, в самом начале опирались только на письменные источники, которые в дальнейшем все больше дополнялись археологическими данными. Но очень медленно и в крайне малых количествах, так, еще А. Н. Бернштам в середине XX века сетовал на недостаточность и слабую изученность археологических находок [1. С. 3].

Письменные источники не смогли решить проблему происхождения хуннов, археологические данные лишь добавили спорных вопросов. По мнению С. С. Миняева, основная

причина кроется в том, что многие признаки, характеризующие общество хуннов, его материальную культуру – это комплекс новаций, не имеющий аналогов в предшествующее время. А потому представляется крайне сложной задачей выявить прямые параллели и соотнести хуннские памятники с изученными культурами [6. С. 132].

С середины XVIII в., с появлением работы Дегиня, начались дискуссии по истории хуннов, основным из которых был вопрос о связи европейских гуннов и азиатских хуннов. Дегинь первый выдвинул мнение о том, что европейские гунны пришли из степей Центральной Азии [1. С. 6–7].

Большинство исследователей признают преемственность хуннов и гуннов. При этом отсутствуют следы их передвижения в Средней Азии. Поиск прямых параллелей невозможен, но, по мнению некоторых исследователей, необходимо рассматривать истории этих народов в целостной развивающейся системе азиатского и европейского единства кочевого мира, начало которого пошло с создания империи хуннов [2. С. 42]. Такая позиция находит все большее число сторонников.

Наверное самым сложным вопросом в области изучения истории хуннов является проблема их этнического и расового происхождения.

С самого начала выдвигались противоречивые и порой фантастические предположения, Бернштам А.Н. разделял четыре основные теории происхождения хуннов: «монгольская», «турецкая», «финская» и «славянская» [1. С. 6].

Позднее противопоставлялись две позиции – в пользу монголоидности и европеоидности хуннов. Доказательная база очень разнообразна. Так, например, утверждалось монголоидное происхождение на основе анализа волос [7. С. 111].

Одним из аргументов этой теории также приводят изображения на гробнице китайского военачальника Хо Цюй-бина его противников, среди которых находят и хуннов. Лица на этих барельефах носят явно монголоидные черты [5. С. 25].

По другим мнениям основу хуннского этноса составило ираноязычное население скифо-сарматского круга, которое находилось в длительном взаимодействии с монголоидными племенами и китайским населением, что, в свою очередь, создавало общий этнический фон для сложения хуннов в единый народ [2. С. 61].

Л. Н. Гумилев настаивает на смешении европеоидов и монголоидов в процессе хуннского этногенеза, который включал в себя племена динлинов, хяньюнь, хуньюй и две волны миграции китайского населения [3. С. 28–39].

Основным выводом является то, что империя хуннов создавалась в гетерогенной этнической среде. Племенной союз включал большое число различных народов. Археологические находки в большинстве случаев происходили из Китая, Ирана и Византии, что лишний раз свидетельствует о размахе торгово-дипломатических связей народа хунну и, следовательно, о сложности их этнического состава.

Следующая важная тема в вопросе происхождения хуннов – это определение территории, на которой зарождался народ.

Л. Н. Гумилев отсылает прахуннов в район Халхи, где в тяжелых условиях в результате смешивания и образовался народ хунну [3. С. 28–29].

По мнению С. Г. Кляшторного территориальное сложение хуннского этноса происходило на востоке и юго-востоке современной Монголии и частично во Внутренней Монголии [4. С. 52].

Как уже говорилось, С. С. Миняев обрисовывает трудности в изучении хуннов, в первую очередь, из-за новационности их культурной базы, а также по той причине, что быстрое развитие и обогащение родоплеменной знати привело к отрыву от ранних традиций погребения. Сравнивая рядовые хуннские захоронения, которые могли дольше сохранить былые обычаи, с окружающими, он находит ближайшие совпадения на юго-западе Маньчжурии в лесостепных районах [6. С. 129].

С. Г. Боталов отвергает возможность протекания хуннского этногенеза в районе Халхи в силу непригодных для обитания условий этой местности, выделяя Халху лишь под возможное место летовок. Он считает, что основная территория обитания раннехуннского этноса находилась севернее Ордоса. Общая территория этногенеза хуннов охватывала Ордос, Северный Китай и юго-западную Маньчжурию. Сложение протохуннского племенного союза происходило при участии большого числа разнокультурных компонентов, а потому в будущем ареал этногенеза вполне мог расшириться [2. С. 61–65].

Последний и не менее важный вопрос – это языковая принадлежность хуннов. С XIX века в науке прочно утвердились понятия «алтайские языки», «алтайская семья народов», под которыми имели в виду все тюркские языки. Сущность объединения алтайской ветви дальнеродственных языков понимается разными учеными неодинаково. Одни языковеды считают алтайские языки языковым союзом, т. е. языковой общностью, образовавшейся в результате постоянных контактов живших по соседству носителей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Другие же лингвисты полагают, что алтайские языки связаны генетически и образовались из одного праязыка [6. С. 121–124].

Многие исследователи единодушно заявляют о тюркоязычности хуннов. Они лишь немного различают степень распространения и развития тюркского языка. Однако существуют теории и о монголоязычности хуннов. А. Н. Бернштам заявляет, что правящие хуннские роды были тюркоязычными, но единого хуннского языка не существовало. Хунну разговаривали на различных наречиях и диалектах, из которых затем сложился тюркский язык и, возможно, монгольский. Преобладала именно тюркская речь, которая обогатилась новой лексикой в результате развития отношений хуннов с племенами Средней Азии [1. С. 9–56].

Гумилев относит язык хуннов к древней тюрко-монгольской языковой общности, которая в то время была слабо дифференцирована, но с большим влиянием тюркского языка [3. С. 60].

С. Г. Кляшторный описывает «алтайские племена», населявшие Южную Сибирь, Монголию, Маньчжурию и Северный Китай. Они относились к пратюрко-монгольским и пратунгусо-маньчжурским языковым общностям. По его мнению, хунну к «алтайским племенам» не относились, но внутри хуннской племенной конфедерации при общей языковой неоднородности использовался древнейший тюркский язык [4. С. 47–48].

Вопрос о языковой принадлежности хунну остается открытым, существуют следующие три основные позиции: хунну говорили на пратюркском языке, прамонгольском языке, либо на неразделенном тюрко-монгольском языке.

Таким образом, мы видим, что наиболее дискуссионными вопросами в изучении истории хуннов были и остаются расовое происхождение и территория сложения хуннского этноса. Остается надеяться, что эти проблемы в скором времени достигнут ясного разрешения.

Список литературы

1. Бернштам, А. Н. Очерк истории гуннов [Текст] / А. Н. Бернштам. – Л. : Ленинградский университет, 1951. – 262 с.
2. Боталов, С. Г. Гунны и тюрки [Текст] / С. Г. Боталов. – Челябинск : Рифей, 2009. – 672 с.
3. Гумилев, Л. Н. История народа хунну [Текст] / Л. Н. Гумилев. – М. : Институт Ди – Дик, 1998. – 704 с.
4. Кляшторный, С. Г. Государства и народы Евразийских степей [Текст] / С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2000. – 320 с.
5. Кляшторный, С. Г. Степные империи Древней Евразии [Текст] / С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савинов. – СПб. : Санкт-Петербургский университет, 2005. – 346 с.
6. Миняев, С. С. Сюнну [Текст] / С. С. Миняев // Исчезнувшие народы : сб. науч. ст. – М. : Наука, 1988. – С. 121–134.

7. Миняев, С. С. Сюнну [Текст] / С. С. Миняев // Природа. – 1986. – № 4. – С. 42–53.
8. Руденко, С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы [Текст] / С. И. Руденко. – М. ; Л. : Академия наук СССР, 1962. – 117 с.

УДК 902.01

Боталов Сергей Геннадьевич

Южно-Уральский филиал Институт истории и археологии УрО РАН

Лукиных Андрей Александрович

Челябинский областной краеведческий музей

Тидеман Елена Валерьевна

Археологический научный центр

**ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС МОГИЛЬНИКА УЕЛГИ –
НОВЫЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАМЯТНИК В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ**

Статья рассказывает о новом средневековом памятнике Уелги IX–XI вв., исследованном на территории Челябинской области. Впервые публикуются уникальные материалы из этого погребального комплекса.

Ключевые слова: Уелги, мадьяры, эпоха средневековья Южного Зауралья.

Могильник Уелги впервые был выявлен в мае 2009 г., благодаря информации поисковиков И. Мирowego и С. Ханова, производивших на нём самовольные изыскания. Памятник расположен в 2,5 км северо-северо-восточнее от с. Канзафарова (Кунашакский район Челябинской области) и в 8 км северо-западнее от пос. Кунашака. Он занимает серию останцёв межозёрной террасы юго-восточного берега оз. Сайгерлы и западного берега оз. Уелги. Основная часть некрополя занимает останец размером 120 x 300 м высотой до 3–4 м (от уреза воды оз. Сайгерлы)¹ (рис. 1, I, II).

В целом, территория археологического памятника представляет собой обширное степное пространство с локальными низменными заболоченными и обводнёнными участками (суффузионные просадки), чередующимися с холмами. Рельеф представляет собой почти плоскую слабо волнистую равнину, окружённую с севера, юга и востока лесными массивами в пределах высотных отметок 170–180 м. Основную ландшафтную составляющую микрорайона, в котором расположен могильник, представляет береговая система озёра Уелги. Его западный берег как у подавляющего большинства зауральских озёр высокий, а восточный и южный – низкий, болотистый. Однако в отличие от причелябинских озёр (Синеглазово, Смолино, Сарыкуль, Дуванкуль и др.), на севере области эта особенность является слабо выраженной. К тому же к средней части западного берега озера примыкает болотистая низменность, в километре к западу от береговой линии она переходит в озеро Сайгерлы, а далее на северо-запад продолжается болотистой протокой, переходящей в небольшие речушки. Одна у них впадёт с северо-запада в озеро Уелги.

Все насыпи курганов сложены из земли, однако в некоторых из них (№ 1, 7, 17) наблюдаются камни, вероятно представляющие собой естественный, природный выход гранитов. Часть курганов пристраивалась к этим природным возвышениям. Всего в основной части могильника в настоящее время зафиксировано 27 курганных насыпей (рис. 2, I). На большинстве курганов наблюдается по одному, двум и более древних грабительских углублений диаметром до 5 м и глубиной 0,1–0,25 м. Кроме этого на всей площади мо-

7. Миняев, С. С. Сюнну [Текст] / С. С. Миняев // Природа. – 1986. – № 4. – С. 42–53.
8. Руденко, С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы [Текст] / С. И. Руденко. – М. ; Л. : Академия наук СССР, 1962. – 117 с.

УДК 902.01

Боталов Сергей Геннадьевич

Южно-Уральский филиал Институт истории и археологии УрО РАН

Лукиных Андрей Александрович

Челябинский областной краеведческий музей

Тидеман Елена Валерьевна

Археологический научный центр

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС МОГИЛЬНИКА УЕЛГИ – НОВЫЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАМЯТНИК В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Статья рассказывает о новом средневековом памятнике Уелги IX–XI вв., исследованном на территории Челябинской области. Впервые публикуются уникальные материалы из этого погребального комплекса.

Ключевые слова: Уелги, мадьяры, эпоха средневековья Южного Зауралья.

Могильник Уелги впервые был выявлен в мае 2009 г., благодаря информации поисковиков И. Мирowego и С. Ханова, производивших на нём самовольные изыскания. Памятник расположен в 2,5 км северо-северо-восточнее от с. Канзафарова (Кунашакский район Челябинской области) и в 8 км северо-западнее от пос. Кунашака. Он занимает серию останцёв межозёрной террасы юго-восточного берега оз. Сайгерлы и западного берега оз. Уелги. Основная часть некрополя занимает останец размером 120 x 300 м высотой до 3–4 м (от уреза воды оз. Сайгерлы)¹ (рис. 1, I, II).

В целом, территория археологического памятника представляет собой обширное степное пространство с локальными низменными заболоченными и обводнёнными участками (суффузионные просадки), чередующимися с холмами. Рельеф представляет собой почти плоскую слабо волнистую равнину, окружённую с севера, юга и востока лесными массивами в пределах высотных отметок 170–180 м. Основную ландшафтную составляющую микрорайона, в котором расположен могильник, представляет береговая система озера Уелги. Его западный берег как у подавляющего большинства зауральских озёр высокий, а восточный и южный – низкий, болотистый. Однако в отличие от причелябинских озёр (Синеглазово, Смолино, Сарыкуль, Дуванкуль и др.), на севере области эта особенность является слабо выраженной. К тому же к средней части западного берега озера примыкает болотистая низменность, в километре к западу от береговой линии она переходит в озеро Сайгерлы, а далее на северо-запад продолжается болотистой протокой, переходящей в небольшие речушки. Одна у них впадет с северо-запада в озеро Уелги.

Все насыпи курганов сложены из земли, однако в некоторых из них (№ 1, 7, 17) наблюдаются камни, вероятно представляющие собой естественный, природный выход гранитов. Часть курганов пристраивалась к этим природным возвышениям. Всего в основной части могильника в настоящее время зафиксировано 27 курганных насыпей (рис. 2, I). На большинстве курганов наблюдается по одному, двум и более древних грабительских углублений диаметром до 5 м и глубиной 0,1–0,25 м. Кроме этого на всей площади мо-

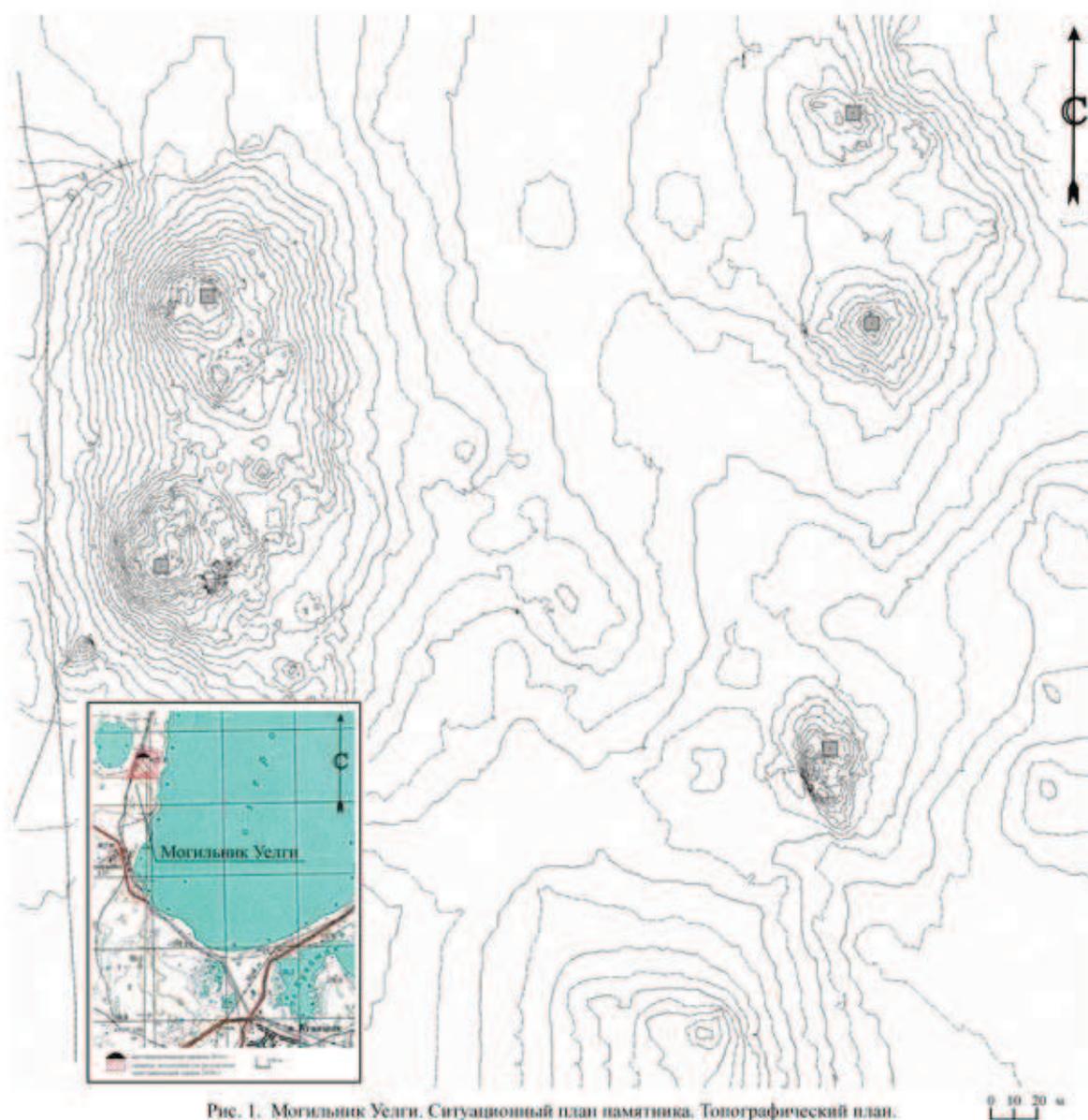

Рис. 1. Могильник Уелги. Ситуационный план памятника. Топографический план.

гильника наблюдаются небольшие (штыковые) закопушки современных поисков. Анализируя район подъёмных сборов и вещевой инвентарь, собранный в ходе самовольных сборов и раскопок, можно сделать предварительные выводы. По всей видимости, западная часть могильника является более ранней и может быть отнесена к VIII–IX вв. Это связано с тем, что на вершине останца в поверхностных слоях курганов и межкурганых пространств в подавляющем количестве были обнаружены предметы поясной и уздечной гарнитуры, аналоги которым встречаются в комплексах раннего средневековья. Однако в восточной части могильника они фактически отсутствуют, здесь в подавляющем количестве присутствовали железные наконечники стрел и предметы конской упряжи. Кроме того, в удаленной юго-восточной части в 90–100 м к востоку от подножия останца были обнаружены до 5-ти (точной цифры выяснить не удалось) серебряных аббасидских дирхем. Здесь располагаются распаханые насыпи курганов № 26 и 27. Судя по внешнему облику, подобные монеты могут быть отнесены к монетам аббасидов от 287 до 331 года Хиджиры (900–944 гг.) (рис. 4), то есть с рубежа IX–X до середины X вв. Учитывая факт запаздывания попадания монет в погребение (от 50 до 80 лет), вероятнее всего эту часть могильника можно датировать X–XI вв. (рис. 5).

Стационарные исследования были продолжены в июне–августе 2010 года. В качестве основного объекта изучения были выбраны курганы № 1 и 2. В ходе исследований было выявлено 8 погребений и 16 ям различного происхождения и назначения. При исследовании кургана № 1 было зафиксировано 6 погребений (№ 2, 3, 5, 6, 7, 8) (рис. 2, II). Указанные объекты концентрируются в центральной части раскопа. Однако погребения № 3 и № 5 расположены на периферии. Кроме того, в северной части раскопа, на завершающем этапе исследований было обнаружено погребение № 8, которое, по всей видимости, не является единым комплексом с остальными захоронениями, располагавшимися под насыпями исследованной части могильника. Под насыпью кургана № 2 располагалось 2 погребения (№ 1 и 4), а также яма № 2. Анализируя планиграфическую и стратиграфическую картину, а также особенности распространения вещевого инвентаря, можно заключить, что большая часть погребений разграблена. Единичными комплексами можно считать погребения № 2, 5 и 8, где следов современного нарушения культурного слоя выявлено не было. Большинство ям, исследованных в прошедшем полевом сезоне, являются остатками грабительских шурфов, за исключением № 1, 2, 15, 16. По всей видимости, яма № 1 представляет собой площадку, на которой расположена могильная яма № 5. Погребение № 4 расположено в заполнении ямы № 2, которая может быть датирована VI тыс. до н.э. по вещевому инвентарю: ножевидные пластины и отходы каменной индустрии, фрагменты керамики, орнаментированные волнистыми линиями, выполненными в прочерченной технике. Ямы № 15 и 16 располагаются в непосредственной близости от погребения № 8. Анализ стратиграфии и заполнения объектов позволяет говорить о одновременности их происхождения.

На наш взгляд, наиболее информативными материалами являются комплексы погребений № 2, 5 и 8. Приведём описание перечисленных объектов.

Погребение № 2. Расположено в северо-западной части раскопа под насыпью кургана № 1 на участке Ж/4 в северо-восточном углу на относительной глубине «+54» – «+43» (уровень «–40» – «–60» от дневной поверхности). Скелет лежит на каменной обкладке, ориентированной по линии ССВ–ЮЮЗ, головой на ЮЮЗ. Кости сильно деформированы, отсутствует кисть правой руки, несколько рёберных костей, лобная часть черепа также деформирована, отсутствует верхняя челюсть. Кроме того, отсутствуют ступни ног, судя по структуре кости, деформации произошли при жизни усопшего, либо были отчленены после смерти. У бедренной кости левой ноги обнаружен обломок железного наконечника стрелы, ниже располагается металлическое изделие (рис. 3). В тазовой области обнаружены сильно коррозированные железные удила. С правой стороны в районе шейных позвонков обнаружена бусина из зелёной пасты со сквозным отверстием и орнаментом в виде крупных желобков. В районе тазовых костей обнаружен металлический предмет треугольной формы в сечении, с фрагментами дерева (наконечник стрелы). Вдоль юго-восточного края могильной ямы от тазовой до берцовой кости располагался сильно коррозированный металлический предмет (сохранить не представлялось возможным) прямоугольной формы со скосом в северо-восточной части, на противоположном конце фиксировались следы деревянной обкладки. По всей видимости, эти остатки можно определить как фрагменты клинкового оружия (сабля или палаш) из сопроводительного инвентаря. Грунт в заполнении могильной ямы с включениями мелкой дресвы, с большим содержанием органики. По всей видимости, погребённый был обёрнут грубой тканью. На верхнем горизонте фиксировались скопления крупных камней, возможно, образывавшие каменный панцирь погребения.

Погребение № 5. Располагается на участках Е/4–5 на относительной глубине «+24» (на уровне «0» – «–40» от дневной поверхности) в заполнении ямы № 1. На верхних горизонтах контуры углубления не чёткие, аморфные. Однако общее заполнение отличается от материковой поверхности на данных участках меньшей плотностью. Погребение рас-

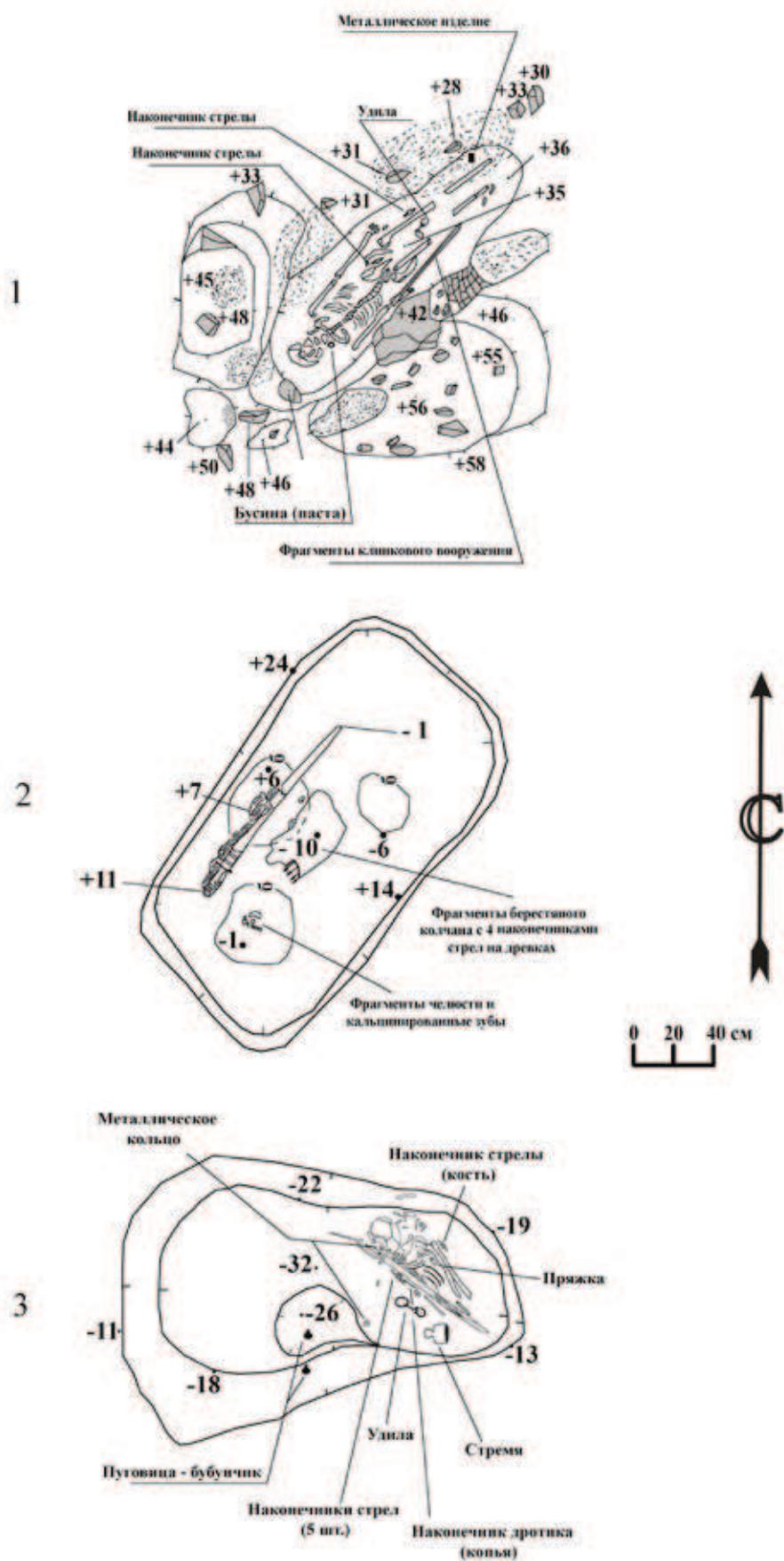

Рис. 3. Погребальный комплекс могильника Уелги. 1 - погребение № 2; 2 - погребение № 5; 3 - погребение № 8.

Рис. 4. Могильник Уелги. Аббасидские дирхемы 911 - 926 гг,
обнаруженные во II части могильника в близи курганов 26,27

положено в северо-восточной части ямы № 1, в виде углубления прямоугольной формы в материковой поверхности, ориентированной в направлении ССВ–ЮЮЗ (рис. 3). Дно могильной ямы выстилала кальцинированная костная мука. В юго-западной части погребения располагались кальцинированный обломок человеческой челюсти, а также коренные зубы и их обломки. К югу от челюсти фрагмент охры. В западной части ямы у борта – фрагмент кости, охра и коренной зуб человека. Отдельного описания заслуживает вещевой инвентарь погребения. В западной части обнаружена сабля, помещенная в деревянные ножны, покрытые кожей с серебряным наконечником. Перекрестье прямое, слегка выгнутое в сторону лезвия, с шаровидными окончаниями. На рукояти сохранились два серебряных навершия с растительным орнаментом, фрагменты деревянной обкладки и скрепляющий металлический шпенёк. На ножнах сохранились серебряные петли, выполненные из серебряных пластин, а также две металлические петли щитовидной формы, покрытые серебряными пластинами с орнаментом в виде концентрических кругов. Весь комплекс покрывали крупные фрагменты дерева. По всей видимости, они являются остатками футляра (кофра). К востоку от сабли в центральной части погребения находился берестяной колчан с четырьмя железными черешковыми наконечниками стрел. В процессе извлечения артефактов выяснилось, что колчан лежал лицевой стороной на материке, которая была украшена ромбическим орнаментом, выполненным тонкими кожаными ремешками. Кроме того, на ремне были обнаружены серебряная накладка, наконечник ремня и пряжка. В центральной части погребения в слое костной кальцинированной муки располагалось металлическое портупейное кольцо.

Погребение № 8. Располагалось на участке 3–И/3 на относительной глубине «–11» – «–32» (на уровне «–40» – «–60» от дневной поверхности). На верхних горизонтах контуры погребения были слабо выражены в виде пятна светло-коричневой золистости гумусированной супеси, расположенного на большей площади участков. Генеральная зачистка на уровне «–60» от дневной поверхности позволила выявить контуры могильной ямы овальной формы, вытянутой по линии запад–восток. Дно погребения расположено на нижних отметках погребённой поверхности. Скелет сильно деформирован, отсутствуют кости рук, ног, рёбра, череп смещён на грудной отдел позвоночника, расположен в восточной части могильной ямы, головой ориентированный на северо–северо-запад (рис. 3). В целом, погребение можно считать преднамеренно разрушенным, так как вещевой сопроводительный инвентарь, по всей видимости, лежал «in situ». В южной части погребения были обнаружены две серебряные пуговицы-бубенчика шаровидной формы, двусоставные, с проволочной петелькой. В районе черепа и центральной части могильной ямы располагались два металлических кольца. В юго-восточной части были обнаружены железные кольчатые удила и восьмёрковидное стремя с расширенной подножкой. В районе рёберных костей лежала сильно коррозированная металлическая пряжка. В северо-восточной части могильной ямы в районе бедренных костей находился трёхгранный ассиметрично-ромбический черешковый костяной наконечник стрелы. Вдоль позвоночника в направлении ССВ–ЮЮЗ располагалась сильно коррозированная сабля со слегка отогнутой рукоятью в сторону лезвия, помещённая в деревянные ножны. Перекрестье прямое с шаровидными окончаниями. На рукояти сохранилась деревянная обкладка и крепёжный шпенёк-заклёпка. Лезвие в сечении треугольной формы, его конец слегка скошен. В непосредственной близости от сабли зафиксировано скопление черешковых металлических стрел (5 шт.), а также обломок дротика (копья) с сохранившимся черешком. В процессе извлечения антропологического материала под шейными позвонками было обнаружено серебряное изделие, представляющее собой витую проволоку (d стержня – 0,53 мм, d петли – 1,34 мм), один из концов которой загнут в виде петли, а другой, вероятно, отломлен. На петельке и части стержня сохранились остатки ткани. По всей видимости, это следы одежды или факт того, что погребённый был обернут тканью.

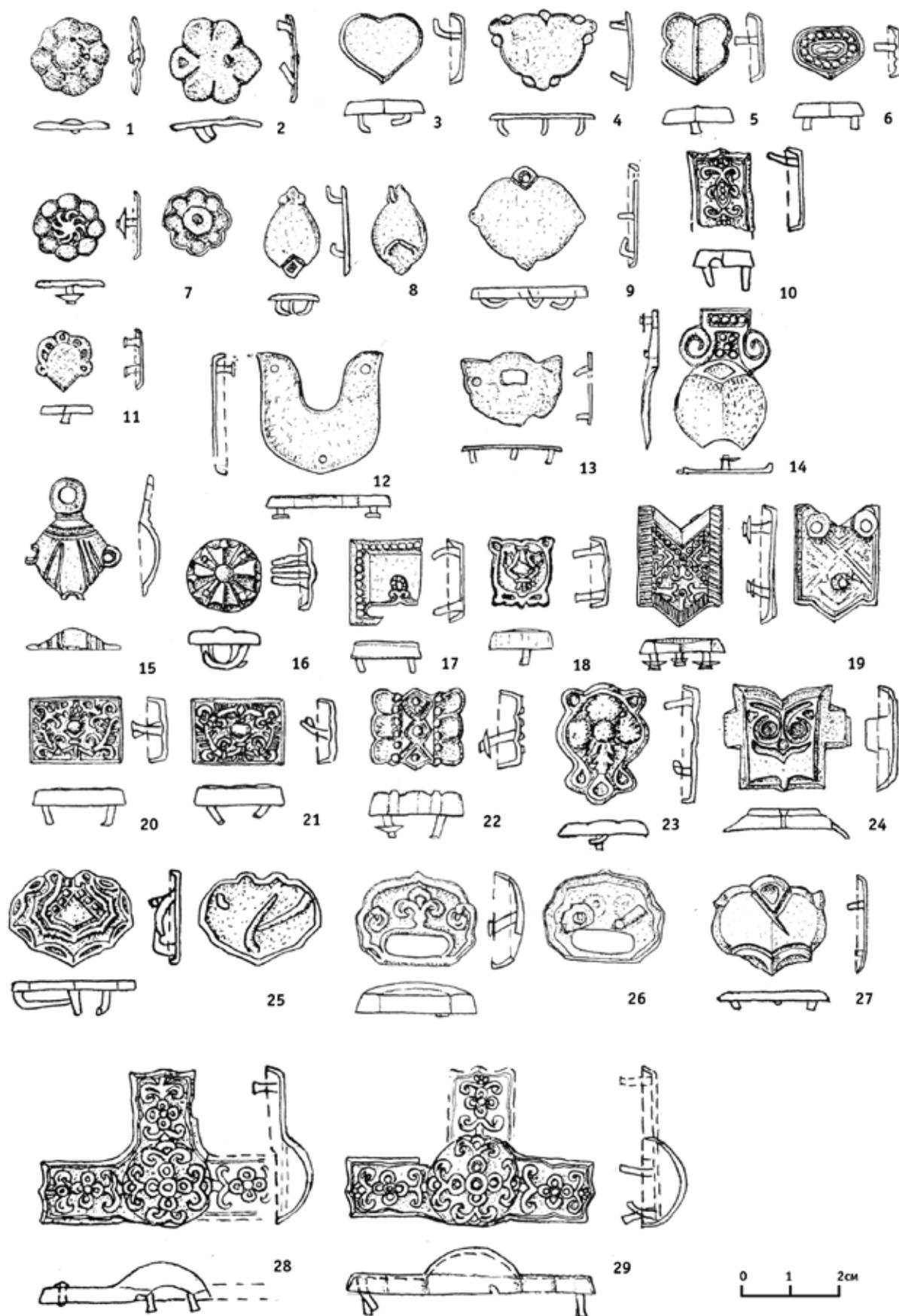

Рис. 5. Могильник Уелги. Предметы обнаруженные поисковиками в результате поверхностного сбора. 1-29 серебро. (графика)

Рис. 6. Могильник Уелги. Предметы обнаруженные поисковиками в результате поверхностного сбора. 1-29 серебро. (фото)

Полученные материалы из сборов поисковиков и в результате раскопок сегодня позволяют сделать лишь самые предварительные наблюдения по культурно-хронологической принадлежности погребенных в Уеглинском комплексе. Предметы ременной гарнитуры, полученные в курганах первой группы, расположенных на возвышенной части памятника, содержат определенную часть артефактов (неорнаментированные накладки с прорезью для подвешивания ремня, сердцевидные с округлой выемкой, листовидные подвески, лунцевидные и билунцевидные (зооморфные) накладки и др.), которые имеют прямые аналогии в памятниках IX–X вв. Башкортостана и Южного Зауралья [2. С. 318–334; 6. С. 30–130]. Еще одну группу предметов составляют поясные, сбруйные и другие серебряные накладки и украшения, богато украшенные растительным орнаментом и имеющие золотое амальгамирование поверхности. Эти образцы весьма схожи с аналогичными предметами из отдельных погребений кочевой аристократии, исследованных в Каранаевских и Синеглазовских курганов Южного Урала [6. С. 105–119; 9. С. 37–39; 10. С. 163–168], а также в Больше-Тиганском могильнике (Поволжье) [12] и кочевнических комплексов Поиртышья, Центрального Казахстана [8. С. 302; 11. С. 115–246] и Алтая [4. Табл. 50, 62, 82; 7. Рис. 32, 47, 48, 54, 57, 85, 86, 91, 129, 131, 138, 171, 174, 205, 206, 209, 213]. Наряду с этим среди предметов этой категории существует ряд прямых аналогий в материалах Карпатской котловины периода «Обретение Родины» [13. С. 84, 170, 213, 235, 304, 375, 413, 414] (рис. 5, 6).

С определенной осторожностью рассматриваемую группу комплексов, откуда происходит основная часть материалов ременной гарнитуры, можно отнести к самому концу IX–X вв. Материалы, полученные поисковиками в нижней (восточной–юго-восточной) части комплекса, основную массу которых составляют предметы конской узды и вооружения, вероятно можно отнести к более позднему периоду X–XI вв. По своему культурному облику эти материалы наиболее близки комплексам из Синеглазовских курганов, исследованных Н. К. Минко и С. А. Гатцука [1], а также синхронные с позднесроткинскими памятниками Алтая X–XI вв. [3. С. 99–164].

Широкий спектр аналогий, полученных на сегодняшний день материалов, усложняет определение этнокультурной принадлежности уеглинских горшков и разрозненные фрагменты керамики более чем от пяти сосудов и позволяют говорить, что в целом они представляют собой типологический комплекс позднекушнаренковско-караякуповского облика (тонкостенность, гребенчато-прочерченная зональная орнаментация). Однако наличие в этой серии горшков со шнуровой орнаментацией, сосудов с ушками и большая примесь талька в тесте, указывает на сильное влияние со стороны лесного, вероятно петрогромского культурного ареала. Хотя следует заметить, что подобные культурные взаимовлияния кочевого и лесного-таёжного населения – носителей шнуровой керамики наблюдаются и в комплексах некоторых могильников Башкортостана [5]. Определенную сложность в этнокультурной интерпретации памятника играет и наличие такого яркого элемента погребальной обрядности как трупосожжение. Думается, что дальнейшее исследование комплекса, накопление материалов и дополнительной информации позволит приблизиться к решению вопросов, связанных с этнокультурной интерпретацией данного населения.

Примечание

* Авторы благодарят находчиков за своевременную информацию о памятнике и последующее содействие в сборе ранее обнаруженного материала в единую коллекцию.

Список литературы

1. Боталов, С. Г. Курган у оз. Синеглазово (по раскопкам Н. К. Минко и С. А. Гатцука) [Текст] / С. Г. Боталов // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1987.
2. Боталов, С. Г. Поздняя древность и средневековье [Текст] / С. Г. Боталов // Древняя история Южного Зауралья : коллект. монография : в 2 т. Т. 2. – Челябинск, 2000. – С. 207–430.

3. Грязнов, М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка [Текст] / М.П. Грязнов. – МИА. – № 48. – М.; Л., 1956. – С. 99–164.
4. Кубарев, Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников) [Текст] / Г. В. Кубарев. – Новосибирск : Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. – 400 с.
5. Мажитов, Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. [Текст] / Н. А. Мажитов. – М. : Наука, 1977. – 240 с.
6. Мажитов, Н. А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. [Текст] / Н. А. Мажитов. – М. : Наука, 1981. – 163 с.
7. Могильников, В. А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках [Текст] / В. А. Могильников. – М. : Наука, 2002. – 362 с.
8. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР [Текст]. – М., 1981. – 302 с.
9. Стоколос, В. С. Сокровища озера Синеглазово [Текст] / В. С. Стоколос // Уральский следопыт. – 1961. – № 4. – С. 37–39.
10. Стоколос, В. С. Курган на озере Синеглазово [Текст] / В. С. Стоколос // Археология и этнография Башкирии. Т. 1. – 1962. – С. 163–168.
11. Трифонов, Ю. И. Памятники средневековых кочевников [Текст] / Ю. И. Трифонов // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата : Наука, 1987. – С. 115–246.
12. Халикова, Е. А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья [Текст] / Е. А. Халикова // СА. – 1976. – № 3.
13. A Nonfoglaló Magyarország. Kiállítási katalógus. – Budapest : Magyar nemzeti múzeum, 1996. – 477 с.

УДК 902.01

Вадим Сергеевич Мосин

Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН

ПОЯВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА НА УРАЛЕ: ВРЕМЯ И ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ

Начало заселения территории Урала связано с важнейшими событиями в истории человечества, которые можно назвать Великими переселениями. Первая волна, связанная с распространением галечных орудий около 1 млн лет назад, прошла южнее и, вероятно, не затронула территорию Урала. Появление человека на уральских землях связано со второй волной, прокатившейся из Передней Азии около 450–350 тыс. лет назад. Местонахождения комплексов культуры с бифасами, связанной с этой волной расселения, были найдены в Мугоджарах, которые являются южной оконечностью Уральской горной системы, и затем на указанных местонахождениях Урала. Это время было очень благоприятным для проживания древнего человека.

Ключевые слова: Урал, древний человек, межледниковье, поздний ашель, бифасы, климат, ландшафт.

Хронология событий, происходивших на Урале в эпоху камня, построена на фундаменте применения нескольких методов. Это анализ стратиграфии, включающей в себя литостратиграфию, основанную на изучении литологических особенностей геологических пластов, биостратиграфию, анализирующую содержащиеся в отложениях ископаемые остатки и хроностратиграфию, основанную на данных об их возрасте. Для абсолют-

3. Грязнов, М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка [Текст] / М.П. Грязнов. – МИА. – № 48. – М.; Л., 1956. – С. 99–164.
4. Кубарев, Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников) [Текст] / Г. В. Кубарев. – Новосибирск : Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. – 400 с.
5. Мажитов, Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. [Текст] / Н. А. Мажитов. – М. : Наука, 1977. – 240 с.
6. Мажитов, Н. А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. [Текст] / Н. А. Мажитов. – М. : Наука, 1981. – 163 с.
7. Могильников, В. А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках [Текст] / В. А. Могильников. – М. : Наука, 2002. – 362 с.
8. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР [Текст]. – М., 1981. – 302 с.
9. Стоколос, В. С. Сокровища озера Синеглазово [Текст] / В. С. Стоколос // Уральский следопыт. – 1961. – № 4. – С. 37–39.
10. Стоколос, В. С. Курган на озере Синеглазово [Текст] / В. С. Стоколос // Археология и этнография Башкирии. Т. 1. – 1962. – С. 163–168.
11. Трифонов, Ю. И. Памятники средневековых кочевников [Текст] / Ю. И. Трифонов // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата : Наука, 1987. – С. 115–246.
12. Халикова, Е. А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья [Текст] / Е. А. Халикова // СА. – 1976. – № 3.
13. A Nonfoglaló Magyarország. Kiállítási katalógus. – Budapest : Magyar nemzeti múzeum, 1996. – 477 с.

УДК 902.01

Вадим Сергеевич Мосин

Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН

ПОЯВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА НА УРАЛЕ: ВРЕМЯ И ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ

Начало заселения территории Урала связано с важнейшими событиями в истории человечества, которые можно назвать Великими переселениями. Первая волна, связанная с распространением галечных орудий около 1 млн лет назад, прошла южнее и, вероятно, не затронула территорию Урала. Появление человека на уральских землях связано со второй волной, прокатившейся из Передней Азии около 450–350 тыс. лет назад. Местонахождения комплексов культуры с бифасами, связанной с этой волной расселения, были найдены в Мугоджарах, которые являются южной оконечностью Уральской горной системы, и затем на указанных местонахождениях Урала. Это время было очень благоприятным для проживания древнего человека.

Ключевые слова: Урал, древний человек, межледниковье, поздний ашель, бифасы, климат, ландшафт.

Хронология событий, происходивших на Урале в эпоху камня, построена на фундаменте применения нескольких методов. Это анализ стратиграфии, включающей в себя литостратиграфию, основанную на изучении литологических особенностей геологических пластов, биостратиграфию, анализирующую содержащиеся в отложениях ископаемые остатки и хроностратиграфию, основанную на данных об их возрасте. Для абсолют-

ного датирования применяются методы радиоуглеродного (AMS и конвенционального) и термолюминисцентного, в модификации OSL. При реконструкции палеогеографической ситуации используются методы палинологического (споро-пыльцевого) анализа, палеозоология и другие палеонтологические методы [3; 5; 9; 12].

Появление древнего человека на территории Урала по современным археологическим и геологическим данным можно связывать со средним звеном неоплейстоценового раздела четвертичного периода, т. е. средним плейстоценом. Средний плейстоцен на Урале делится на сылвицкий межледниковый горизонт и среднеуральский надгоризонт, который объединяет вильгортский, ницинский и леплинский горизонты [23]. По археологической периодизации это заключительные этапы раннего палеолита – позднеашельское время и начало среднего палеолита – мустье. Поскольку датировка археологических материалов палеолита в большой степени связана с условиями их залегания в тех или иных геологических горизонтах, необходимо остановиться на некоторых общих характеристиках плейстоцена.

Главными закономерностями в изменениях природной среды являются: направленность, ритмичность, цикличность и метахронность (местная индивидуальность). Общая направленность похолодания с конца эоплейстоцена и в неоплейстоцене проявляется в понижении температуры межледниковий и оледенений, которая к заключительным этапам – поздневалдайскому в Восточной Европе и сартанскому в Западной Сибири, привело к термическому минимуму, сопровождавшемуся глубокой аридизацией. Ритмичность изменений природной среды и климата четко фиксируется в повторных чередованиях похолоданий и потеплений, обусловленных орбитальными факторами и изменениями солнечной активности. Разработанная для территории Восточно-Европейской равнины геохронологическая шкала позволяет реконструировать смену 17 глобальных климатических событий – девяти межледниковий и восьми разделяющих их оледенений или похолоданий ледникового ранга. Близкие по содержанию, но не всегда, в силу метахронности, совпадающие по хронологии процессы характерны и для Урало-Сибирского региона (таблица 1). Еще одной главной закономерностью является цикличность, в которой циклами именуется периоды с завершенными природными процессами. На основе палинологических исследований наиболее явно выражены два типа циклов в развитии растительности и климата – на протяжении одной межледниковой и одной ледниковой эпох и более длительные, охватывающие четыре межледниково-ледниковые пары. Сходство орбитальной конфигурации, глобального климата, региональных климатических режимов и других палеогеографических параметров позволяет сделать вывод о том, что палеогеографическим аналогом голоцена является лихвинский термохрон. Большой цикл по продолжительности составляет около 450 тыс. лет и корреляционные исследования показывают, что голоцен, как и его аналог – лихвинское межледниковье может иметь продолжительность около 95 тыс. лет. Характеристику развития растительности и климата на протяжении лихвинского межледниковья можно рассматривать в качестве аналоговой модели их изменений в предшествующие и будущие стадии голоцена. К настоящему времени голоценовый климатический ритм миновал лишь термоксеротическую стадию и в последующие тысячелетия, вероятно, можно ожидать наступления термогигротической стадии с более теплым и влажным климатом, чем в климатический оптимум атлантического периода голоцена. Например, в горизонтах, сопоставимых с лихвинским в Восточной Европе, сылвицким на Урале и тобольским в Западной Сибири межледниковьем, встречены теплолюбивые среднеазиатские пресноводные моллюски, в частности, корбикулы, современное распространение которых ограничено среднегодовой температурой +16 градусов по Цельсию. Эти моллюски гибнут, если температура около нуля держится более недели, следовательно, ледовый режим на реках Урала и Западной Сибири в это время отсутствовал [3; 4; 9. С. 22–55; 12; 23. С. 26, 109].

Свидетельством появления древнего человека, вероятно, еще *Homo erectus/ergaster*, на Урале в среднем плейстоцене, подтвержденного геостратиграфическими данными, является местонахождение Ельники II, расположенного на р. Сытва в 0,9 км западнее дер. Ельники Пермского района Пермского края [16. С. 44–46, 162; 17. С. 35; 18]. В цоколе III террасы реки, на контакте сине-серой глины с вышележащим слоем были обнаружены два артефакта – чоппинг и отщеп. Явным указанием на ранний возраст местонахождения служит находка остатков трогонтериевого слона, время существования которого относится к среднему плейстоцену.

С большой долей уверенности можно отнести к среднему плейстоцену позднеашельский бифас со стоянки Краснокаменка [15. С. 68–69] и несколько артефактов со стоянки Мысовая на Южном Урале [2]. Данные материалы входят в широкий круг позднеашельских памятников с леваллуазской системой расщепления и бифасами Казахстана, Южной Сибири, Таджикистана, Узбекистана, Монголии и датируются возрастом около 300 тыс. лет назад [8. С. 24–28; 10. С. 20–36].

Еще четыре бифаса зафиксированы на территории Гальянской стоянки, расположенной на северо-восточном склоне горы Голый камень (юго-западная окраина г. Нижний Тагил). На поверхности склона было собрано около 100 предметов из кремневого туфа, покрытых патиной толщиной до 2 мм: преформы, нуклеусы, скребла и отщепы, относящихся, вероятно, к различным периодам раннего и среднего палеолита [20; 22]. Предположительно ашельский возраст артефактов пока не подтвержден.

Вид *Homo erectus / ergaster* – человек прямоходящий / трудящийся, с которым связаны ашельские каменные индустрии, впервые был обнаружен в Азии и имел названия – питекантроп (прямоходящий обезьяночеловек), яванский человек, пекинский синантроп. Сейчас все эти виды относят к виду эректус-эргастер. Древнейший и наиболее полный скелет *Homo erectus* был найден в Восточной Африке, его возраст примерно 1,6 млн лет. По сравнению с предшествующими видами человек прямоходящий / трудящийся претерпел важные изменения. Объем мозга составил уже 880–1100 куб. см, в увеличении объема мозга проявилась ведущая тенденция эволюции этого вида. Некоторые взрослые особи этого вида достигали роста 1,8 м, а веса 60–65 кг. Основное направление отбора на этой стадии эволюции выражалось в приспособлении к усложнению трудовой деятельности. Несмотря на возросший объем мозга, речевой аппарат эректуса был, вероятно, слабо развит, а количество издаваемых звуков ограничено. По сравнению с предшествующими видами у человека прямоходящего / трудящегося была более выражена способность осваивать новые экологические условия, что способствовало росту численности населения. Представители этого вида изготавливали разнообразные орудия, наиболее эффективными среди них были двусторонние формы – бифасы. Получили дальнейшее развитие охотничьи навыки. Судя по наличию угля на различных стоянках? представители этого вида широко пользовались огнем и, вероятно, могли готовить на нем пищу. Развивается и структура древних поселений, включающая жилища, очаги и другие конструкции. Этот вид древнего человека существовал примерно до 200 тыс. лет назад.

Начало заселения территории Урала связано с важнейшими событиями в истории человечества, которые можно назвать Великими переселениями. Около 2–1,8 млн лет назад часть «прямоходящей – трудящейся» массы *Homo ergaster-erectus* вышла из своей колыбели за пределы Африки, что положило начало заселению человеком почти всей планеты. Распространение древнейших людей было разделено на два потока Тибетом и Гималаями. Южный через Пакистан, Индию достиг Восточной и Юго-Восточной Азии около 1 млн лет назад. Северная миграционная волна обошла Гималаи и Тибет с севера и проникла в Центральную Азию. Наиболее ранние местонахождения, относящиеся к этому периоду, зафиксированы в Таджикистане, Южном Казахстане и на Алтае. Орудийный набор первых переселенцев включал чопперы, чоппинги, орудия с носиком, га-

Таблица 1

Хроностратиграфия плейстоцена

		Восточно-Европейская равнина		Урал	Западная Сибирь						
10000	Валдайское опеденение	Поздневалдайский	Поздний дриас	Горбуновский	Зырянский	Сартанский	10200	Верхний			
10800			Аллеред	Полярно-уральский			Норильский стадиал		11400		
11800			Средний дриас						Таймырский межстадиал	11800	
12400			Бёллинг						Стадиал	12200	
13200			Ранний дриас						Кокоревский межстадиал	13000	
17000		Межстадиал	Ньяланский стадиал			15500					
23000		Стадиал	Межстадиал	16000							
50000		Средневалдайский	Межстадиал	Невьянский		Липовско-новоселовское потепление	Каргинский		30000	Средний	
			Стадиал						Коношельское похолодание		33000
			Межстадиал						Малохетское потепление		43000
	Стадиал		Стадиал		45000						
	Межстадиал		Межстадиал		55000						
70000	Ранневалдайский	Межстадиал	Ханмейский	Ермаковский	Ермаковский стадиал	110000	Неоплейстоцен				
		Стадиал						130000			
		Межстадиал									
		Стадиал									
		Межстадиал									
Стадиал											
145000	Микулинское межледниковье		Стрелецкий	Казанцевское межледниковье		130000	Средний				
200000	Днепровское опеденение		Леплинский	Тазовский ледниковый		170000					
			Ницинский	Ширтинский межледниковый		190000					
			Вильгортовский	Самаровский ледниковый		260000					
455000	Лихвинский надгоризонт	235 Черепетьское межледниковье	Сыльвицкий	Тобольский межледниковый		427000					
		280 Жиздринское похолодание									
		340 Чекалинское межледниковье									
535000	Лихвинское межледниковье		Карпийский	Шайтанский	Низямский	550000					
	Окский ледниковый				Тильтимский						
	Беловежский межледниковый				Чернореченский		Азовский	600000			
610000	Донской ледниковый		Лозьвинский			660000	Нижний				
780000	Ильинский надгоризонт	Межледниковый	Батуринский	Талагайский	Мансийский	800000					
		Ледниковый	Тыньинский								
800000	Межледниковый		Миасский	Горнофиленский							
1800000	Эоплейстоцен		Сарыкульский				Плейстоцен				
			Чумлякский								
			Увельский								

лечные скребла и т. д. Типологически эта галечная индустрия в своей основе относится к олдувайской. Вся история и развитие культуры в Восточной, Юго-Восточной, Южной и Центральной Азии были связаны с близкими по своим физическим данным представителями Homo erectus [7]. Серьезных научных фактов, говорящих о том, что первая волна переселения дошла до Южного Урала, пока нет, хотя и полностью исключить такой вариант нельзя. Местонахождения этого времени зафиксированы на Алтае, возможно, что первопроходцев могли привлечь и благоприятные для охоты и проживания предгорья Урала.

Продвижение второй миграционной волны в Евразию началось уже с Ближнего Востока около 450–350 тыс. лет назад. Это было распространение древнего населения, которое использовало орудия позднеашельской индустрии с леваллуазской техникой и бифасами. Местонахождения комплексов культуры с бифасами, связанной с этой вол-

ной расселения, были найдены в Мугоджарах, которые являются южной оконечностью Уральской горной системы, и на указанных местонахождениях собственно Урала.

Позднеашельский археологический период соответствует сылвицкому стратиграфическому горизонту на Урале, который в силу метахронности частично совпадает с лихвинским на Восточно-Европейской платформе и тобольским на Западно-Сибирской равнине (таблица 1) [23. С. 8]. Рассмотрим, какие же природные условия сопровождали появление первого человека на Урале.

Лихвинское (тобольское) межледниковье пришло на смену окскому оледенению и характеризовалось благоприятным климатом, широким распространением лесных ландшафтов весьма экзотического, в сравнении с современными, состава. Это межледниковье продолжительнее всех последующих, и для него характерны неоднократные смены ландшафтов. До недавнего времени считалось, что лихвинское межледниковье представлено одним климатическим оптимумом. Теперь появились данные о двух оптимумах, разделенных похолоданием. Наиболее теплым и, вероятно, более продолжительным был нижний оптимум, в течение которого здесь были смешанные хвойно-широколиственные леса. В их состав входили ель, пихта, дуб, граб, бук, липа и другие теплолюбивые породы. Временами были даже буково-грабовые леса. Небезынтересно, что среди водных растений Лихвинского и ряда других разрезов определено много теплолюбивых экзотов, произрастающих ныне в областях с более теплым и влажным климатом (сальвиния, наяды, альдрованда, бразения и др.). Они определены по пыльце и макроостаткам. Некоторые из них относятся к вымершим видам. Все это указывает на значительно более теплый и более влажный климат. Наиболее типичными животными были древний лесной слон, носорог Мерка, сибирский эласмотерий, лошади, большеерогие и благородные олени и др. [21].

В сылвицкое (лихвинское, тобольское) время на Урале не было резко выраженной климатической зональности. Сходными были также условия осадконакопления в разных структурно-фациальных зонах. Поэтому осадки рассматриваемого времени уверенно выделяются в большинстве разрезов. В лихвинское время на восточном склоне формируется современная гидросеть, наличие пыльцы широколиственных пород предполагает теплый климат [14]. Палинологический комплекс оптимума сылвицкого межледниковья известный по скважинам в долинах рек Уй, Миасс, Исеть и Пышма – лесного типа и позволяет реконструировать елово-березово-сосновые массивы с теплолюбивыми деревьями: дуб, вяз, лещина, липа и разнотравно-папоротниковым покровом. К этим же отложениям приурочены и находки раковин, упоминавшихся уже теплолюбивых среднеазиатских моллюсков корбикул [23].

В Сибири эта эпоха называется тобольским межледниковьем. На севере оно представлено морскими, а в центральных и южных районах – аллювиальными и озерными отложениями. В это время здесь шло формирование широких речных долин, наследуемых крупными современными реками. В Западной Сибири тобольский горизонт представлен аллювием, содержащим споро-пыльцевые спектры лесного типа [12]. В аллювии известны остатки древнего слона и широколобого лося – типичных лесных обитателей. В тобольском аллювии Иртыша также встречаются раковины тепловодного моллюска корбикула (*Corbicula fluminalis*).

Судя по находке на местонахождении Ельники II остатков трогонтериевого слона, в это время в Прикамье существовали открытые степные ландшафты, для которых этот вид считается индикаторным [13]. На территории Восточной Европы трогонтериевый слон входит в состав среднелепистоценового тираспольского териокомплекса [1].

Основная особенность лихвинского (сылвицкого, тобольского) межледниковья состоит в том, что климат тогда был теплее и влажнее современного. Этим было обусловлено широкое распространение лесных ландшафтов богатого видового состава. Особенно

примечательно произрастание теплолюбивых экзотов, но широкое распространение они имели лишь в европейской части. В Западной Сибири их уже нет или они представлены локально и небольшим числом видов. Эта эпоха была благоприятна для обитания древних людей на территориях вплоть до центральных районов Урала.

Следующим в природном цикле было максимальное – днепровское на Восточно-Европейской равнине, самаровское – в Западной Сибири оледенение, льды которого занимали огромные площади, проникая далеко на юг Русской и Западно-Сибирской равнин. Многие палеогеографические особенности днепровского оледенения выяснены плохо. Это касается, в частности, климата, растительности и фауны [21].

Растительность днепровской эпохи известна главным образом по палинологическим материалам. Чрезвычайно широко распространялась перигляциальная растительность, сходная с той, которая была в нижнем плейстоцене. Зональные и провинциальные различия проявлялись слабо. Наибольшие пространства были заняты тундростепями. В их составе видную роль играли лебедовые, полыни, злаки. Типичными были карликовая береза, полярная ива, куропаточья трава, морощка, арктические виды плаунов и др. Характерно и широкое распространение растений засоленных грунтов (солянка, солерос и др.). По речным долинам и их склонам участками произрастали береза, лиственница, сосна и др. Южнее распространялись перигляциальные степи, существование лесных ландшафтов допускается лишь в Казахстане. В первую половину эпохи климат был холодным и влажным, а во вторую – холодным и сухим.

На Урале вторая половина среднего плейстоцена представлена среднеуральским надгоризонтом, который объединяет вильгортский и леплинский ледниковые горизонты и ницинский межледниковый (таблица 1). Сложно построенные ледниковые образования картируются единой ледниковой толщей. Перигляциальные отложения очень редко разделены погребенной почвой, синхронной ницинскому межледниковому горизонту. Стратотипические разрезы среднеуральской озерно-аллювиальной свиты изучен по серии скважин на меридиональном отрезке Тобола от устья р. Убаган и в низовьях рек Тавды, Туры, Исети, а также на обнажениях р. Колвы в Пермском крае и р. Ницца в Свердловской области. Для вильгортского горизонта палинологические спектры характеризуют лесотундровый ландшафт с луговым разнотравьем и отражают холодные и влажные условия. По лесостепным споро-пыльцевым спектрам ницинского межледникового горизонта реконструируются смешанные елово-сосново-березовые лесные массивы с пихтой, ольхой и лугостепными участками. Леплинский горизонт характеризуют спектры открытых ландшафтов холодных перигляциальных степей с мамонтовой фауны раннего типа [23].

В целом для этого периода плейстоцена фауна млекопитающих представлена хазарским и верхнепалеолитическим комплексами, в составе которых много обитателей открытых и холодных ландшафтов. Типичными представителями хазарского комплекса были трогонтериевый слон, длиннорогий бизон, сайга, шерстистый носорог, северный олень, верблюд Кноблоха. Все они имели широкое распространение, не исключено, что эта фауна обитала и в лихвинскую эпоху. Хазарская фауна сменяется верхнепалеолитической. Ее часто называют еще мамонтовой, так как мамонт особенно показателен для этой фауны. Обычно считается, что верхнепалеолитическая фауна появилась в эпоху московского оледенения, но уже в первую половину днепровской эпохи все типичные ее представители, в том числе, мамонт, лемминг, северный олень и др., встречаются довольно часто. Однако наиболее широкое распространение они получили уже в верхнем плейстоцене [21].

Жил ли в таких условиях палеолитический человек на Урале – неизвестно, поскольку достоверно датированных местонахождений этой эпохи мы еще не знаем. К настоящему времени лакуна между первым и вторым появлением человека на Урале составляет около 200 тыс. лет.

Следующим этапом обживания Урала древним человеком был уже средний палеолит (мустье) – это около 100 тыс. лет назад, связанный с концом микулинского-стрелецкого-казанцевского межледниковья и началом валдайской-зырянской ледниковой эпохи. Памятники этого периода в Предуралье представлены двумя местонахождениями, расположенными в бассейне верхней Камы: нижним слоем стоянки Гарчи I и местонахождением Пещерный Лог. Стратифицированные находки среднего палеолита найдены только на стоянке Гарчи I, где в разрезе террасы вскрываются отложения верхнего и среднего плейстоцена. На глубине 3,10–3,20 м выявляется прерывистая линза с мелкими включениями угля. С этим слоем связаны находки обработанного камня и фауны. Культурные остатки среднего палеолита залегают в отложениях мезинского педокомплекса. Основание лессовидного суглинка непосредственно перекрывающего почвенные отложения имеет OSL даты: $87\ 000 \pm 3000$ и $88\ 000 \pm 3000$ лет назад. Таким образом, мезинский педокомплекс включает в себя почвы, сформированные в микулинское межледниковье и в течение ранневалдайских интерстадиалов. Каменные предметы были найдены в почвенных отложениях, нарушенных мощными мерзлотными клиньями, формирование которых относится, вероятно, ко второй фазе ярославского криогенного горизонта. По стратиграфическим данным культурный слой мустьерской эпохи, вероятнее всего, относится к заключительным фазам первого ранневалдайского интерстадиала и имеет возраст около 100 тыс. лет назад. Памятник является самым ранним мустьерским местонахождением на Урале. Геологический возраст мустьерского местонахождения у Пещерного лога не установлен. Он может быть датирован только в широких пределах: ранний – средний валдай [16. С. 47–53; 17. С. 35; 18].

Стоянка Богдановка расположена в Кизильском районе Челябинской обл., на левом берегу р. Урал, в 150 км к югу от г. Магнитогорск и в 1,5 км ниже по течению от с. Богдановка. В береговом обнажении под отложениями делювиального шлейфа, на глубине более 6 м от дневной поверхности, выявлен костеносный горизонт, который прослеживается вдоль обрыва от скалы вверх по течению реки на протяжении 60 м. Под этим горизонтом на бечевнике обнаружены кости мамонта, носорога, лошади и каменные изделия. При зачистке берегового обнажения выявлен связанный с ним культурный слой, представленный пылеватыми отложениями мощностью до 3–5 см, с включением угольков и каменных изделий. В 1989 г. проведены раскопки памятника [24; 25; 28].

Датировка стоянки проведена по данным стратиграфии. В строении отложений хорошо видны два горизонта погребенных почв, перекрытых и разделенных лёссовыми отложениями. Такое строение отложений позволяет рассматривать их как климато-стратиграфический цикл. Характеристики погребенных почв и литологических слоев позволяют провести корреляцию цикла с лёссово-почвенными и ледниковыми последовательностями юга Западной Сибири [11. С. 32–34].

Культурный слой лежит ниже слоя лёссовидного суглинка, в слое пойменных отложений, поэтому на основе стратиграфических данных его можно датировать первой половиной ермаковского времени и сопоставлять со стадией МИС-5a-b или началом МИС-4 (примерно 90–70 тыс. лет назад). На Восточно-Европейской равнине это соответствует началу формирования хотылевского лёсса [6. С. 24–32].

Из скважин в районе нахождения стоянки получены репрезентативные палиноспектры, на основе которых выполнены палеорекострукции [29. С. 268]. В послеказанцевское (послемикулинское) время здесь существовали сменявшие друг друга степные и лесостепные ландшафты. В период обитания на стоянке людей были распространены сухие степи; древесная растительность была развита в предгорьях и в долине р. Урал. Состав фауны млекопитающих подтверждает эти реконструкции. Преобладают виды, характерные для открытых ландшафтов: узкочерепная полевка, малый пещерный медведь, лошадь, бизон, северный олень, сайга. Только благородный олень указывает на произрастание в районе стоянки древесно-кустарниковой растительности [27].

Близким возрастом, на основании геостратиграфических данных, датируется часть находок на стоянке Мысовая, расположенной на оз. Карабалыкты, недалеко от стоянки Богдановка [2; 30].

На Урале стрелецкое межледниковье характеризуется стрелецкой свитой, изученной по стратотипическому разрезу на левом берегу р. Уй у с. Стрелецкое в Челябинской области, разрезу на р. Нейва в Свердловской обл., на обнажениях р. Тобол и др. [23]. Северная часть Урала в это время характеризуется таежным споро-пыльцевым спектром. В центральной части Урала господствовали ландшафты светлохвойных сосново-березовых лесов среднетаежного типа, где древостой образован сосной с участием берез, ели и ольхи, а в подлеске преобладали травянистые растения. На юге Урала и Зауралья определен лесостепной комплекс с доминированием трав и зарослями кустарников и, возможно, деревьев в поймах рек. Из отложений стрелецкой свиты известны многочисленные находки фауны крупных млекопитающих верхнепалеолитического комплекса: мамонта – как ранней, так и переходной от ранней к поздней формы, шерстистого носорога, длиннорогого и короткорогого бизонов, первобытного быка, сайгака, лошади и разнообразных грызунов. Руководящими видами комплекса являются ранняя и промежуточная формы мамонта [23].

Были ли жители Урала этого времени неандертальцами, как это традиционно трактовалось ранее, или это были люди с переходными чертами от *Homo erectus/ergaster* к *Homo sapiens archaic* или к человеку современного типа *Homo sapiens sapiens* – сказать пока невозможно.

Список литературы

1. Алексеева, Л. И. Териофауна верхнего плейстоцена Восточной Европы (крупные млекопитающие) [Текст] / Л. И. Алексеева // Труды ГИН. – М. : Наука, 1990. – Вып. 455. – 109 с.
2. Бадер, О. Н. Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале [Текст] / О. Н. Бадер, Г. Н. Матюшин // Сов. археология. – 1973. – № 4. – С. 135–142.
3. Болиховская, Н. С. Пространственно-временные закономерности развития растительности и климата Северной Евразии в неоплейстоцене [Текст] / Н. С. Болиховская // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 4. – С. 2–28.
4. Болиховская, Н. С. Реконструкция развития палеоклиматических событий плейстоцена по данным палинологических и электронно-парамагнитнорезонансных исследований на территории Северной Евразии [Текст] / Н. С. Болиховская, А. Н. Молодьков // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 2. – С. 2–21.
5. Вагнер, Г. А. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории [Текст] / Г. А. Вагнер. – М. : Техносфера, 2006. – 576 с.
6. Величко, А. А. Лёссовый покров [Текст] / А. А. Величко, Т. Д. Морозова, Ю. Н. Грибченко и др. // Динамика ландшафтных компонентов и внутренних бассейнов Северной Евразии за последние 130 000 лет. – Вып. II. – Общая палеогеография. – М., 2002.
7. Деревянко, А. П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита [Текст] / А. П. Деревянко // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – Вып. 2 (22). – С. 22–36.
8. Деревянко, А. П. Проблема бифасиальной техники в Китае [Текст] / А. П. Деревянко // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – 1 (33). – С. 2–32.
9. Деревянко, А. П. Палеолитоведение: введение и основы [Текст] / А. П. Деревянко, С. В. Маркин, С. А. Васильев. – Новосибирск : Наука, 1994.
10. Деревянко, А. П. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия) [Текст] / А. П. Деревянко, В. Т. Петрин, С. А. Гладышев и др. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – 2 (6). – С. 2–36.

11. Зыкин, В. С. Проблемы расчленения и корреляции плиоценовых и четвертичных отложений юга Западной Сибири [Текст] / В. С. Зыкин, В. С. Зыкина, В. С. Зажигин // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 2 (30).
12. Зыкин, В. С. Стратиграфия и основные закономерности изменения природной среды и климата в плейстоцене и голоцене Западной Сибири Зыкина [Текст] / В. С. Зыкин, Л. А. Орлова // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 3–22.
13. Косинцев, П. А. Трогонтериевый слон нижнего Иртыша [Текст] / П. А. Косинцев, Н. Е. Бобковская, А. В. Бородин, Е. В. Зиновьев, А. И. Некрасов, С. Н. Трофимова. – Екатеринбург : Болот, 2004. – 243 с.
14. Лидер, В. А. Четвертичные отложения Урала [Текст] / В. А. Лидер. – М. : Недра, 1976. – 144 с.
15. Мосин, В. С. Древнейшее орудие с Южного Урала [Текст] / В. С. Мосин, В. Н. Широков // Рос. археология. – 2007. – № 4. – С. 68–69.
16. Павлов, П. Ю. Палеолитические памятники Северо-Востока европейской части России [Текст] / П. Ю. Павлов. – Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 1996. – 212 с.
17. Павлов, П. Ю. Палеолит северо-востока Европы: новые данные [Текст] / П. Ю. Павлов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – 1 (33). – С. 33–45.
18. Павлов, П. Ю. Палеолит северо-востока Европы [Текст] : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / П. Ю. Павлов. – СПб., 2009.
19. Палеолит СССР [Текст]. – М. : Наука, 1984.
20. Петрин, В. Т. Комплекс эпохи палеолита с восточного склона Среднего Урала [Текст] / В. Т. Петрин, Ю. Б. Сериков // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. – Новосибирск : Наука, 1988. – С. 27–35.
21. Природа и древний человек (основные этапы развития природы палеолитического человека и его культуры на территории СССР в плейстоцене) [Текст]. – М. : Мысль, 1981. – 223 с.
22. Сериков, Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья [Текст] / Ю. Б. Сериков. – Нижний Тагил : НГПИ, 2000. – 430 с.
23. Стефановский, В. В. Плиоцен и квартал Восточного склона Урала и Зауралья [Текст] / В. В. Стефановский. – Екатеринбург : ИГГ УрО РАН, 2006. – 223 с.
24. Широков, В. Н. Об открытии двух палеолитических памятников на Южном Урале [Текст] / В. Н. Широков // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Сыктывкар, 1989.
25. Широков, В. Н. Палеолитическая стоянка Богдановка на реке Урал [Текст] / В. Н. Широков // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. – Новосибирск, 1991.
26. Широков, В. Н. Каменные орудия стоянки Богдановка I (Южный Урал) [Текст] / В. Н. Широков, Р. Б. Волков // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург, 2001.
27. Широков, В. Н. Палеолитическая стоянка Богдановка (Южный Урал) [Текст] / В. Н. Широков, Р. Б. Волков, П. А. Косинцев, Е. Г. Лаптева // Рос. археология. – 2011. – № 1. – С. 111–125.
28. Широков, В. Н. Палеолит и мезолит Урала [Текст] : учеб. пособие / В. Н. Широков, Р. Б. Волков, Г. М. Новикова. – Екатеринбург, 2005.
29. Шилова, Г. Н. Четвертичная эволюция растительных сообществ Южного Урала [Текст] / Г. Н. Шилова, А. Н. Демидова, А. В. Тевелев // Палинология: стратиграфия и геоэкология : сб. науч. тр. XII Всерос. палинолог. конф. – Т. II. – СПб., 2008.
30. Цейтлин, С. М. К геологии палеолитической стоянки Урта-Тубе (Мысовая) в Восточной Башкирии [Текст] / С. М. Цейтлин // Памятники древнейшей истории Евразии. – М. : Наука, 1975. – С. 27–31.